

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 8

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 8

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2024. Vol. 46, No 8

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2024

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute
of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University
for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor,
Petrozavodsk State University, President
of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy
of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian
Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State
Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk
State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor,
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, European University
at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONozHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Federal State University
of Education (Mytishchi, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science
Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University
"Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Ченцов А. С. Борьба с диверсионно-террористическим подпольем противника на территории Восточной Пруссии	71
АРХЕОЛОГИЯ			
Жульников А. М. Астрономические знаки на Онежских петроглифах: классификация и контекст.	8	Савченко А. С. Места принудительного содержания на территории Крыма в период нацистской оккупации	79
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ			
Безруков Д. А. Визит И. В. Архипова в КНР в 1984 году (по материалам китайской прессы)	20	Чунин П. А. «Оленемания» в аппарате управления Мурманского округа на рубеже 1920–1930-х годов	88
Миньсян Я. О приобретении российскими миссионерами книг в Пекине в первой половине XIX века.	27	IX АНДРОПОВСКИЕ ЧТЕНИЯ	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Васильев Ю. А. Карельская страница «Ленинградского дела»	96
Барынкин А. В. Эволюция представлений об экономической войне накануне Первой мировой войны и после ее окончания	39	Веригин С. Г. Личность Ю. В. Андропова в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б) Г. Н. Куприянова	106
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Парфенов Ж. П. Ю. В. Андропов и Г. Н. Куприянов – кто руководил подпольем Карело-Финской ССР?	112
Сенявская Е. С. Образ Венгрии как противника в сознании советских граждан в годы Великой Отечественной войны	45	Рецензии	
Зыкин И. В. Подготовка организаторов лесной промышленности в годы первых пятилеток.	55	Соколов А. С. Рец. на кн.: Признание: сборник статей	116
Кожевникова Ю. Н. Духовенство Кольского благочиния по ревизским сказкам 1816 года	64	Научная информация	
		Голдин В. И. Иностранная военная интервенция в России (1917–1922): осмысление в контексте современности	120
		Научная информация	123
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 29.11.2024. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 92

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Кандидат исторических наук,
Карельский научный центр
Российской академии наук
А. Ф. Кривоноженко

Alexander F. Krivonozhenko,
Editorial Council Member,
Cand. Sc. (History), Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Выпуск завершающего в этом году номера журнала получился разнообразным по тематике. В нем представлены статьи, относящиеся к различным направлениям исторической науки: археологии, отечественной и всеобщей истории, историографии. Кроме того, в номере нашли отражение материалы конференции и рецензии на недавно опубликованные издания.

Статья А. М. Жульникова посвящена одному из традиционных для археологии Карелии направлений – изучению неолитических наскальных изображений. Исследователь проанализировал с различных точек зрения совокупность астрономических знаков на Онежских петроглифах.

Различные аспекты истории российско-китайских отношений рассмотрели в своих работах Д. А. Безруков и Янь Миньсян.

В год 110-летия со дня начала Первой мировой войны актуальной является статья А. В. Барынкина. Автор проанализировал, как этот беспрецедентный военный конфликт повлиял на развитие взглядов об экономической войне.

История Великой Отечественной войны исследуется в статьях А. С. Савченко, А. С. Ченцова и Е. С. Сенявской. В работах Ю. Н. Кожевниковой и П. А. Чунина проанализированы некоторые социально-экономические вопросы из истории Мурманской области. Статья И. В. Зыкина посвящена проблеме, которая традиционно вызывает большой интерес в Карелии, – развитию лесной промышленности.

Отдельный блок публикаций в номере составляют материалы докладов прошедшей в Петрозаводске конференции, посвященной Ю. В. Андропову.

Особо отмечу рецензию на сборник «Признание», посвященный памяти А. А. Кожанова, внесшего неоценимый вклад в развитие исторического факультета Петрозаводского государственного университета в 1990-х и 2000-х годах. Для многих поколений петрозаводских студентов-историков, в том числе и для автора этих строк, Александр Алексеевич остался эталоном университетского преподавателя и организатора. Мы храним добрую память об этом строгом, требовательном и справедливом человеке. Представляется, что сборник будет интересен не только для читателей, причастных к историческому факультету университета, но и для историков высшей школы, источниковедов и антропологов.

Редакция журнала надеется, что опубликованные в номере научные статьи и другие материалы найдут заинтересованного читателя.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

rockart@yandex.ru

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НА ОНЕЖСКИХ ПЕТРОГЛИФАХ: КЛАССИФИКАЦИЯ И КОНТЕКСТ

А н н о т а ц и я . Представлены результаты изучения фигур-знаков на Онежских петроглифах, интерпретируемых исследователями как символические изображения небесных светил. Эти разные по форме фигуры, точное смысловое значение ряда которых остается под вопросом, образуют вторую по численности (после орнитоморфов) группу изображений на скалах Онежского озера, что определяет их несомненное значение для выявления специфики функционирования данного петроглифического святилища и реконструкции космогонических представлений древнего населения Северной Европы. В целях анализа морфологических особенностей астрономических знаков наряду с их классификацией были проведены планиграфические исследования композиций со знаками, выполнено изучение ориентации фигур в пространстве в отдельных скоплениях древних гравировок. Установлено, что подавляющая часть ассоциаций, включая палимпсесты, астрономических знаков с иными образами (перелетная птица, безрогий лось, антропоморф) на Онежских петроглифах является композициями, созданными древними людьми по определенному замыслу. Публикуемые в статье данные позволяют предполагать длительное функционирование на скалах Онежского святилища традиции нанесения на них астрономических пиктограмм. В ходе проведенного исследования выявлена взаимосвязь ориентировки символических фигур с определенными частями горизонта, что подтверждает их астрономический характер.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Онежские петроглифы, схематические изображения луны и солнца, астрономические знаки, палимпсест

Д л я ц и т и р о в а н и я : Жульников А. М. Астрономические знаки на Онежских петроглифах: классификация и контекст // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1105

ВВЕДЕНИЕ

Онежские петроглифы – одно из крупнейших в Северной Европе скоплений монументального первобытного наскального творчества. Оно состоит из 24 локальных групп, расположенных на протяжении 20 км восточного побережья Онежского озера. Здесь известно более 1200 отдельных фигур, включая петроглифы на фрагментах скал, попавших в музейные коллекции Государственного Эрмитажа и Национального музея Республики Карелия. Выделяются два основных пункта локализации наскальных изображений, разделенных участком побережья протяженностью около 15 км, где петроглифы единичны. Первый локальный район приурочен к окрестностям мыса Бесов Нос, второй – к мысу Кочковнаволок у устья реки Водла (рис. 1). На Онежских петроглифах доминируют изобра-

жения перелетных птиц, в основном лебедей. Другие массовые сюжеты: лось, лодка, антропоморф, абстрактная или астрономическая фигура. На онежских скалах изредка встречаются изображения предметов древней материальной культуры: копье, гарпун, весло, лыжи, лыжные палки или посохи, жезлы, культовое сооружение (?). Одной или несколькими фигурами представлены изображения медведя, собаки, бобра, выдры, лисы, змеи, белухи, рыбы, дерева.

Вопрос об абсолютной и относительной хронологии Онежских петроглифов продолжает оставаться дискуссионным. По палеогеографическим данным, определяющим время выхода на поверхность скал в районе Бесова Носа началом второй половины атлантического периода [4: 36], нижнюю хронологическую границу Онежских петроглифов допустимо отнести к средне-

му неолиту (культура ямочно-гребенчатой керамики). В районе мыса Бесов Нос высока доля абстрактных фигур, антропоморфов и лодок, наблюдается примерно равное количественное сочетание фигур, выбитых в силуэтной и контурной технике. На полуострове Кочковнаволок доминируют контурные и линейные фигуры лебедя, имеются изображения лодок в рентгеновском стиле, абстрактные знаки не представлены. Петроглифы в Водлинском микрорегионе в целом крупнее, чем в районе мыса Бесов Нос. Судя по наблюдаемым в наскальном творчестве Фенноскандии некоторым сходным тенденциям, устанавливаемым по петроглифам Северной Норвегии, Швеции, Белого моря, в частности по изображениям лодок, большая часть гравировок района Бесова Носа является более ранней, чем на полуострове Кочковнаволок [2: рис. 1].

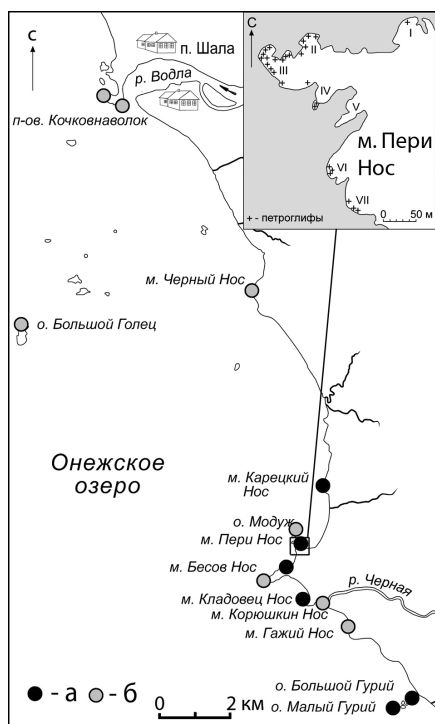

Рис. 1. Места обнаружения астрономических знаков на Онежских петроглифах и схема расположения петроглифов на мысе Пери Нос (Пери Нос I–VII): а – группы петроглифов со знаками; б – группы петроглифов, на которых астрономические знаки отсутствуют.

Все рисунки, кроме рис. 4, 6, 7, 8, А. М. Жульникова

Figure 1. Places of discovery of astronomical signs in the Onega petroglyphs and the layout of the petroglyphs on Cape Peri Nos (Peri Nos I–VII): а – groups of petroglyphs with signs; б – groups of petroglyphs with no astronomical signs.

All figures are courtesy of A. M. Zhulnikov, except for figures 4, 6, 7 and 8

Впервые гипотеза о связи символических знаков на Онежских петроглифах с небесными (космическими) явлениями была изложена в 30-е годы XX века в работах В. И. Равдоникаса [12], [13]¹. Мнение А. М. Линевского о том, что знаки с двумя лучами на Онежских петро-

глифах имеют материальный прототип в виде деревянной ловушки на пушного зверя (капкан-кляпцы) [7], было поддержано А. Я. Брюсовым [3] и, первоначально, Ю. А. Савватеевым [15]. В настоящее время предположение А. М. Линевского не разделяется учеными и представляет лишь историографический интерес. Современные исследователи петроглифов Онежского озера продолжают развивать гипотезу В. И. Равдоникаса, нередко существенно расходясь во мнениях относительно значения отдельных символических фигур и причин их появления на скалах Онежского озера [5], [9], [10], [11], [14].

На данный момент нерешенными остаются многие вопросы, связанные с изучением астрономических знаков: причины наблюдаемого разнообразия морфологического облика символических фигур; их хронология в рамках Онежского петроглифического святилища; наличие / отсутствие связи в расположении знаков на скалах с фазами Луны или местоположением на небе Солнца; способы использования символических фигур в ритуалах, проводимых древними охотниками и рыбаками на скалах Онежского озера, и т. п. Основой для рассмотрения данных вопросов, на мой взгляд, может являться типологическое изучение астрономических знаков с учетом контекста их размещения относительно других гравировок Онежского петроглифического святилища, ландшафтных и небесных «ориентиров».

Настоящее исследование опирается на современные публикации наскальных изображений Онежского озера В. Пойкалайнена и Э. Эрнитса [17], [18], а также результаты археологических исследований экспедиции Петрозаводского государственного университета, проведенных под руководством автора настоящей статьи. Эти разведочные работы позволили не только открыть новые астрономические знаки на плитах, оторванных ледоходом от основного массива скалы на мысе Пери Нос VI, но и произвести реконструкцию их изначального расположения [1], [6], [20]. В имеющихся публикациях по Онежским петроглифам детально показано размещение астрономических фигур относительно сторон света, поэтому сведения об ориентировке отдельных знаков в данной статье не приводятся.

Задачи исследования и его методика:

1. Выявление общих и особенных признаков астрономических знаков осуществлено путем создания их иерархической классификации (группа – тип – вариант – подвариант);

2. Анализ закономерностей размещения знаков сходных типов и их отдельных признаков на мысах восточного побережья Онежского озера был проведен на основе их классификации

с учетом количественных данных и данных пространственного расположения;

3. Устойчивые сочетания вариантов типов знаков, в том числе с иными образами Онежского петроглифического святилища, установлены на основе изучения статистических данных, а также планиграфического анализа размещения фигур в имеющихся композициях и относительно окружающего ландшафта;

4. Определение характера ориентации знаков в пространстве (по сторонам света) впервые выполнено путем построения круговых диаграмм раздельно для ряда локальных скоплений символических фигур Онежского озера.

Установление хронологии астрономических знаков, содержания и направленности ритуалов, происходивших в древности на онежских скалах, требует отдельного рассмотрения с учетом данных мифологии, привлечения этнографических данных, материалов иных петроглифических святилищ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Астрономические знаки представлены в девяти из 24 групп наскальных изображений Онежского озера². Наиболее многочисленны скопления знаков имеются на мысах Карецкий Нос, Пери Нос (см. рис. 1). Пери Нос состоит из семи выступающих в озеро скальных выступов, называемых исследователями мысами: Пери Нос I–VII. Обращает на себя внимание отсутствие астрономических знаков в некоторых группах Онежских петроглифов со значительным числом гравировок: на полуострове Кочковнаволоки и на мысе Бесов Нос (западная группа). Количество символических знаков по отношению к общему числу фигур, без учета довольно многочисленной группы неидентифицируемых образов, колеблется в статистически представительных группах Онежских петроглифов от 12,5 % на мысе Пери Нос III до 60,5 % на мысе Пери Нос VI.

В публикациях Н. В. Лобановой представлены два варианта классификации астрономических знаков с неодинаковым цифровым обозначением одних и тех же выделенных типов. Так, в опубликованных исследователем таблицах отличается число выделенных типов, а сходные по форме знаки (в частности, в виде месяца с двумя лучами) имеют различную нумерацию и т. п. [8: 262–263], [9: 199]. Использование данных классификаций для выявления сходных и отличительных черт между типами затруднено из-за имеющихся разночтений и отсутствия строгой упорядоченности по отдельным признакам. Предлагаемый в рамках данного исследования новый вариант классификации

простых (без ассоциации с иными образами) астрономических знаков Онежского озера подразделяет их по типам и вариантам в зависимости от исходной формы фигуры (в виде месяца, круга, кольца), от вида и количества иных признаков (рис. 2).

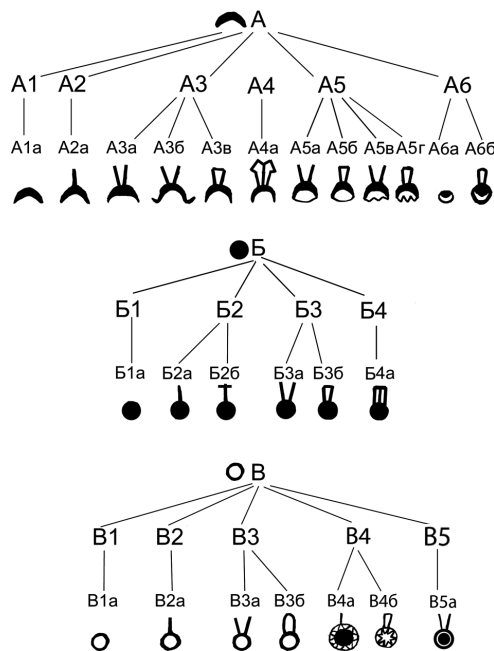

Рис. 2. Классификация простых (без ассоциаций с иными образами) астрономических знаков на Онежских петроглифах

Figure 2. Classification of simple astronomical signs (not associated with other images) in the Onega petroglyphs

Отходящие от основной части ряда фигур выступы именуются в данном исследовании условно «лучами» и «петельками». Различия в отдельных характеристиках ряда признаков, например в форме петельки (рис. 3: 6, 7, 19, 20, 22), позволяют увеличить число выделяемых вариантов (подвариантов), однако это было признано нецелесообразным из-за единичности ряда из них. Наличие вариаций в морфологии подобных специфических признаков (например, форма петельки) было учтено при выявлении закономерностей в размещении астрономических знаков в локальных скоплениях. Изображения символических фигур в ассоциации с иными образами, в том числе в тех случаях, когда невозможно установить полную форму изображенных знаков, включены в отдельную группу – «сложные знаки-образы». Кроме того, некоторые немногочисленные иные схематические фигуры на Онежских петроглифах, возможно, имеющие отношение к древней космогонии (рис. 3: 31–33), были учтены в общей статистике астрономических фигур (см. таблицу) в группе «иные знаки».

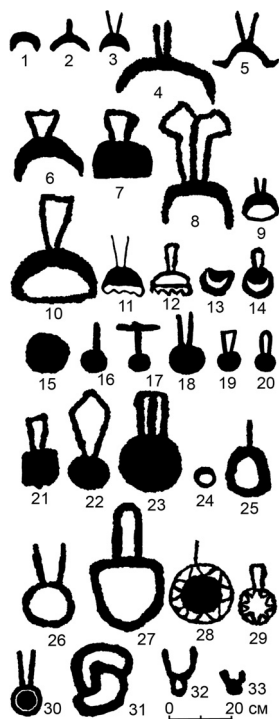

Рис. 3. Примеры типов и вариантов типов астрономических знаков и иных сходных с ними фигур на Онежских петроглифах

Figure 3. Examples of types and variants of types of astronomical signs and other similar figures in the Onega petroglyphs

Простые знаки на Онежских петроглифах редко имеют идеально правильную форму фигуры-основы (месяц, круг или кольцо), поэтому к ним отнесены все фигуры, имеющие в том числе овальную или неправильную форму, иногда выгравированные линиями, различающейся по ширине. Размеры лучей у одного знака часто неодинаковы. Имеются и некоторые иные отличия в пропорциях лучей, петелек, в их расположении относительно основы знака. Подобные отличия в качестве признаков, используемых в ходе классификации, не учитывались.

Классификация группы простых знаков позволила выделить 15 типов, которые подразделяются на 25 вариантов (см. рис. 2 и таблицу). Среди выделенных вариантов типов велика доля единичных – 12 экз. Пять вариантов типов можно отнести к редким – представлены 3–4 экз. Всего восемь вариантов типов являются массовыми – их число колеблется от семи до 47 фигур. Наиболее многочисленны фигуры, представляющие собой кружок с двумя расходящимися от него лучами (рис. 3: 18) (вариант Б3а). Вторую по численности группу составляют обычные кружки (рис. 3: 15) (вариант Б1а), количество которых на Онежском озере может быть, видимо, несколько больше, поскольку многие из подобных фигур, отличающихся небольшими размерами, отнесены в рамках данного исследования к неидентифицированным образам. Один из вариантов знаков имеет

в основе вид месяца с загнутыми наружу рогами (А3б) (рис. 3: 5). Он напоминает по облику некоторые фигуры двухголовых водоплавающих птиц, выгравированных на онежских скалах [5: 46–56].

Изучение сочетаний разных типов фигур и их вариантов в отдельных скоплениях показало, что знаки в виде довольно крупного по размерам кружка (более 3 см в диаметре) устойчиво сочетаются с иными видами астрономических знаков (см. таблицу). В тех скоплениях, где таких знаков нет, отсутствуют и подобные крупные кружки. Этот факт позволил отнести данный вид знаков на Онежском озере к символическим изображениям небесных светил. Простые знаки в виде кружка без дополнительных деталей (А1) имеют, как правило, значительно меньшие размеры (от 3 до 12 см в диаметре) по сравнению с иными типами данной группы (А2–А6) (максимальный размер – 25 x 62 см). Возможно, на мысах Онежского озера существуют различия в размерах знаков, относящихся к одному типу, однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Знаки варианта Б1а (кружки) можно найти во всех девяти скоплениях петроглифов с символическими фигурами, а знаки варианта Б3а имеются в семи скоплениях. Эти два варианта типов символических знаков можно назвать наиболее типичными для Онежского петроглифического святилища. Вариант А3а, хотя и занимает третье место по численности среди символических фигур Онежского озера, встречен всего в четырех скоплениях петроглифов (см. таблицу), которые, впрочем, выделяются многочисленностью представленных на них знаков. Единичные и редкие варианты типов характерны только для тех групп петроглифов, где символические фигуры многочисленны. Таким образом, прослеживается корреляция между вариативностью форм знаков и их общей численностью в группе петроглифов.

На мысах Онежского озера имеется пять композиций, в которых астрономические знаки явно преднамеренно включены в состав композиций с иными образами, образуя с ними неразрывное единство (рис. 4: А). В двух таких композициях антропоморф с луной, видимо, в руках (в одном случае в виде месяца, в другом – в виде круга и месяца) имеет голову, похожую на звериную (рис. 4: 1, 5). В композиции на мысе Бесов Нос (северная группа) один из вышеупомянутых антропоморфов со звериной головой, стоящий на лыжах, гонится за безрогим лосем (рис. 4: 1). На мысе Пери Нос VI у антропоморфа с месяцем в руках выше головы выгравирована, видимо, маска (?), напоминающая голову лоса (рис. 4: 3). На мысе Пери Нос VI знак в виде круга присоединен прямой линией-лучом к спине безрогого лоса (рис. 4: 2). Антропоморф на мысе Пери Нос III (рис. 4: 4) имеет голову, напоминающую по облику астрономический знак на Пери Носе VI (рис. 3: 30) (вариант Б5а).

Распределение типов и вариантов типов астрономических знаков
в группах Онежских петроглифов (автор – А. М. Жульников)

Distribution of types and variants of types of astronomical signs
within the groups of the Onega petroglyphs (by A.M. Zhulnikov)

Тип	Вариант	Наименование группы петроглифов									Итого
		Кареецкий Нос	Пери Нос II	Пери Нос III	Пери Нос VI	Пери Нос VII	Бесов Нос (северная группа)	Кладовец Нос	Остров Большой Гурий	Остров Малый Гурий	
A1	A1a	-	-	-	-	-	3	-	-	-	3
A2	A2a	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
A3	A3a	9	-	4	6	-	-	-	2	-	21
	A3б	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
	A3в	2	1	-	4	-	-	-	-	-	7
A4	A4a	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
A5	A5a	4	-	-	-	-	-	-	-	-	4
	A5б	1	-	-	2	-	-	-	-	-	3
	A5в	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
	A5г	-	-	1	3	-	-	-	-	-	4
A6	A6a	1	-	2	-	-	-	-	-	-	3
	A6б	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
B1	B1a	9	1	4	6	1	2	1	4	2	30
B2	B2a	6	1	2	5	1	1	-	-	-	16
	B2б	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
B3	B3a	15	1	9	12	-	3	2	5	-	47
	B3б	3	-	5	6	-	1	-	-	1	16
B4	B4a	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
B1	B1a	5	-	1	1	-	-	-	-	-	7
B2	B2a	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
B3	B3a	6	-	-	-	1(?)	-	-	-	-	7
	B3б	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2
B4	B4a	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
	B4б	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2
B4	B5a	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Итого		67	4	34	47	3	10	3	11	3	182
Ассоциации знаков неопределенной формы		-	-	2	2	-	2	-	-	-	6
Иные знаки		-	-	-	-	-	-	-	3	-	3
Итого		67	4	36	49	3	12	3	14	3	191

Характер расположения гравировок в четырех из пяти палимпсестов (астрономических знаков и иных образов) (рис. 4: Б) позволяет видеть в них преднамеренное наложение двух или трех фигур друг на друга или объединение в единую по замыслу композицию. На мысе Бесов Нос (северная группа) астрономический знак и лебедь с треугольным туловищем соединены двумя короткими линиями. Эти линии отходят от лучей астрономического знака к шее лебедя под некоторым углом (рис. 4: 8), без признаков наложения гравировок друг на друга, что подтверждает неслучайный характер данной ассоциации. Журавль в композиции на мысе Кареецкий Нос выгравирован поверх астрономической фигуры так, что птица как бы несет в кончике клюва космический символ (рис. 4:

9). Внутри контурного туловища лоса на мысе Кареецкий Нос находится фигура в виде круга с двумя лучами и, возможно, фигура в форме полумесяца (рис. 4: 6). Нет сомнений, что здесь наблюдается наложение разновременных фигур друг на друга, однако, судя по характеру размещения двух знаков внутри контура туловища копытного животного, такая композиция могла быть создана по определенному замыслу. В подобных ситуациях мы не можем исключить, что астрономические знаки изначально могли быть выбиты задолго до их включения в состав композиций с использованием образов птицы или лоса.

Единственный «классический» палимпсест с астрономическим знаком на Онежских петроглифах находится в скоплении гравировок в цен-

тральной части мыса Кладовец. Здесь круг с двумя лучами был преобразован древним человеком в совершенно иной образ – фигуру антропоморфа (рис. 4: 7). Этот знак в виде круга с двумя лучами, как и два иных одиночных изображения астрономических знаков в северной и южной частях мыса Кладовец, являются единственными изображениями этого типа на данном участке побережья Онежского озера.

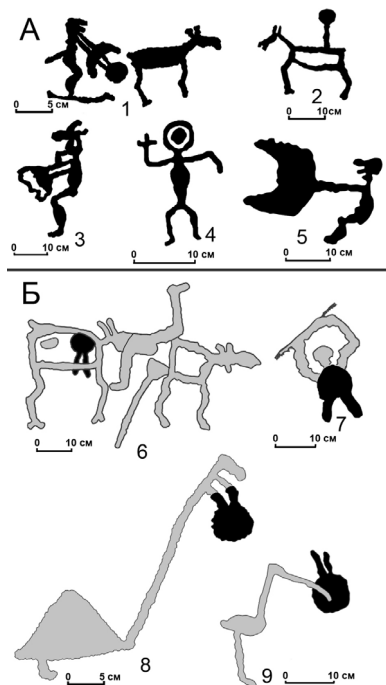

Рис. 4. Астрономические знаки в ассоциации с иными образами. А – преднамеренные ассоциации; Б – композиции, созданные путем объединения / наложения друг на друга двух и более фигур (палимпсесты). 1, 8 – Бесов Нос (северная группа); 2, 3 – Пери Нос VI; 4, 5 – Пери Нос III; 6, 9 – Карецкий Нос; 7 – Кладовец Нос [17: 59, 111, 411, 425, 553, 559], [18: 35, 225]

Figure 4. Astronomical signs associated with other images. А – deliberate associations; Б – compositions created by combining/overlapping two or more figures (palimpsests). 1, 8 – Besov Nos (northern group); 2, 3 – Peri Nos VI; 4, 5 – Peri Nos III; 6, 9 – Karetsky Nos; 7 – Kladovets Nos [17: 59, 111, 411, 425, 553, 559], [18: 35, 225]

При выявлении закономерностей в размещении фигур разных вариантов на мысах Онежского озера удалось установить, что большая часть групп со статистически представительными сериями астрономических знаков имеет отличия как по их составу, так и по сочетаниям вариантов типов друг с другом:

1) уникальным для групп Онежских петроглифов является сочетание на мысе Карецкий Нос трех вариантов знаков В2а, В3а, В3б (рис. 5). Подобные изображения знаков с основой в виде кольца выгравированы на скалах Онежского озера преимущественно на мысе Карецкий Нос, что с учетом их сходства по иным признакам с изо-

бражениями на Онежском озере в виде кружка (варианты В2а, В3а, б) позволяет отнести их к группе типологически близких фигур, выполненных в разной технике – контурной или силуэтной. На этом мысу располагаются два уникальных знака с основой в виде круга или месяца с двойными петельками. Только на мысе Карецкий Нос наблюдается целая серия фигур в виде месяца, имеющего узкие, серповидные пропорции (рис. 5, 8: 2);

2) в группах Пери Нос III и VI, расположенных поблизости друг от друга, находятся оригинальные сходные знаки, не встречающиеся в иных скоплениях гравировок восточного берега Онежского озера (см. рис. 5): фигуры в виде месяца, рога которого соединены зигзагообразной линией; фигуры, у которых по внутреннему периметру кольца выгравированы треугольники; фигуры, сходство которых проявляется в наличии в их составе изображения в виде кольца с кружком в центральной части; сочетание на мысе Пери Нос III двух вариантов типов фигур с оригинальной основой в виде месяца, выгравированного по контуру или помещенного в круг (Аба и А6б). На мысе Пери Нос VI имеется несколько знаков (в виде круга или месяца) с округлым завершением петельки (рис. 8: 1);

3) на мысе Бесов Нос (западная группа) находятся три изображения месяца, не имеющие дополнительных «деталей» в виде лучей или петель (см. рис. 5);

4) на острове Большой Гурий в пределах локального скопления гравировок рядом друг с другом выбиты три оригинальные фигуры, две из которых явно сходны по своему облику (см. рис. 3: 31–33, 5).

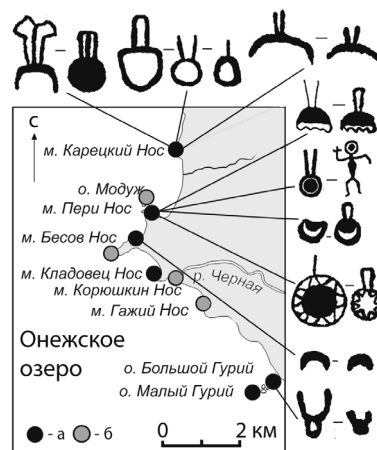

Рис. 5. Пространственное распределение проявлений сходства типов и признаков астрономических знаков Онежских петроглифов: а – группы петроглифов со знаками; б – группы петроглифов, на которых астрономические знаки отсутствуют

Figure 5. Spatial distribution of the manifestations of similarity of types and features of astronomical signs in the Onega petroglyphs: а – groups of petroglyphs with signs; б – groups of petroglyphs with no astronomical signs

Все композиции из петроглифов, в которых выявлены астрономические знаки, расположены на участках скал, где древние гравировки хорошо освещены лучами заходящего солнца. Иногда композиции расположены на уреze воды в Онежском озере, поэтому в летний период из-за волнения на озере увидеть их можно очень редко. Особенно показательна в этом отношении группа наскальных изображений в юго-западной части острова Малый Гурий, окруженного по периметру пологими гладкими скалами. Для создания гравировок древними людьми на этом острове был выбран крошечный, ничем внешне не примечательный участок скалы, заливаемый водой при малейшем волнении на озере (рис. 6).

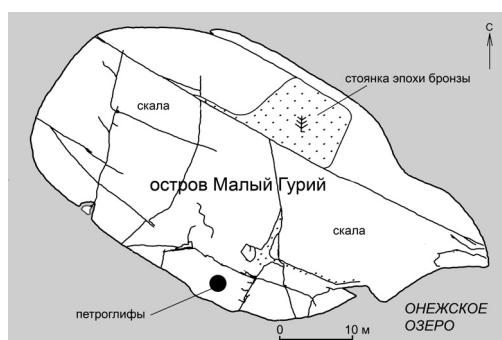

Рис. 6. Схема расположения группы петроглифов на острове Малый Гурий (выполнена на основе плана В. Пойкалайнена и Э. Эрнitsа [18: 326])

Figure 6. The layout of a group of petroglyphs on the Island of Maly Gurii (based on the plan by V. Poikalainen and E. Ernits [18: 326])

Состав групп петроглифов с астрономическими знаками позволяет предполагать, что в некоторых случаях композиция состояла всего из одной (на двух оконечностях мыса Карецкий Нос) или двух подобных фигур (Пери Нос II, Бесов Нос (западная группа)) (рис. 7: 3). Следует отметить, что среди других образов, представленных на Онежских петроглифах, только фигуры водоплавающих птиц на некоторых мысах или островах иногда не имеют сочетаний с иными видами изображений. На восточном берегу Онежского озера имеются пространственно (на поверхности скального мыса) или географически (на отдельном острове) изолированные композиции, где от одного до пяти астрономических знаков сочетаются с несколькими изображениями лебедей, лосей, лодок, антропоморфов (рис. 7: 7). В двух случаях фигуры животных (орнитоморфы, копытные) расположены вокруг астрономического знака так, как будто они движутся вокруг него по кругу (рис. 7: 1, 4). Одна из этих композиций выбита на черном овальном лавовом пятне, окруженном скалой красноватого цвета (рис. 7: 4). Наиболее часто астрономические знаки находятся рядом с фигурами водоплавающих птиц, будучи отделенными от других гравиро-

вок пустой скальной поверхностью (рис. 7: 5, 6). Имеются единичные примеры, где астрономические знаки выгравированы рядом с фигурой лося (рис. 7: 2) или лодкой (композиция в лавовом пятне на мысе Пери Нос III [17: 541]).

Опубликованные в трудах исследователей результаты изучения ориентировки знаков с лучами и петельками в пространстве (в градусной системе деления горизонта) представлены в виде графика [19] или круговых диаграмм [10], [11], [14]. В тех наблюдениях, где в одной диаграмме или графике совмещаются данные об ориентировке всех знаков восточного берега Онежского озера, исследователи явно исходят из тезиса о возможности использования символических фигур непрерывно на протяжении значительной части года. Однако приведенные выше результаты изучения состава знаков на разных мысах показывают, что многие подобные изображения создавались, скорее всего, не одновременно, разными людьми, имеющими индивидуальные предпочтения (традиции) в изображении близких по значению знаков.

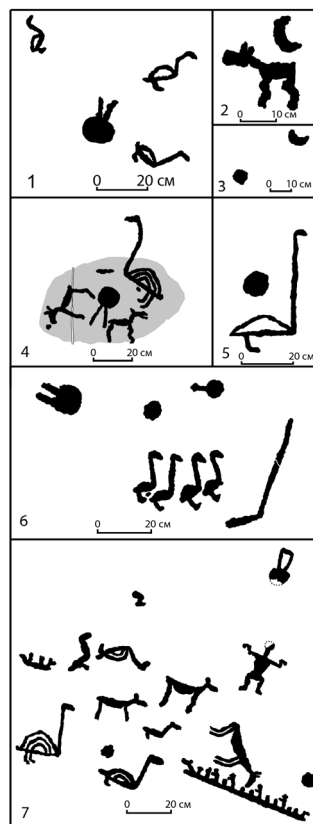

Рис. 7. Примеры композиций с астрономическими знаками и иными образами. 1, 5 – Карецкий Нос; 2, 3 – Бесов Нос (северная группа); 4 – остров Большой Гурий, 6 – Пери Нос VI; 7 – остров Малый Гурий [17: 41, 47, 519], [18: 35, 58, 324, 333]

Figure 7. Examples of compositions with astronomical signs and other images. 1, 5 – Karetsky Nos; 2, 3 – Besov Nos (northern group); 4 – Bolshoy Gurii Island, 6 – Peri Nos VI; 7 – Maly Gurii Island [17: 41, 47, 519], [18: 35, 58, 324, 333]

В этой ситуации основное внимание при изучении размещения знаков в пространстве уделено не всей совокупности знаков на скалах восточного берега Онежского озера, а их локальным скоплениям, находящимся в пределах прямой видимости человека и хорошо различимых визуально (определено автором в полевых условиях). Такие статистически представительные группы символических знаков на Онежском озере имеются лишь на мысе Пери Нос VI (рис. 8: 1) и в юго-восточной части «полотна» с наскальными гравировками на мысе Карецкий Нос (рис. 8: 2)³. Кроме того, данные пространственного изучения размещения знаков в локальном скоплении на мысе Карецкий Нос были сопоставлены с ориентировкой остальных знаков, расположенных в этом скоплении петроглифов. Пространственное изучение расположения знаков выполнено с учетом магнитного склонения (угол между географическим и магнитным меридианами) для восточного берега Онежского озера в 7°. Эта поправка необходима, поскольку показания магнитного компаса, определяемые в поле и фиксируемые в публикациях петроглифов на планах, как известно, отличаются от истинного направления на север.

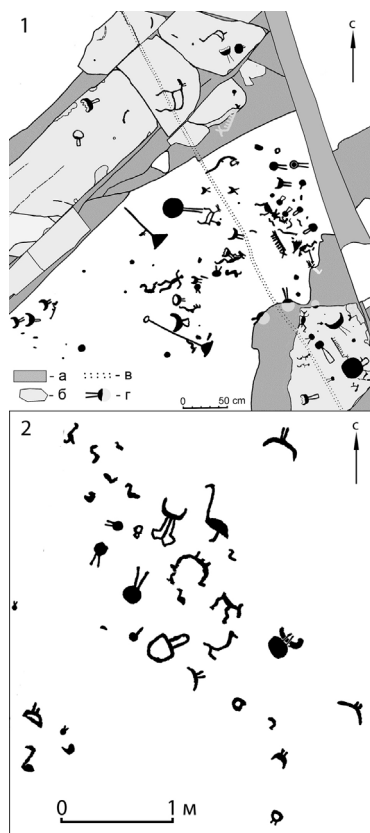

Рис. 8. Композиции со скоплениями астрономических знаков на мысах Пери Нос VI и Карецкий Нос. 1 – Пери Нос VI; 2 – Карецкий Нос [2: рис. 9], [17: 139]

Figure 8. Compositions with clusters of astronomical signs on capes Peri Nos VI and Karetzky Nos. 1 – Peri Nos VI; 2 – Karetzky Nos [2: fig. 9], [17: 139]

Сопоставление распределения знаков в пространстве в целом по мысам Пери Нос III и Карецкий Нос показывает наличие общих устойчивых закономерностей в размещении фигур по четырем сторонам света (с небольшим смещением на восток), тогда как промежуточные направления (северо-восток, юго-восток и т. д.) не представлены (рис. 9: 1, 4). В ходе исследования выявились некоторые отличия в ориентировке знаков на мысе Карецкий Нос: между их локальным скоплением в юго-восточной части скального полотна и остальными символическими фигурами этого мыса. Так, в локальном скоплении отсутствуют знаки с лучами или петельками, ориентированными на восток (рис. 9: 2), тогда как остальные знаки на мысе Карецкий Нос ориентированы на все четыре стороны света, со значительной долей фигур с восточным азимутом (рис. 9: 3).

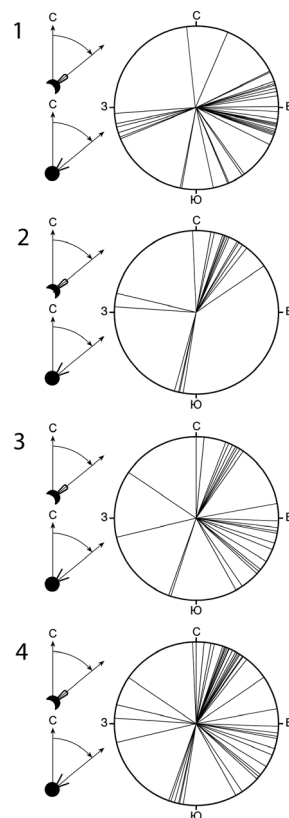

Рис. 9. Графы распределения в пространстве астрономических знаков на мысах Пери Нос VI и Карецкий Нос. 1 – Пери Нос VI; 2 – скопление знаков в юго-восточной части Карецкого Носа (рис. 8: 2); 3 – остальные знаки группы петроглифов Карецкий Нос; 4 – все астрономические знаки группы петроглифов Карецкий Нос

Figure 9. Graphs of the spatial distribution of astronomical signs on capes Peri Nos VI and Karetzky Nos. 1 – Peri Nos VI; 2 – accumulation of signs in the southeastern part of Cape Karetzky Nos (fig. 8: 2); 3 – other signs of the Karetzky Nos petroglyph group; 4 – all astronomical signs of the Karetzky Nos petroglyph group

ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Ориентация скоплений петроглифов на скальных мысах и островах Онежского озера преимущественно на запад (с некоторыми отклонениями на северо-запад и юго-запад), в направлении, где солнце опускается за горизонт, косвенно свидетельствует о том, что при выборе мест для создания петроглифов древние люди ориентировались преимущественно на положение светила во время заката. Луна большую часть времени года, как известно, наблюдается на небе в виде растущего / убывающего месяца или растущей / убывающей луны. Однако среди символических знаков Онежских петроглифов преобладают фигуры в виде круга или кольца. В этой связи, учитывая характер расположения скал с петроглифами и статистические данные по типам символических фигур, нельзя исключить принадлежность некоторой части астрономических знаков к солнечным символам.

Гипотеза Т. М. Потемкиной о возможной генетической связи лучей и петелек, отходящих от многих фигур на петроглифах, изображающих луну или солнце, с лунными или солнечными дорожками на бескрайней водной глади Онежского озера (без видимого на части горизонта противоположного берега водоема) [11] выглядит, на мой взгляд, вполне обоснованной.

Наложения друг на друга этих фигур (астрономических знаков), судя по особенностям их размещения, как было отмечено выше, могло произойти не случайно, а согласно определенному замыслу. Единственное исключение – преобразованный в фигуру антропоморфа одиночный знак в центральной части мыса Карецкий Нос (см. рис. 4: 7), смысловое значение которого для древнего художника, видимо, в определенный исторический период было утрачено. Следовательно, наблюдаемые на скалах Онежского озера палимпсесты с астрономическими знаками большей частью не могут использоваться для установления общей хронологии Онежских петроглифов, как ранее предполагал В. Пойкалайнен [16: 34–36].

Повторяемость определенных признаков знаков на отдельных мысах Онежского озера и их отсутствие на других косвенно свидетельствуют о том, что отдельные локальные скопления астрономических пиктограмм возникли в этом районе не одновременно. Создатели гравировок могли в определенных ситуациях, видимо, проявлять индивидуальность в наскальном творчестве, в том числе отходить от устоявшихся канонов изображения астрономических знаков. Многочисленность нетипичных (единичных) знаков на онежских скалах указывает, как мне пред-

ставляется, на неоднократные попытки древних творцов петроглифов создать новые виды пиктограмм, отражающих, возможно, многообразие форм и мест расположения на небосклоне светил, прежде всего луны.

Ассоциации астрономических знаков с образами человека, лося и перелетной птицы имеют ключевое значение для понимания смысла некоторых композиций на скалах Онежского озера и проводимых на них ритуалов, что требует специального рассмотрения.

Наличие выявленной устойчивой ориентации в пространстве частей астрономических знаков (в виде лучей и петелек) подтверждает их «космический» характер и указывает на возможную связь со вполне определенными, визуально наблюдаемыми древними людьми на мысах восточного берега Онежского озера астрономическими явлениями. Можно согласиться с предположением Т. М. Потемкиной, что представленные на онежских скалах основные формы знаков (в виде растущего / убывающего месяца, растущей / убывающей или полной луны) отражают большей частью фазы ночного небесного светила [10], [11]. Этот тезис, без детализации, обосновывался ранее и автором настоящей статьи [5], [6].

Астроном Питер Тенъес, отрицая наличие лунного календаря на скалах Онежского озера, обнаружил пять пиков в количественном распределении по горизонту знаков с выступами [19: fig. 5]. Если исходить из гипотезы о лунном происхождении знаков с выступами (лучами и петельками), то наблюдаемое число пиков хорошо согласуется с подразделением лунных фаз на пять основных, фиксируемых визуально невооруженным взглядом, стадий: от новолуния до первой четверти (половина диска луны); растущая луна; полнолуние; убывающая луна; от последней четверти до новолуния.

В географическом расположении астрономических знаков наблюдаются существенные различия: они находятся на мысах разнообразной конфигурации или островах Онежского озера на значительном удалении друг от друга (см. рис. 1). Знаки располагаются на неодинаковой высоте над уровнем озера, в том числе у уреза воды, поэтому из-за волнения на озере некоторые из них редко были доступны для использования в ритуалах или в целях создания новых гравировок. Благоприятные периоды для посещения одних и тех же групп петроглифов из-за непредсказуемости природных условий на скалах Онежского озера для древних людей могли существенно различаться от одного сезона к другому. Маловероятно, что было возможно создание гравировок в зимний период.

В некоторых локальных скоплениях петроглифов на мысах и островах Онежского озера в составе композиций, включающих фигуры орнитоморфов, копытных, лодок, антропоморфов, имеется всего один или несколько астрономических знаков (рис. 7: 7). Использование в качестве элементов древнего календаря подобных одиночных знаков представляется маловероятным. Знаки в таких композициях могли лишь отразить положение на небе небесного светила во время совершения кратковременного ритуала, частью которого являлось, возможно, и создание наскальной гравировки.

В целом с учетом особенностей природных условий на скалах восточного берега Онежского озера использование выгравированных здесь астрономических знаков в качестве круглогодичного лунного календаря Онежского озера, как предполагали Ф. В. Равдоникас [14] и Т. М. Потемкина [10], [11], не представляется возможным. Тем не менее исходя из полученных данных пространственного анализа очевидно, что фигуры в виде астрономических знаков размещались на скалах в зависимости от местоположения светил на небе. Следует отметить, что на Онежских петроглифах нашли многократное воплощение сцены и образы, явно связанные с зимним сезоном: изображения цепочек медвежьих следов и самих медведей; фигуры лыжников; безрогие, без исключений, лоси, включая группы (цепочки) фигур копытных животных. С учетом этих данных в гравировках на Онежских скалах вполне могло найти отражение положение светил на небе, характерное для зимнего периода года.

На мысах Пери Нос III и Карецкий Нос символические знаки в небольших по площади локальных скоплениях обладают определенным стилистическим единством, что предполагает их относительную одновременность и пространственную взаимосвязь. Распределение азимутов фигур с двумя лучами или петлей свидетельствует о наличии избирательности в их размещении в пространстве. Другие изображения на Онежском озере не обнаруживают подобной устойчивой ориентировки по сторонам горизонта. Таким образом, полученные данные свидетельствуют в пользу высказанного ранее некоторыми исследователями предположения о наличии пространственной связи фигур с лучами или петлями с реальными небесными объектами или явлениями (например, фазами луны или временем захода солнца) [5: 62–64], [10], [11], [14].

Наблюдаемые в разных частях мыса Карецкий Нос отличия в ориентации по сторонам

света групп символических фигур, возможно, обусловлены тем, что ритуал, совершаемый с их использованием, мог проходить не одновременно на отдельных частях этого скального пространства. Локальное скопление гравировок в юго-восточной части мыса Карецкий Нос могло, например, использоваться древними людьми более краткий период по сравнению со всей остальной совокупностью знаков этой группы наскальных изображений.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило выявить устойчивые сочетания некоторых видов символических знаков на отдельных мысах Онежского озера, что указывает на наличие в этом регионе в определенный исторический период единой изобразительной традиции создания на скалах пиктографических фигур, видимо, отражающих космические явления. Между скоплениями петроглифов, приуроченных к нескольким мысам и островам восточного берега Онежского озера, выявлены существенные морфологические различия по составу и видам символических знаков. Эти отличия, при общем соблюдении древними людьми на онежских скалах исходной канонической формы астрономических знаков, видимо, обусловлены индивидуальными проявлениями художественного творчества творцов гравировок, позволяющими отойти от устоявшейся иконографии образа. Наличие подобных явлений в наскальном творчестве косвенно свидетельствует о долговременности бытования рассматриваемой традиции и отчасти объясняет наличие многообразия в морфологическом облике символических фигур Онежского петроглифического святилища.

Новые данные, полученные в ходе анализа астрономических знаков на Онежских петроглифах, подтвердили высказанную ранее рядом исследователей, включая автора настоящей статьи, гипотезу о том, что формы ряда космических символов на онежских скалах отражают основные фазы Луны. Ориентировка астрономических знаков в пространстве по определенным сторонам горизонта, видимо, обусловлена стремлением древних людей отразить в виде гравировок на скалах Онежского озера реальное положение небесных светил (Луны и, возможно, Солнца), важное с точки зрения совершаемого здесь ритуала. Очевидно, что наблюдения за фазами Луны и положением иных светил на небосводе были весьма актуальны для древних охотников и рыболовов восточного побережья Онежского озера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В качестве символических фигур, имеющих астрономический характер, В. И. Равдоникас рассматривал и большинство иных Онежских петроглифов: изображения лодок, лебедей. Фигуры лосей и медведей также являются для исследователя большей частью солярными или лунарными знаками, а изображения людей иногда получали космическое переосмысление [13].
- ² Автором не рассматриваются как астрономические знаки многочисленные миниатюрные кружки (диаметром до 2,5–3 см), короткие изогнутые и прямые линии, овальные пятна, в том числе с отходящими от них изогнутыми линиями, имеющиеся на Онежских петроглифах, поскольку их соотношение с небесными светилами затруднительно. Эти фигуры не обнаруживают устойчивых сочетаний, наблюдаемых для иных знаков предполагаемого космогонического происхождения. Из числа символических знаков исключены крупные кольцеобразные фигуры, расположенные на острове Михайловец и на мысе Корюшкин Нос, поскольку их возраст, на мой взгляд, требует дополнительного изучения.
- ³ В рамках данного исследования не удалось провести изучение пространственного размещения астрономических знаков на мысе Пери Нос III, несмотря на их относительную многочисленность, поскольку часть плит с этого мыса была вывезена в 1934 году в Государственный Эрмитаж без проведения надлежащего документирования. Кроме того, в ходе отделения плит с петроглифами от основного массива скалы часть ее поверхности с несколькими астрономическими знаками была утрачена. Имеющиеся в публикациях исследователей реконструкции расположения плит со знаками на мысе Пери Нос III [8], [17] содержат явные разночтения, что требует продолжения работ по определению изначального размещения их в пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блышко Д. В., Жульников А. М. Реконструкция петроглифического святилища на мысе Пери Нос VI // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.511
2. Блышко Д. В., Жульников А. М. Применение трехмерных моделей для распознавания искусственных выбивок на петроглифах Онежского озера (на примере изучения изображения контурной лодки на полуострове Кочковनावолок) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2021. С. 416–425.
3. Брюсов А. Я. Карельские петроглифы // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 169–194.
4. Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск: КФ АН СССР, 1986. 108 с.
5. Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
6. Жульников А. М. Новые петроглифы мыса Пери Нос VI на Онежском озере // Краткие сообщения Института археологии. 2012. Вып. 227. С. 315–323.
7. Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Т. 1. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.
8. Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 440 с.
9. Лобанова Н. В. Знаковые и символические образы в наскальном искусстве Карелии: классификация, проблемы интерпретации // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 260. С. 195–208. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.260.195-208
10. Потемкина Т. М. Знаки Луны и Солнца в наскальных рисунках Онежского святилища // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 77–91.
11. Потемкина Т. М. Небо на скалах Онежского озера по данным археоастрономии // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2016. № 4 (1). С. 19–80.
12. Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Академия наук СССР, 1936. 212 с.
13. Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Советская археология. 1937. № 4. С. 11–32.
14. Равдоникас Ф. В. Лунарные знаки в наскальных изображениях Онежского озера // У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978. С. 116–132.
15. Савватеев Ю. А. Залавруга: археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1. Петроглифы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 444 с.
16. Poikalainen V. Rock art of Lake Onega. Tartu: Vaino Poikalainen Publ., 2004. 64 p.
17. Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega II: The Besov Nos region. Karetski and Peri localities. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 2019. 610 p.
18. Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega III: The Besov Nos region. Besov Nos, Kladovets, Gazhi and Guri localities. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 2021. 415 p.
19. Tenjes P. Petroglüüfide ja kalendrist // Tartu Tahetorni kalender 1987. Aastaks. Tallin: VALGUS, 1986. P. 81–91.
20. Zhulnikov A. New rock carvings from the Peri Nos VI Cape on Lake Onega // Fennoscandia archaeologica. 2010. Vol. XXVII. P. 89–96.

Original article

Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

ASTRONOMICAL SIGNS IN THE ONEGA PETROGLYPHS: CLASSIFICATION AND CONTEXT

Abstract. The article presents the findings from a study of the figures and symbols found in the Onega petroglyphs, which researchers interpret as representations of celestial bodies. These figures, varying in shape (many of which have uncertain semantic meanings), constitute the second largest group of images on the rocks of Lake Onega, following ornithomorphs. This underscores their significant role in understanding the unique aspects of this petroglyphic sanctuary and in reconstructing the cosmogonic beliefs of the ancient population of Northern Europe. To analyze the morphological characteristics and classification of these astronomical signs, there were conducted planographic studies of compositions featuring the signs and examined the spatial orientation of figures within specific clusters of ancient engravings. The research has demonstrated that the vast majority of associations, including palimpsests, of astronomical signs with other images (such as a migratory bird, a hornless moose, and an anthropomorph) in the Onega petroglyphs are deliberate compositions created by ancient peoples according to a certain plan. The findings presented in this article indicate that the tradition of inscribing astronomical pictograms on the rocks of the Onega sanctuary had been in place for a considerable period. The study also revealed a correlation between the orientation of these symbolic figures and specific points on the horizon, which confirms their astronomical nature.

Key words: Onega petroglyphs, schematic images of moon and sun, astronomical signs, palimpsest

For citation: Zhulnikov, A. M. Astronomical signs in the Onega petroglyphs: classification and context. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1105

REFERENCES

1. Blyshko, D. V., Zhulnikov, A. M. Reconstruction of Peri Nos VI Cape petroglyphic shrine. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(6):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.511 (In Russ.)
2. Blyshko, D. V., Zhulnikov, A. M. Use of 3D models for recognizing the anthropogenic engravings on rock surface (case study of contour boat image on Kochkovnavolok Peninsula, petroglyphs of Lake Onega). *Tver archaeological collection*. Issue 12. Tver, 2021. P. 416–425. (In Russ.)
3. Bryusov, A. Ya. Karelian petroglyphs. *Journal of Ancient History*. 1937;1:169–194. (In Russ.)
4. Devyatova, E. I. Natural environment and its changes in the Holocene (the coasts of the north and center of Lake Onega). Petrozavodsk, 1986. 108 p. (In Russ.)
5. Zhulnikov, A. M. Petroglyphs of Karelia: Image of the world and the worlds of images. Petrozavodsk, 2006. 224 p. (In Russ.)
6. Zhulnikov, A. M. New rock carvings from Peri Nos VI Cape of the Lake Onega. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2012;227:315–323. (In Russ.)
7. Linevsky, A. M. Petroglyphs of Karelia. Petrozavodsk, 1939. 194 p. (In Russ.)
8. Lobanova, N. V. Petroglyphs of Lake Onega. Moscow, 2014. 440 p. (In Russ.)
9. Lobanova, N. V. Signs and symbols in Karelia rock art: classification and issues of interpretation. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2020;260:195–208. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.260.195-208 (In Russ.)
10. Potemkina, T. M. Moons and suns in the rock drawings of Onega sacred place. *Ural Historical Journal*. 2010;1(26):77–91. (In Russ.)
11. Potemkina, T. M. Sky on the rocks of Onega Lake according to data of archaeoastronomy. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2016;4(1):19–80. (In Russ.)
12. Ravdonikas, V. I. Rock paintings of Lake Onega. Moscow; Leningrad, 1936. 212 p. (In Russ.)
13. Ravdonikas, V. I. Elements of cosmic representations in the images of rock carvings. *Soviet Archaeology*. 1937;4:11–32. (In Russ.)
14. Ravdonikas, F. V. Lunar signs in the rock paintings of Lake Onega. *At the origins of creativity*. Novosibirsk, 1978. P. 116–132. (In Russ.)
15. Savvateev, Yu. A. Zalavruga: archaeological relics of the lower Vyg River. Part 1. Petroglyphs. Leningrad, 1970. 444 p. (In Russ.)
16. Poikalainen, V. Rock art of Lake Onega. Tartu, 2004. 64 p.
17. Poikalainen, V., Ernits, E. Rock carvings of Lake Onega II: The Besov Nos region. Karetski and Peri localities. Tartu, 2019. 610 p.
18. Poikalainen, V., Ernits, E. Rock carvings of Lake Onega III: The Besov Nos region. Besov Nos, Kladovets, Gazhi and Guri localities. Tartu, 2021. 415 p.
19. Tenjes, P. Petroglüüfidest ja kalendrist. *Tartu Tahetorni kalender 1987. Aastaks*. Tallin, 1986. P. 81–91.
20. Zhulnikov, A. New rock carvings from the Peri Nos VI Cape on Lake Onega. *Fennoscandia Archaeologica*. 2010;XXVII:89–96.

Received: 6 August 2024; accepted: 30 September 2024

ДАНИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЗРУКОВ

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-4107-2575; bezrukov.danilla@gmail.com

ВИЗИТ И. В. АРХИПОВА В КНР В 1984 ГОДУ (по материалам китайской прессы)

А н н о т а ц и я . Рассматриваются основные события и результаты визита советской делегации под руководством первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова в Китай в декабре 1984 года. Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью и освещением отдельных деталей визита, в особенности с точки зрения восприятия этих событий китайской стороной. Новизна заключается в широком привлечении материалов китайской прессы в качестве основного источника. Цель статьи – на основе анализа китайской прессы определить ключевые особенности и последствия визита Архипова в контексте развития двусторонних отношений, а также рассмотреть изменения в риторике китайских СМИ по отношению к СССР. Сделан вывод о том, что визит Архипова стал одним из центральных событий в процессе нормализации советско-китайских отношений. Помимо главного формального результата, выраженного в подписании соглашений по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, он оказал значительное влияние на развитие долгосрочного межгосударственного сотрудничества на разных уровнях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : советско-китайские отношения, нормализация отношений, И. В. Архипов, китайская пресса, Жэньминь жибао

Д л я ц и т и р о в а н и я : Безруков Д. А. Визит И. В. Архипова в КНР в 1984 году (по материалам китайской прессы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 20–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1106

ВВЕДЕНИЕ

Нормализация советско-китайских отношений была долгим и комплексным процессом, включавшим в себя множество разнородных политических событий. Здесь можно выделить целый ряд ключевых моментов, сыгравших заметную роль в восстановлении межгосударственных связей. Однако, как представляется, в этом ряду недостаточное освещение получил визит советской делегации под руководством первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова в Китай в декабре 1984 года. Хотя данный визит и не решал напрямую наиболее острые проблемы в двусторонних отношениях, делегации Архипова все же удалось добиться прорыва на таких важных направлениях, как торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество, а также заложить основы и общие принципы, которые будут широко использоваться в дальнейшем переговорном процессе. Визит приобрел особое символическое значение, чему в немалой степени способствовал сам Архипов.

Источниковую базу данного исследования составляют материалы китайской прессы,

а именно газеты «Жэньминь жибао» (人民日报), являющейся официальным печатным изданием ЦК КПК. Выбор такого источника объясняется несколькими факторами. Во-первых, это специфика функционирования СМИ в таких политических системах, как СССР и КНР, где всей полнотой власти на практике обладает одна партия. Очевидно, что в таких обстоятельствах все содержание прессы и других СМИ находится под влиянием правящей партии и подчинено ее интересам, в том числе и во внешней политике. В результате материалы СМИ становятся важнейшим источником для изучения и реконструкции взглядов высшего руководства государства на определенные проблемы, в данном случае – на развитие советско-китайских отношений.

Во-вторых, существенно отметить социальную роль СМИ как основного средства пропаганды среди населения. Дело в том, что одновременно с внешнеполитической нормализацией отношений происходило изменение риторики китайских СМИ по отношению к Советскому Союзу. Прямым следствием этого стала существенная трансформация образа СССР в глазах

китайского населения в 1980-е годы. Из положения «социал-империалистической» державы Советский Союз переходил в ранг государства, с которым Китаю необходимо вести и развивать стратегическое сотрудничество.

В-третьих, особое внимание обращает на себя разница в освещении визита Архипова в советской и китайской прессе. Советские газеты «Правда» и «Известия» публиковали весьма короткие заметки об этих событиях, что значительно контрастирует с китайской прессой, которая на протяжении всего пребывания советской делегации в Китае ежедневно размещала подробные сообщения о ходе переговоров.

Визит Архипова в Китай в 1984 году стал именно тем событием, освещение которого в китайской прессе демонстрировало коренные сдвиги не только в развитии двусторонних отношений, но и в отношении к СССР и советскому народу в целом. В связи с этим основное внимание в статье будет сосредоточено на выявлении и анализе ключевых особенностей рассматриваемого визита, а также специфики отражения этих событий в материалах китайской прессы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПОДГОТОВКА К ВИЗИТУ

Как известно, начало раскола в советско-китайских отношениях относится к концу 1950-х – началу 1960-х годов и во многом связано с идеологическими разногласиями между КПСС и КПК, а также личными противоречиями между лидерами государств – Н. С. Хрущевым и Мао Цзэдуном. Кульминацией раскола можно считать вооруженные конфликты на острове Даманский и у озера Жаланашколь в 1969 году. Хотя СССР и КНР тогда удалось преодолеть горячую фазу конфликта, острые внешнеполитические противоречия продолжали накапливаться в течение 1970-х годов. По-настоящему заметных сдвигов в нормализации отношений не произошло ни после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году, ни после начала политики реформ и открытости в Китае в конце 1978 года [4].

Ситуация значительно осложнялась событиями на международной арене. Так, в начале 1979 года Китай вступил в военный конфликт с дружественным СССР Вьетнамом, а в конце того же года Советский Союз ввел ограниченный военный контингент в Афганистан, что было воспринято Китаем как еще одна угроза собственной безопасности. Именно поддержка Советским Союзом действий Вьетнама в Кампучии, ввод советских войск в Афганистан, а также нахождение значительных военных соединений

на советско-китайской границе и в Монголии стали теми «тремя большими препятствиями», которые, по мнению китайского руководства, мешали полноценной нормализации отношений между СССР и КНР [5].

Рубежным в этих событиях стало выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Ташкенте в марте 1982 года, который по-прежнему критиковал некоторые аспекты китайской политики, но вместе с тем признал «социалистический общественный строй» в Китае, а также однозначно подтвердил суверенитет КНР над Тайванем. Генеральный секретарь заявил о ненормальности враждебного состояния между двумя государствами, а также о принципиальной готовности к диалогу без всяких предварительных условий по широкому спектру вопросов¹. В Китае сразу же обратили внимание на новые настроения, выраженные советским лидером в «ташкентской речи». Однако в ответном выступлении китайская сторона продолжила занимать твердую позицию и заявила о необходимости практических действий со стороны СССР для преодоления «трех препятствий» [6: 264–266].

Обеим сторонам было понятно, что быстрое разрешение геополитических конфликтов на тот момент невозможно. Эти обстоятельства заставили Советский Союз и Китай искать другие пути сближения и взаимодействия. Одним из таких путей стало решение о подготовке визита советской делегации в Китай, целью которого должно было стать налаживание связей в сфере экономического сотрудничества. После длительного согласования дата отправки советской делегации была назначена на конец 1984 года. Руководителем делегации стал первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов [6: 270–272]. Для полноценного рассмотрения последующих событий необходимо обратить внимание на профессиональный опыт и особенности служебной карьеры самого Архипова.

Иван Васильевич Архипов родился в 1907 году в Калуге. В 1928 году стал членом КПСС. Высшее образование получил в Московском станко-строительном институте, окончив его в 1932 году. Во время Великой Отечественной войны занимал должность заместителя наркома (с 1946 года – министра) цветной металлургии (1943–1948). Затем был заместителем министра металлургической промышленности (1948–1950). В 1950 году Архипов был направлен в Китай в качестве советника по экономическим вопросам при посольстве СССР в КНР [2: 206–207]. С 1950 по 1958 год трижды получал назначение

на должность советника по экономическим вопросам в Китае. В течение этого периода он фактически был руководителем всех советских советников и специалистов в Китае [6: 271].

Как отмечают китайские исследователи, Архипов внес значительный вклад в социалистическое строительство и реализацию первого пятилетнего плана КНР. По его инициативе был сформирован механизм регулярных двусторонних совещаний, что способствовало координации работы советских специалистов. Также Архипов принимал непосредственное участие в планировании и осуществлении работ на таких крупных промышленных объектах, как, например, Аньшаньский металлургический комбинат и Фушуньский алюминиевый завод [8: 32–33].

Таким образом, выбор Архипова в качестве главы делегации в 1984 году был неслучаен. Бывший руководитель советских советников в Китае устраивал как советскую, так и китайскую стороны. Так, например, из уст китайских руководителей часто звучало мнение о том, что Архипов «никогда не злословил по поводу Китая во времена ухудшения отношений между двумя странами» [6: 271]. В качестве еще одного подтверждения уважительного отношения к Архипову в Китае можно назвать тот факт, что там за ним закрепилось особое обращение – *А Лао* 阿老, где первый иероглиф является началом его фамилии, а второй можно трактовать как почтительное обращение к старшему наставнику [9].

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВИЗИТА

21 декабря 1984 года советская делегация под руководством И. В. Архипова по приглашению правительства КНР прибыла в Пекин. Основной темой предстоящих переговоров были объявлены торгово-экономические и научно-технические связи между двумя государствами. Этим объяснялся и соответствующий состав делегации, в которую вошли: первый заместитель министра внешнеэкономических связей СССР А. И. Качанов, заместитель председателя Госплана СССР Н. Н. Иноземцев, заместитель министра внешней торговли СССР И. Т. Гришин и заместитель председателя Государственного комитета СССР по науке и технике В. М. Кудинов².

Визит советской делегации сразу же стал широко освещаться в китайской прессе. Так, ежедневные заметки о ходе визита включали в себя довольно подробное описание деталей и содержания переговорного процесса между Архиповым и китайскими руководителями³. Таким обра-

зом, китайское руководство посредством прессы и других СМИ намеренно демонстрировало принципиальную важность этих переговоров для потенциальной нормализации отношений.

С 21 по 23 декабря Архипов и заместитель премьера Госсовета КНР Яо Илинь провели три заседания, во время которых обе стороны ознакомились друг друга с экономической ситуацией в своих странах, а также обменялись мнениями по вопросам дальнейшего сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической сферах. Практическим результатом этих встреч стала договоренность о намерении двух сторон подписать три соглашения по указанным вопросам. Другим важным успехом на этих переговорах стала договоренность о заключении соглашения о товарообороте и платежах сроком на пять лет. Подписание данного документа было намечено на первую половину 1985 года⁴.

23 декабря Архипов также провел встречу с премьером Госсовета КНР Чжао Цзяном. В ходе беседы стороны обсудили некоторые вопросы развития советско-китайских отношений, а также результаты состоявшихся переговоров. Общее настроение всей беседы может наглядно выразить заголовок статьи «Жэньминь жибао»: «Во время встречи с И. В. Архиповым Чжао Цзян заявил, что Китай искренне надеется на улучшение двусторонних отношений, а также на практические действия со стороны Советского Союза». Показательно и заявление Чжао Цзяна о том, что «различия во взглядах на международные вопросы и на вопросы о внутригосударственном строительстве не должны становиться преградой на пути улучшения и развития двусторонних отношений». В заключение встречи Архипов пригласил Чжао Цзяна посетить СССР с ответным визитом в следующем году, на что премьер Госсовета ответил согласием⁵.

24 декабря делегация Архипова встретила с первым секретарем центральной комиссии КПК по проверке дисциплины Чэнь Юнем. На встрече также присутствовали заместитель председателя центральной комиссии советников КПК Бо Ибо и Яо Илинь, в связи с чем часть беседы была посвящена воспоминаниям об их совместной работе с Архиповым в 1950-е годы, а также их личным дружеским связям, о чем подробно сообщает китайская пресса. Обе стороны вновь обсуждали общие вопросы и проблемы развития советско-китайских отношений. Центральный посыл этих обсуждений можно продемонстрировать высказыванием Чэнь Юня, вынесенным в заголовок газетной публикации: «На встрече с И. В. Ар-

хиповым Чэнь Юнь заявил, что нормализация отношений соответствует интересам народов обеих стран». При этом китайская сторона вновь акцентировала внимание на необходимости конкретных практических действий со стороны СССР во внешней политике⁶.

В тот же день делегация Архипова в сопровождении заместителя министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня отправилась в поездку по Китаю. В ходе этой поездки члены делегации посетили Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Ухань⁷. Выбор такого маршрута был обоснован торгово-экономической направленностью задач советской делегации, поскольку именно эти города одними из первых в КНР вступили на путь экономической модернизации.

Во время поездки Архипов встречался с представителями местных властей и промышленных предприятий. Основное внимание было сосредоточено на развитии советско-китайских экономических связей, а также на обсуждении достигнутых Китаем за время реформ успехов⁸. В этом плане Архипов оказался очень удачной фигурой для китайской пропаганды, поскольку он был напрямую связан с самыми первыми успехами промышленности КНР, а теперь стал свидетелем новых глобальных перемен в китайской экономике. Так, например, за время визита Архипов посетил такие предприятия, как Яньшаньский нефтехимический комбинат⁹, предприятия Шэньчжэньской свободной экономической зоны¹⁰ и Уханьский металлургический комбинат¹¹. Посредством освещения этих событий китайская пресса активно пропагандировала успехи реформ. Фактически каждая такая публикация заканчивалась комментариями Архипова, одобряющего направление этих преобразований.

28 декабря в Пекине между правительством СССР и правительством КНР были подписаны оговоренные ранее соглашения (свои подписи под соглашениями поставили И. В. Архипов и Яо Илин): об экономическом и техническом сотрудничестве и о научно-техническом сотрудничестве. Контроль за выполнением этих договоренностей поручался советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству, создававшейся в рамках третьего подписанного соглашения¹². Подписание трех указанных документов стало главным формальным итогом визита Архипова. Забегая вперед, можно сказать, что реализация этих договоренностей существенно способствовала расширению и развитию советско-китайских экономических связей, а также увеличению объемов

общего товарооборота [1]. Однако, как представляется, значение рассматриваемой миссии вышло далеко за рамки экономики и научно-технического сотрудничества. В ходе визита активно обсуждались и проговаривались те внешнеполитические нормы, которые впоследствии лягут в основу долгосрочного сотрудничества между двумя государствами. В ходе переговоров неоднократно подчеркивалось фундаментальное значение таких принципов, как равноправие и взаимная выгода, невмешательство во внутренние дела и взаимное уважение суверенитета. Именно на этих принципах и будут строиться дальнейшие отношения между Китаем и Советским Союзом (а впоследствии – и Россией). Что же касается особой роли китайских СМИ в данных событиях, то можно отметить следующее: в ходе анализа материалов китайской прессы очевиден общий доброжелательный тон публикаций, посвященных рассматриваемым событиям. Такой ракурс значительно контрастирует с той систематической критикой, которую китайские СМИ проводили в отношении внешней политики СССР в рассматриваемый период. Сам Архипов регулярно называется «старым другом Китая». В газетных статьях подчеркиваются его давние связи с КНР, а также его личный вклад в строительство Нового Китая в 1950-е годы¹³. Особое внимание уделяется личным дружеским связям Архипова с такими крупными китайскими руководителями, как Яо Илин, Чэнь Юнь, Бо Ибо, Пэн Чжэнь и другими¹⁴. Отдельные заметки освещают эпизоды визита Архипова, которые не связаны напрямую с официальным переговорным процессом. В качестве примера можно привести такие заголовки, как «Вань Ли пригласил И. В. Архипова отведать утку по-пекински»¹⁵ или «И. В. Архипов посетил театральное представление»¹⁶. Стоит предположить, что данные публикации также были направлены на создание доброжелательной атмосферы вокруг визита советской делегации. Посредством СМИ китайское руководство стремилось донести до советской стороны свою добрую волю в отношении нормализации двусторонних связей. В качестве еще одного примера можно отметить регулярные отсылки в прессе ко временам советско-китайской дружбы, непосредственным свидетелем которых был сам Архипов. При этом следует понимать, что Китай больше не устраивала роль «младшего брата» СССР, чем и объясняется активное продвижение китайской стороной принципов равенства и взаимной выгоды на переговорах во время рассматриваемого визита.

Важным вопросом является воздействие СМИ на восприятие Советского Союза среди китайского населения. Как можно заметить при подробном рассмотрении газетных публикаций, в течение всех переговоров СССР представлялся как крупная социалистическая держава, с которой Китай связывает много общего, включая уже упомянутый период тесных взаимоотношений в 1950-е годы. При этом идеологические противоречия отходят на второй план и все меньше воспринимаются как серьезная помеха на пути развития двусторонних отношений. Посредством таких весьма серьезных изменений в риторике китайские руководители стремились повлиять и на общественное мнение, а в более далекой перспективе – подготовить почву для полноценной нормализации отношений и восстановления межгосударственных связей с СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Визит делегации во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР И. В. Архиповым в Китай в декабре 1984 года стал важным рубежом на пути к нормализации советско-китайских отношений. В условиях сложной международной обстановки и неразрешенных геополитических конфликтов главным итогом визита стал прорыв в направлении «малой разрядки», включавшей сферы экономики, торговли и научно-технического сотрудничества.

Данные события имели и большое символическое значение: помимо того, что Архипов стал самым высокопоставленным советским чиновником, посетившим КНР со времени визита А. Н. Косыгина в 1969 году, руководитель советской делегации в силу своих давних рабочих и дружеских связей с Китаем и китайскими руко-

водителями явился своеобразным проводником от периода советско-китайской дружбы 1950-х годов к нормализации в 1980-е годы. Кроме того, как было показано в рамках исследования, визит делегации Архипова внес значительный вклад в определение политической ориентации сторон на долгосрочное сотрудничество, на переход от идеологической конфронтации к более прагматичному и конструктивному взаимодействию на разных уровнях. Последующие за визитом несколько лет станут переломными в советско-китайских отношениях, что, конечно, во многом будет связано с приходом к власти М. С. Горбачева и началом перестройки в СССР [3]. Однако вполне обоснованным может быть вывод о том, что именно результаты визита Архипова способствовали созданию и развитию условий для столь кардинальных перемен в двусторонних отношениях.

В качестве заключительного пункта данного исследования хотелось бы еще раз отметить роль и значение изменения риторики китайского руководства по отношению к Советскому Союзу. Данный процесс, осуществлявшийся главным образом посредством СМИ, привел к значительной трансформации восприятия СССР китайским населением на самых различных уровнях. При этом многие из сформировавшихся представлений сохраняются и в современных условиях, оказывая влияние на развитие современных российско-китайских отношений [7]. Одним из центральных в данном вопросе становится представление о России как о крупном и важном партнере по стратегическому сотрудничеству, отношения с которым необходимо выстраивать прежде всего с точки зрения ответственного мирного развития и равноправия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Ташкенте, посвященном вручению Узбекской ССР ордена Ленина // Правда. 1982. 25 марта.

² 阿尔希波夫启程访华 // 人民日报, 1984年12月21日。(И. В. Архипов отправляется с визитом в Китай // Жэньминь жибао. 21.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-21-6> (дата обращения 07.06.2024).

³ 探讨贸易、经济和科技关系进一步发展 苏联部长会议第一副主席抵京 姚依林同阿尔希波夫举行会谈 // 人民日报, 1984年12月22日。(Обсуждение дальнейшего развития торгово-экономических и научно-технических связей. Яо Илунь провел переговоры с прибывшим в Пекин первым заместителем Председателя Совета Министров СССР И. В. Архиповым // Жэньминь жибао. 22.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-22-1> (дата обращения 07.06.2024); 赵紫阳会见阿尔希波夫时说 中国希望两国关系真正改善 希望苏联方面有所行动才好 // 人民日报, 1984年12月24日。(Во время встречи с И. В. Архиповым Чжао Цзыян заявил, что Китай искренне надеется на улучшение двусторонних отношений, а также на практические действия со стороны Советского Союза // Жэньминь жибао. 24.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-24-1> (дата обращения 07.06.2024); 陈云在会见阿尔希波夫时说 中苏关系正常化有利于两国人民利益 // 人民日报, 1984年12月25日。(На встрече с И. В. Архиповым Чэнь Юнь заявил, что нормализация отношений соответствует интересам народов обе-

- их стран // Жэньминь жибао. 25.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-25-1> (дата обращения 07.06.2024).
- ⁴ См. примеч. 3.
- ⁵ См. примеч. 3.
- ⁶ См. примеч. 3.
- ⁷ 阿尔希波夫去外地访问 在京期间姚依林和他举行了三次会谈 // 人民日报, 1984年12月25日。(И. В. Архипов отправляется в поездку по Китаю. За время пребывания в Пекине Архипов и Яо Илинй провели три заседания // Жэньминь жибао. 25.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-25-4> (дата обращения 07.06.2024).
- ⁸ 梁灵光设宴欢迎阿尔希波夫 // 人民日报, 1984年12月25日。(Лян Лингуан устроил прием для делегации И. В. Архипова // Жэньминь жибао. 25.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-25-4> (дата обращения 07.06.2024); 阿尔希波夫在访问广州、深圳后到达武汉 // 人民日报, 1984年12月27日。(И. В. Архипов прибыл в Ухань после посещения Гуанчжоу и Шэньчжэня // Жэньминь жибао. 27.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-27-4> (дата обращения 07.06.2024).
- ⁹ 万里邀请阿尔希波夫品尝北京烤鸭 // 人民日报, 1984年12月23日。(Вань Ли пригласил И. В. Архипова отведать утку по-пекински // Жэньминь жибао. 23.12.1984). Available at: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-23-4> (accessed 07.06.2024).
- ¹⁰ См. примеч. 8.
- ¹¹ 阿尔希波夫一行在武汉参观访问后回到北京 // 人民日报, 1984年12月28日。(Делегация И. В. Архипова вернулась в Пекин после посещения Уханя // Жэньминь жибао. 28.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-28-4> (дата обращения 07.06.2024).
- ¹² 姚依林和阿尔希波夫签署三个文件 // 人民日报, 1984年12月29日。(Яо Илинй и И. В. Архипов подписали три соглашения // Жэньминь жибао. 29.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-29-4#678931> (дата обращения 07.06.2024).
- ¹³ 姚依林副总理举行宴会 欢迎苏联部长会议第一副主席阿尔希波夫 // 人民日报, 1984年12月22日。(Премьер Госсовета КНР Яо Илинй устроил прием для делегации первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова // Жэньминь жибао. 22.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-22-4#678213> (дата обращения 07.06.2024).
- ¹⁴ См. примеч. 3.
- ¹⁵ См. примеч. 9.
- ¹⁶ 阿尔希波夫观看文艺演出 // 人民日报, 1984年12月24日。(И. В. Архипов посетил театральное представление // Жэньминь жибао. 24.12.1984) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1984-12-24-4#678406> (дата обращения 07.06.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова М. В. Советско-китайское торгово-экономическое сотрудничество // История Китая с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред.: А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. Т. 9. С. 399.
2. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг.: Историко-биографический справочник / Сост. В. И. Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999. 639 с.
3. Песков Ю. С. Нормализация советско-китайских отношений // История Китая с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред.: А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. Т. 9. С. 472–475.
4. Песков Ю. С. Советско-китайские отношения // История Китая с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред.: А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. Т. 9. С. 99–102.
5. Песков Ю. С. Советско-китайские отношения // История Китая с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред.: А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. Т. 9. С. 266–273.
6. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
7. Самойлов Н. А. Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2006. № 4. С. 114–121.
8. 平凡. 阿尔希波夫在中国 // 国际人才交流, 2009年, 第05期. 32–33页。(Пин Фань. Архипов в Китае // Международный талант. 2009. № 5. С. 32–33).
9. 阎明复. 忆阿老 // 当代中国史研究, 2007年, 第03期. 95–97页。(Янь Минфу. Вспоминая А Лао // Исследования в области современной истории Китая. 2007. № 3. С. 95–97).

Поступила в редакцию 10.06.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Danila A. Bezrukov, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4107-2575; bezrukov.danilla@gmail.com

IVAN ARKHIPOV'S VISIT TO CHINA IN 1984
(a study of Chinese press materials)

Abstract. The article examines the key events and outcomes of the December 1984 visit to China by a Soviet delegation led by Ivan Arkhipov, the First Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR. The significance of this study lies in the limited knowledge and coverage of various aspects of the visit, particularly from the perspective of the Chinese side. A novel aspect of this article is its extensive use of materials from the Chinese press as a primary source. The aim of this research is to identify and present the key features and implications of Arkhipov's visit within the context of developing bilateral relations, using insights drawn from Chinese media coverage. Additionally, the study analyzes shifts in the rhetoric of Chinese media regarding the USSR. The findings indicate that the visit was one of the pivotal moments in the normalization of Soviet-Chinese relations. Beyond the formal outcomes, which included the signing of agreements on trade, economic, scientific, and technical cooperation, Arkhipov's visit significantly influenced the development of long-term interstate cooperation across various levels.

Key words: Soviet-Chinese relations, normalization of relations, Ivan Arkhipov, Chinese press, People's Daily

For citation: Bezrukov, D. A. Ivan Arkhipov's visit to China in 1984 (a study of Chinese press materials). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):20–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1106

REFERENCES

1. Aleksandrova, M. V. Soviet-Chinese trade and economic cooperation. *History of China from ancient times to the early XXI century*. (A. V. Vinogradov, Ed.). Moscow, 2016. Vol. 9. P. 399. (In Russ.)
2. State power of the USSR. Supreme authorities and their leaders. 1923–1991. Historical and biographical reference book. (V. I. Ivkin, Ed.). Moscow, 1999. 639 p. (In Russ.)
3. Peskov, Yu. S. Normalization of Soviet-Chinese relations. *History of China from ancient times to the early XXI century*. (A. V. Vinogradov, Ed.). Moscow, 2016. Vol. 9. P. 472–475. (In Russ.)
4. Peskov, Yu. S. Soviet-Chinese relations. *History of China from ancient times to the early XXI century*. (A. V. Vinogradov, Ed.). Moscow, 2016. Vol. 9. P. 99–102. (In Russ.)
5. Peskov, Yu. S. Soviet-Chinese relations. *History of China from ancient times to the early XXI century*. (A. V. Vinogradov, Ed.). Moscow, 2016. Vol. 9. P. 266–273. (In Russ.)
6. Russia and China: Four centuries of interaction. The history, current state, and development perspectives of Russian-Chinese relations. (A. V. Lukin, Ed.). Moscow, 2013. 704 p. (In Russ.)
7. Samoylov, N. A. Studying the history of Russian-Chinese sociocultural interaction: traditional approaches and new paradigms. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9: Philology. Asian and African studies. Journalism*. 2006;4:114–121. (In Russ.)
8. 平凡. 阿尔希波夫在中国 // 国际人才交流, 2009年, 第05期. 32–33页。
9. 阎明复. 忆阿老 // 当代中国史研究, 2007年, 第03期. 95–97页。

Received: 10 June 2024; accepted: 30 September 2024

О ПРИОБРЕТЕНИИ РОССИЙСКИМИ МИССИОНЕРАМИ КНИГ В ПЕКИНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . В начале XIX века в связи с возросшим интересом к Китаю российское правительство стало направлять членам Российской духовной миссии в Пекине специальные инструкции. Согласно инструкциям, миссионерам надлежало устанавливать тесные контакты с представителями знати, а также приобретать различные книги для пополнения российских библиотечных коллекций. Данная статья посвящена детальному изучению контактов членов Российской духовной миссии с членами цинского императорского дома, монгольскими князьями, тибетскими ламами, книготорговцами и корейскими посланниками в Пекине с целью приобретения материалов по различным областям знаний. В ходе исследования на основе источников на китайском и русском языках удалось установить, что приобретение печатных и рукописных изданий членами духовной миссии было тесно связано с их взаимодействием с пекинской знатю. Впервые поднимается вопрос об особенностях формирования корпуса библиотечных коллекций на китайском языке и языках национальных меньшинств Китая на раннем этапе. Актуальность исследования обусловлена ростом научного интереса к деятельности членов Российской духовной миссии в Пекине и российско-китайским отношениям данного периода.
Ключевые слова: Российская духовная миссия в Пекине, Н. Я. Бичурин, П. Каменский, В. П. Васильев
Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта Китайского стипендиального совета (CSC), № 202009010096.

Для цитирования: Миньсян Я. О приобретении российскими миссионерами книг в Пекине в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 27–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1107

ВВЕДЕНИЕ

Деятельность членов духовной миссии в Китае и формирование собраний китайских, маньчжурских и тибетских книг в России отражены в научных работах российских и китайских ученых: В. М. Алексеева¹, П. Е. Скачкова [11: 136–148], И. Ф. Поповой [10: 438–449] [9: 450–465], Т. А. Пан [8: 479–514], Р. М. Валеева [3], А. В. Зорина [5: 355–405], В. Л. Успенского [13: 65–76], [14: 74–80], М. А. Азаркиной [1: 4–12], Д. И. Маяцкого [1: 4–12], [4], [6: 76–86], Е. А. Завидовской [4], Р. В. Берёзкина [20: 93–112], Цай Хуншэна [21: 239–242], Ми Чжэнбо [28: 16–22], [29: 83–90], Янь Годуна [34: 78–83], [35: 68–73], Сяо Юйцю [33: 81–89], Лю Жомэй [27: 54–66] и др. К сожалению, из-за отсутствия на данный момент достаточного количества исторических источников, известны не все подробности работы членов миссии по собиранию книг в XVIII веке. С другой стороны, о такого рода деятельности миссионеров в XIX веке доступно гораздо больше материалов, оставленных жившими еще тогда китаеведами. Опираясь на эти материалы, мы выяснили, что члены

духовной миссии должны были собирать книги не только на китайском, но и на маньчжурском, монгольском и тибетском языках. При этом нередко они приобретали книги на разных языках одновременно. По этой причине невозможно изучать вопрос приобретения книг миссионерами, разделяя их деятельность по языкам. В данной статье на основе исторических источников на китайском и русском языках – рукописей в Институте восточных рукописей РАН, записок корейских посланников «Ёнхэннок» (燕行錄, 연행록, «Записки о походе в Пекин»), дневников приставов Российской духовной миссии, писем и работ российских китаеведов раннего этапа и т. д. – описывается коммуникативная деятельность российских миссионеров в Китае в связи с приобретением ими книг.

ИНСТРУКЦИИ ЧЛЕНАМ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

До 1860 года в Китае российские дела находились в ведении Палаты внутренних сношений (Лифаньюань, 理藩院). Первая российская духов-

ная миссия прибыла в Китай в 1716 году. По Кяхтинскому договору 1727 года ученики миссий стали направляться для обучения маньчжурскому и китайскому языкам в государственном высшем училище *Гоцзыцзянь* (國子監). Члены миссии проживали в своей резиденции и получали жалованье, одежду и продовольствие от палаты *Лифаньюань* [31: 14, 459].

В начале XIX века Россия стремилась к расширению торгово-экономических связей с Китаем, а также к установлению контактов с Кореей и Японией. По Кяхтинскому договору России разрешалось торговать с Китаем только через Кяхту, но это не отвечало потребностям России. Чтобы решить этот вопрос, в 1805 году в Пекин была направлена российская дипломатическая миссия во главе с графом Ю. А. Головкиным (1762–1846). Из-за разногласий по дипломатическому этикету цинский двор тогда отказался принять российскую делегацию. В том же году российское правительство выпустило для членов Девятой миссии инструкцию². В ней был обозначен ряд актуальных вопросов, на которые сотрудники миссии должны были обратить внимание: отношения между Китаем и Великобританией, выяснение причин неудачи посольства графа Ю. А. Головкина, внутреннее состояние Китайской империи и т. д.³

В 1818 году российское правительство выпустило инструкцию для членов Десятой миссии, в которой о задачах ее сотрудников говорится следующее:

«Миссия обязана по мере данных ей средств собирать для своей библиотеки как сии книги, так и другие достойные любопытства, равным образом доставать географические карты, планы городов, семена, особенно те, кои могут быть с пользою разведены в России <...> Находя хорошие книги и вещи, должно покупать их по два экземпляра – один для миссии, другой для вывоза в Россию»⁴.

Инструкция также предписывала членам миссии устанавливать связи с китайскими знатными людьми:

«Китайское правительство будет всегда в вас видеть только Даламу или старшего священника, а не дипломатического агента, и для того вам надлежит <...> наблюдать величайшую осторожность <...> Но можно однакож надеяться, что сохранением в Миссии отменного порядка, столь уважаемого в Китае, благоразумием и кротостью поступков, знаками терпеливости и снисхождения, оказанием возможных услуг и ласки вы наконец успеете обратить на себя выгодное внимание почтенных и знатных китайцев. Сии похвальные средства могут мало-помалу вселить в них доверенность к вам и вашим подчиненным и служить впоследствии основанием полезных или приятных связей. <...>

Причисление к вашей миссии одного опытного студента медицины или лекаря может вам послужить новым способом для знакомств и даже дружественных связей. Сверх обязанностей по званию его к Миссии, он должен <...> стараться сделать себя известным и полезным в Пекине, чрез прививание коревой оспы. Китайцы донныне еще не знают сего спасительного средства предохранения, и натуральная оспа всегда причиняет между ими великую смертность. <...> Лекарь нашей миссии должен, но только с крайнею осторожностью, изыскивать случая к подобным успехам»⁵.

В инструкциях 1805 и 1818 годов давались указания членам духовной миссии относительно их занятий и исследований, подлежащих сбору книг и способов установления связей с китайскими знатными людьми. Члены миссии должны были изучать политику, историю, географию, юриспруденцию, религии, языкознание, этику и естествознание, приобретать книги нужного содержания, заводить знакомства с полезными людьми.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЛЕНОВ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Контакты членов духовной миссии с корейскими посланниками

Китайских исторических источников о деятельности членов духовной миссии очень мало. В русских источниках сообщается, что они могли общаться с ограниченным количеством простых китайцев и при этом почти не иметь контактов с людьми образованными. В письме О. П. Войцеховскому врач одиннадцатой миссии П. Е. Кириллов писал, что «в Китае всяк в классе уже преступников, кто с иностранцами сведет дружбу»⁶. В цинское время до середины XIX века в Китае «для подобных иностранцев свободен и открыт только путь в Пекинские ярмарки, во все торговые ряды, в съестные, чайные и питьевые трактиры, в разные гульбища и тому подобные публичные места»⁷. Очевидно, цинский двор ограничивал деятельность членов миссии в Пекине. О том же говорится в записках современных им корейцев:

«С целью умиротворения далеких сторон Китайский двор предоставил (русским) резиденцию, но запретил (им) покидать (ее) <...> По периметру резиденции стоял черный палисад, чтобы воспрепятствовать (проникновению в резиденцию)» (中國以綏遠之義, 授館以處之。然嚴其門禁, 無得出入……外周設黑木柵以禁人).

У палисада выставались цинские солдаты [25: 467].

В Отделе рукописей Института восточных рукописей РАН хранятся недавно обнаруженные письма Н. Я. Бичурина на китайском языке, подписанные Хэ Чжиань (和直庵) и адресованные

корейским посланникам [7: 67–76]. Они дают новые материалы для изучения деятельности Бичурина в Пекине и раннего этапа корейско-китайско-российских отношений. Эти письма, написанные в 1816–1821 годах, состоят из 20 рукописных копий и 5 оригиналов. Копии писем встречаются в рукописном сборнике без названия под шифром С56 из китайского фонда. Оригиналы могут быть найдены под шифрами D97 и A7 из корейского фонда. Содержание всех оригиналов включается в рукописные копии. Рукописный сборник и оригиналы писем внесены в систематический каталог «Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук», изданный в 2009 году [12: 245].

Из писем становится понятно, что в начале XIX века Бичурин общался с пятью корейскими посланниками: Ли Човоном (1758–1832, 李肇源, 이조원), Ли Инсу (1789–?, 李麟秀, 이인수), Ли Хаксу (1780–1859, 李鶴秀, 이학수), Ли Бонсу (李藩秀, 이번수) и Чо Инёном (1782–1850, 趙寅永, 조인영).

Ли Човон родился в дворянской семье и был сановником при корейских государях Чонджо (1776–1800 正祖, 정조) и Сунджо (1801–1834, 純祖, 순조). В 1827 году он был сослан на далекий остров из-за подозрений в измене и там умер через пять лет⁸. По данным хроники «Сынджон-вон Илги» (承政院日記, 승정원일기, «Журнал Королевского секретариата»)⁹, Ли Инсу был сыном Ли Човона и служил при Сунджо чиновником невысокого ранга¹⁰. После смерти Ли Човона в 1832 году сановники советовали государю казнить его сыновей¹¹. Причиной этому могло быть возможное участие Ли Инсу в политической борьбе. Ли Хаксу был племянником Ли Човона и сановником при государях Сунджо, Хонджоне (1835–1849, 憲宗, 현종) и Чхольчоне (1850–1864, 哲宗, 철종)¹². Чо Инён был сановником при Хонджоне и Чхольчоне¹³.

В «Плане Пекина, снятом в 1817 году» Н. Я. Бичуриным, объект № 102 – южная резиденция Российской духовной миссии, а № 103 – резиденция корейской дипмиссии. Их разделяла лишь улица Дунцзянми-сян (東江米巷, ныне улица Дунцзяоминь-сян, 東交民巷).

Первым посланником Кореи, с которым познакомился Бичурин, был Чо Инён. Их знакомство состоялось в начале 1816 года. Чаще всего Бичурин общался с посланником Ли Инсу. Они познакомились весной 1817 года, вскоре после прибытия Ли Инсу с отцом Ли Човоном в Пекин. Бичурин и Ли Инсу обменялись девятью письмами, три из которых были написаны

во время пребывания Ли Инсу в Пекине, остальные – после его возвращения в Корею. В двух письмах Ли Инсу Бичурину (под № 3¹⁴ и 5¹⁵) нет дат написания.

Из писем мы узнаем о том, что Ли Инсу ходил к Бичурину в гости и был им радушно принят, получал от него в дар различные блюда. Очевидно, письма были написаны в период пребывания Ли Инсу в Пекине в начале 1817 года. Российская южная и корейская миссии соседствовали, поэтому Ли Инсу мог часто бывать у россиян.

В «Описании Пекина», изданном в 1829 году, Бичурин сообщает о резиденции корейцев:

«Подворье худо выстроено, а содержится еще хуже. Приезжающие корейцы по большей части делают для себя в покоях рогоженные шалашики, в которых и проводят зиму. Даже первый посланник занимает места не более полу-комнатки перегороженной»¹⁶.

Наверное, Бичурин тоже посещал корейскую миссию. Проведение банкетов было одним из важнейших средств для укрепления двусторонних связей.

Однажды Бичурин помог Ли Инсу получить сочинение по китайской истории, часть которого переводил сам¹⁷. По цинским порядкам корейским посланникам было запрещено покупать исторические книги в Китае [26: 464], [36: 117].

В Письме Ли Инсу Бичурин упоминал о корейской медицинской книге «Тонъи погам» (東醫寶鑑, 동의보감, «Драгоценное зеркало медицины восточной страны [т. е. Кореи]») и картах Кореи:

«Я услышал о книге “Тонъи погам”, атласе и других материалах из Вашей страны. Все они прекрасны. Очень жаль, что не могу найти и купить их» (曾聞貴邦《東醫寶鑑》、輿圖諸書，盡善盡美，奈無緣購覓，殊深扼腕)¹⁸.

Из письма № 6 Ли Инсу:

«Вы просили “Игам” (醫鑒, 의감, Зерцало медицины). Объем не большой, привезти книгу было нетрудно, но она уже напечатана в Срединном государстве. Восточные люди (корейцы) тоже покупают. [Поэтому я не привез ее.] Прошу прощения» (俯囑《醫鑒》，非特巨帙難輸，中國已爲開板，東人亦多購致，幸諒之也)¹⁹.

Медицинское сочинение «Тонъи погам», написанное Хо Чуном (1539–1615, 許浚, 허준), было впервые напечатано в 1613 году. Согласно результатам исследования китайского ученого Цуй Сюханя, до начала XIX века в Корею выходили четыре его переиздания – в 1659, 1718, 1754 и 1820 годах, а в Китае оно впервые было напечатано в 1766 году и переиздавалось в 1796–1797 годах [23: 331–332]. Поэтому Ли Инсу предложил Бичурину купить это сочинение в Китае.

Ли Човон прибыл в Китай в конце 1816 года и узнал о Бичурине от своего сына Ли Инсу. Но тогда они еще не виделись. В начале 1821 года Ли Човон во второй раз отправился в Пекин для участия в церемонии похорон почившего императора Цзяцина. Тогда он мог встретиться с Бичуриным и передать ему письмо от сына²⁰. В «Путешествии в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах», написанном приставом десятой миссии Е. Ф. Тимковским (1790–1875), сообщается, что Ли Човон посещал российскую миссию и встречался с Бичуриным в апреле 1821 года²¹. Ли Човон посвятил Бичурину стихотворение, которое включил в свою антологию «Ёнги Пхуён» (燕薊風煙, 연계풍연, «Дымка области Яньцзи»)²².

Ли Хаксу прибыл в Китай в начале 1820 года в качестве заместителя начальника корейской дипмиссии. В том же году он общался с Бичуриным в Пекине. После возвращения Ли Хаксу на родину Бичурин написал ему письмо и попросил прислать атласы Кореи. Ли Хаксу тактично отказал, сославшись на «пожар на складе книг» (板本間值回祿)²³. Пожар мог быть отговоркой, поскольку корейский двор в то время запрещал вывозить в Китай корейские карты.

Согласно запискам Тимковского, Бичурин познакомил членов десятой миссии с Ли Човоном, когда тот был в их резиденции. Очевидно, Бичурин хотел наладить постоянные связи между членами российской миссии и корейскими посланниками. Позже, в 1828 и 1832 годах, в русскую Южную резиденцию в Пекине приходили члены корейской миссии Пак Сахо (1784–1854, 朴思浩, 박사호) и Ким Гёнсон (1788–1853, 金景善, 김경선) [25: 467–472], [30: 297–299]. Ким Гёнсон сообщал, что корейские посланники навещали членов духовной миссии иеромонаха Аввакума (1801–1865), художника А. М. Легашова (1798–1865) и врача П. Е. Кириллова (1801–1866) [22: 470–472], [25: 467]. Таким образом, в 1830-х годах контакты между членами духовной миссии и корейскими посланниками продолжались. Вероятно, они поддерживались и в период двенадцатой миссии (1841–1849): после возвращения в Россию В. П. Васильев (1818–1900) писал, что корейцы в его время покупали христианские книги по высокой цене²⁴.

Контакты с корейскими посланниками члены духовной миссии использовали для поиска материалов о Корее: именно так Бичурин пытался раздобыть упомянутые «Тонъи погам» и атласы Кореи. В корейском фонде отдела рукописей ИВР РАН хранятся ксилографы «Тон и по гам» (шифр: D 10), «Тонса хвеган» (東史會綱, 동사회강,

«Очерки по истории восточной страны», шифр: D40) и «Тонгук йокттэ чхонмок» (東國歷代總目, 동국역대총목, «Хронология восточной страны», шифр: C60), на которых стоят печати Библиотеки Азиатского департамента МИД. Эти ксилографы упомянуты в «Списке китайских и маньчжурских книг, вывезенных из Пекина для Библиотеки Азиатского департамента»²⁵ и «Каталоге книг, рукописям и карт на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках находящимся в Библиотеке Азиатского департамента»²⁶. Очевидно, они были привезены членами духовной миссии, потому что между Россией и Кореей не было прямого контакта до 1860 года. Ксилографы могли быть доставлены в Пекин из Кореи корейскими посланниками и переданы членам духовной миссии. Таким образом, можно утверждать, что русские миссионеры успешно добывали информацию о Корее при содействии корейских посланников.

Связи членов духовной миссии со знатными людьми Цинской империи

В период пребывания в Пекине Бичурин устанавливал связи с цинской знатью. Он учился тибетскому языку у лам в тибетском храме Хуансы (黃寺, Желтый храм). Тимковский пишет, что тибетские монахи Ду-лама и Чэн-лама, а также маньчжурские чиновники Шумин (Шу Лое), И Сяньшэнь, Чжун Лое и Чанлю часто посещали резиденцию духовной миссии. С ними Тимковского познакомил Бичурин²⁷.

По инструкции 1818 года российское правительство включило в духовную миссию врача. Врачом десятой миссии был О. П. Войцеховский (1793–1850), прославившийся в Пекине своим лекарским искусством. «Много труда и времени уделял О. П. Войцеховский беднякам во время борьбы с холерой, которая свирепствовала в Пекине в 1820–1821 годах» [11: 140]. В Китае существовал обычай, согласно которому за лечение от болезни благодарный пациент подносил врачу почетную доску-бянь (匾). В 1829 году Войцеховский получил такую доску с надписью «Чансан мяошу» (長桑妙術, «Прекрасное лечение подобно Чансану») от Цюаньчана (全昌), младшего брата князя 1-й степени Ли-цинъвана (禮親王) Цюаньлина (全齡) [11: 140]. Ее эстамп хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки [16: 186]. Войцеховский тесно общался с влиятельным тибетским монахом Четвертым Маньчжуром-Хутухтой Джампел Чокьи Тензин Тинлеем (тиб. 'jam dpal chos kyi bstan 'dzin 'phrin las, 1789–1838). Хутухта часто посещал резиденцию духовной миссии, читал ки-

тайские переводы христианских книг, обсуждал с Войцеховским различия между буддизмом и христианством²⁸. В 1830 году в Пекин прибыл пристав одиннадцатой миссии М. В. Ладыженский (1802–1875). Познакомившись с Хутухтой через Войцеховского, Ладыженский и другие члены миссии много раз посещали храм Хуансы, где Хутухта жил и проводил службы. Согласно дневнику Ладыженского, с декабря 1830 по февраль 1831 года Хутухта и россияне обменялись визитами 17 раз [32: 36–46]. В начале 1830 года десятая миссия покинула Пекин. Провожая ее, Хутухта отправил Войцеховскому письмо (там Войцеховский назван «Ван Лое» (王老爺, господин Ван)), в котором выразил горечь от предстоящей разлуки и попросил Войцеховского купить в Кяхте экипаж²⁹.

Врачом одиннадцатой миссии был Порфирий Евдокимович Кириллов (1801–1864). В Пекине он навещал Хутухту вместе с Ладыженским. От племянника Хутухты врач получил китайское имя Цинь Хуань (秦緩, Цинь Хуань 秦緩 – известный врач древнего Китая)³⁰. Кириллов тоже стал в Пекине прославленным врачом. В 1834 году он лечил от оспы Цзайтуна (載同), сына князя 3-й степени Бэйлэ (貝勒) Ихуэя (1799–1838, 奕繪). Ихуэй – знаменитый цинский поэт, внук князя 1-й степени Жун-циньюана (榮親王) Юнцзи (永琪, 1741–1766), пятого сына императора Цяньлуна (правил в 1736–1795). В записках князя сообщается о тяжелой болезни его сына. Китайские врачи тогда не могли помочь, и князь позвал российского врача с фамилией «Цинь» (秦) и именем «Бо эр фэй ли» (波爾斐里, то есть Порфирий). Российский врач лечил княжича и омывал ароматными травами. Хотя в конце концов больной скончался, врач продлил ему жизнь «на семь дней» [24: 570]. Впоследствии, в 1835–1836 годах, Кириллов получил от князя 4-й степени Бэйцзы (貝子) Мянью (綿岫) и князя 9-й степени Чжэньго цзянцзюня (鎮國將軍) Цзиэня (吉恩) почетные доски с надписями «Дао син чжунвай» (道行中外, Благодеяние распространяет по всей земле) и «Хуэйцзи сяфан» (惠濟遼方, За милосердное лечение в далеком чужом краю) [11: 143]. (Мянью (1782–1850) – правнук князя 2-й степени Юй-цзюньвана (愉郡王) Юньу (允禩, 1693–1731), пятнадцатого сына императора Канси [17: 1025]. Цзиэнь (1793–1868) – восьмой сын князя 1-й степени Жуй-циньюана (睿親王) Чуньина (淳穎, 1761–1800) [18: 5893].) Кириллов получил также редкий экземпляр женьшеня с листьями и плодами в качестве благодарности от «одной из его пациенток, княгини» [2: 81].

В одиннадцатую миссию входил художник А. М. Легашов (1798–1865), написавший для знатных людей Китая 34 портрета и 16 рисунков³¹. В отделе рукописей РНБ хранятся созданные им портреты Маньчжура-Хутухты и князя Сиэня (1784–1852, 禧恩) [16: 187–188].

В хороших отношениях члены миссии были с семьей князя 1-й степени Су-циньюана (肅親王). В 1832 году начальник одиннадцатой миссии архимандрит Вениамин отправил письмо Каменскому, в котором писал о «Князе Дзин-Джене (втором сыне великого князя Суциньюана, нам знакомого)»³². Су-циньюан был шестым князем Юнси (1754–1821, 永錫), а «Дзин-Джен», то есть Цзинчжэн (1785–1851, 敬徵), – четвертым сыном шестого Су-циньюана [19: 1712]. Вениамин прибыл в Китай вместе с членами десятой миссии в конце 1820 года. Тимковский сообщает, что 15 апреля 1821 года он с Вениамином и другими членами миссии ходили в усыпальницу первого Су-циньюана Хаогэ (1609–1648, 豪格), первого сына императора Хунтайцзи³³. В цинское время у княжеских усыпальниц семьями усопших выставлялась охрана. Тимковский и Вениамин могли попасть туда лишь благодаря знакомству с семьей Су-циньюана, устроенному еще в период пребывания Бичурина в Пекине. Упомянутый Вениамином в письме Каменскому князь Юнси «Су-циньюан, нам знакомый» скончался в 1821 году, в первый год пребывания десятой миссии в Пекине. Поэтому вполне вероятно, что Каменский познакомился с князем, еще когда состоял в восьмой миссии в 1794–1807 годах.

Члены десятой и одиннадцатой миссий собирали книги, прибегая к помощи знатных людей и монахов. В 1832 году Каменский представил министру просвещения князю К. А. Ливену письмо следующего содержания:

«Я всемерно в Пекине старался снискать покупкою книгу на Мунгальском языке Гонь-джур <...> но не могши отыскать в частной продаже оной, ибо она выпечатана на казенный счет и единственно раздается в дар по воле императора, решился по общему совету купить только некоторые ее части <...> На тибетском же языке можно ее, чрез приобретенную нами дружбу великого жреца Хосроя, то есть живого Бога, Манджу Кутухты, выписать из Тибета за таковую сумму удобно»³⁴.

В Институте восточных рукописей РАН и Отделе рукописей РНБ хранятся несколько китайских ксилографов, которые, вероятно, прежде принадлежали цинским знатым семьям. Так, ксилограф «Юйцзуань чжоу-и чжэчжун» (御纂周易折中, Беспристрастное суждение о Чжоуской книге перемен, составленное императором, шифр: E129) с экслибрисом и печатью Библиотеки Азиатского департамента МИД был отпечатан

при цинском дворе в 1715 году и включен в изданный в 1843 году каталог восточных книг Библиотеки Азиатского департамента. На титульном листе есть печать с надписью «Шудунь чжи инь» (舒敦之印, Печать Шудуня). На последнем листе предисловия императора Канси стоят две его печати со словами «Цзигу ювэнь чжи чжан» (稽古右文之章, печать изучающего древность и почитающего культуру) и «Тиюань чжужэнь» (體元主人, владетель поднебесной). Обычно печати на последнем листе предисловия играют роль подписи. Шудунь (1773–?, 舒敦) был сыном Улана (1739–1795, 伍拉納), сановника императора Цяньлуна. Его семья состояла в дальнем родстве с цинским императорским домом. Этот ксилограф мог быть подарен знатной семье императором.

В Отделе рукописей РНБ хранится ксилограф «Синли цзинь» (性理精義, Сущности смысл природы и принципа, шифр: Дорн 785), который был отпечатан при дворе в 1718 году. На последнем листе предисловия Канси стоят две его печати со словами «Ваньцзи юйся» (萬幾餘暇, Свободное время в множестве дел управления государством) и «Тиюань чжужэнь» (體元主人, владетель поднебесной). Там же хранятся еще два ксилографа, отпечатанных при дворе Цяньлуна. Первый – «Циньдин шоуши тункао» (欽定授時通考, «Высочайше утвержденное общее исследование о временах года», шифр: Дорн 793). На последнем листе предисловия Цяньлуна стоят две печати со словами «Цяньлун чэньхань» (乾隆宸翰, автограф Цяньлуна) и «Вэйцзин вэй-и» (惟精惟一, глубоко и сосредоточенно). Второй ксилограф – «Хуанчао лици туши» (皇朝禮器圖式, «Образец инструментов для церемоний Великой императорской династии», шифр: Дорн 825). На последнем листе предисловия Цяньлуна имеются две печати с надписями «Цяньлун чэньхань» и «Юдянь юцзэ» (有典有則, по законам и по правилам). Обе книги встречаются в «Рее-стре китайских и маньчжурских книг, находящихся в Императорской публичной библиотеке», составленном Бичуриным в 1829 году [16: 129].

Данные ксилографы были привезены в Россию членами духовной миссии в начале XIX века. В письме министру просвещения Каменский отметил, что книги, подаренные императорами, нельзя было купить в частных лавках. Поэтому весьма вероятно, что члены миссии получили эти ксилографы от знакомых им знатных семей. Подаренных книг могло быть больше четырех – этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Двенадцатая миссия прибыла в Пекин в 1841 году. Студент миссии В. П. Васильев (1818–1900)

из Пекина писал письма О. М. Ковалевскому (1800–1878). Всего с 7 июня 1840 по 30 мая 1849 года они обменялись семью посланиями [14]. После возвращения в Россию в 1857 году Васильев опубликовал «Записку о китайских книгах Санкт-Петербургского университета» в «Русском вестнике». В письмах и «Записке» описываются обстоятельства приобретения им книг в Пекине.

О. М. Ковалевский поехал в Пекин вместе с членами одиннадцатой миссии в 1830 году. В Пекине он познакомился с Маньчжуром-Хутухтой, с помощью которого покупал монгольские и тибетские книги. Прибывший в Пекин в 1840 году В. П. Васильев покупал тибетские книги для Ковалевского и Казанского университета:

«Одно только чрезвычайно озабочивает меня, а именно то, что я [пока] не мог отыскать для Вас ни одной книги, которую Вы желали иметь. Я употребил все усилия и все, что нашел годного, Университет получит со временем от Азиатского департамента [МИД]. Отправить к Вам другой экземпляр тибетских сочинений я не решился. Касательно же биографии Цзонхавы я не посмел купить и для вас, потому что за нее взяли бы очень, очень дорого <...> Я тем осторожнее становлюсь при покупке мелких сочинений, т. к. имею в виду приобретение Ганчжура и Данчжура на тибетском языке (стоимостью не более 800 лан)» (7 июня 1840 года) [15: 475].

В письме Ковалевскому следующего года Васильев писал о книгах тибетских лам:

«Лама, у которого есть какая-нибудь редкая книга тибетской печати, бережет ее для себя и не кажет никому из своих товарищей, поэтому одно только знакомство с ним, часто, может быть, и напрасное, могло бы доставить что-нибудь дельное, но у меня теперь нет средств для подобных знакомств. <...>

Один из Юнхэ-гунских (雍和宮) лам доставил мне для прочтения биографию Цзонхавы и пространное описание жизни как этого знаменитого проповедника буддизма, так и его последователей; тут же описаны некоторые знаменитые монастыри в Тибете. <...>

Я удовольствовался только выпиской, которую со временем отправлю к Вам, если не достану подлинника» (1 марта 1841 года) [15: 478].

В. П. Васильев употреблял все усилия к приобретению тибетских книг. К концу пребывания в Пекине он уже был в хороших отношениях с влиятельными пекинскими ламами. Также он

«не пропускал случая познакомиться со всеми приезжавшими в Пекин из Тибета купцами; делал им заказы, и наконец имел удовольствие получить значительное количество книг, печатанных в (Хлассе) [Лхасе?] и в ее окрестностях»³⁵.

К 1848 году Васильев приобрел немало сочинений. У него было даже «больше книг, на-

печатанных в Амдо, Лхассе и Монголии, чем в пекинских типографиях» [15: 478]. Но «Ганчжура» и «Данчжура» для Казанского университета он еще не купил [15: 484]. Важнейшим его приобретением по этой части была коллекция книг князя 1-й степени Го-циньюана (果親王) Юньли (允禮, 1697–1738), семнадцатого сына императора Канси, которая теперь хранится в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ [12: 73].

Кроме тибетских книг Васильев искал маньчжурские и монгольские книги [15: 481]. К 1848 году он собрал почти все маньчжурские книги, «сколько их есть в печати и в рукописях» [15: 483]. В книжных лавках Пекина было трудно отыскать монгольские книги. Тем не менее Васильев «приобрел множество красивых монгольских рукописей, вышедших из одного княжеского дворца» [15: 484]. Свою практику покупки книг он обобщил так:

«Я избегал слишком изящных, но дорогих изданий, или богатых переплетов, соображаясь со своими средствами и будучи убежден, что всякая лишняя книга дороже красивой, богатой наружности»³⁶.

Связи членов миссии с продавцами книжных лавок

В цинское время пекинская улица Люличан (琉璃廠) славилась печатнями, лавками новых и старых книг, антиквариата. Ученые, литераторы и иностранные посланники часто ходили туда. Еще в 1821 году Тимковский бывал там с членами миссии, о чем писал в «Путешествии»:

«Книгопродавцы образованием своим подобны некоторым из наших: нередко оценят книги по их весу, имеют привычку запрашивать впятеро дороже настоящего, охотно продают книги без многих листов или в одном экземпляре соединяют листы из 3 и 4 разных книг. Надобно поступать весьма осмотрительно, чтобы не сделаться жертвою лукавства китайских книгопродавцев...»³⁷.

Таким образом, члены миссии знали об условиях торговцев книгами еще в бичуринское время.

Будучи членом двенадцатой миссии, В. П. Васильев отдавал немало сил приобретению буддийских канонов, христианских трудов, «Столичной газеты» (京報) и т. д. В 1844 году он купил для Казанского университета «китайский Ганчжур и Данчжур»:

«Теперь я мало-помалу закупаю китайский Ганчжур и Данчжур, который из какого-то дома распродан по частям, в разных лавках. Я успел набрать почти до полтора тома за довольно дешевую цену, и из Ганчжура остается докупить только “Парамиты”» (18 апреля 1844 года) [15: 482].

Здесь он пишет о разных буддийских канонах, отпечатанных на китайском языке. Васильев

собрал более 200 томов китайских буддийских книг, изданных на юге Китая³⁸.

При приобретении книг он сталкивался с различными трудностями:

«Стоить только взглянуть на вывезенную мною за десять лет пекинскую газету; мы платили за нее втрое дороже, чем сами китайцы; ее приносили каждое утро в следующем виде: тетрадка из докладов чиновников, дурной печати, без надписи числа, с приложением отдельного листка, содержащего императорские указы; эти указы оставались у нас, а тетрадку брали на другой день, чтоб передать для чтения другим, и возвращали в небрежном виде, иногда даже и не ту, какую следовало; мы вооружились было наконец против этого зла: отказали разносчику, позвали другого, тот не смел перебивать доход своего товарища; нечего было делать, помирились на том, чтоб за ту же цену приносили к нам тетрадку лучшей печати, в которую вшиты указы, и в которой еще есть прибавления о том, кто представлялся императору. <...>

Книгопродавец, бывший постоянным поставщиком книг для прежних миссионеров, обманул меня с первого же разу, продав не полный экземпляр; к счастью, я сумел разделаться с ним, задержав другие его книги»³⁹.

«Записка» В. П. Васильева позволяет сделать следующие выводы: 1) русские миссионеры поддерживали постоянные контакты с книгопродавцами, даже стали важными клиентами книжных лавок; 2) печатни «Столичной газеты» наряду с цинскими государственными органами регулярно обеспечивали своими выпусками также и духовную миссию. Кроме того, разносчики печатни даже могли по просьбе россиян в индивидуальном порядке доставать газеты лучшего качества.

Выводы

Члены Российской духовной миссии, следуя инструкциям российского правительства, приобретали в Китае книги, для чего устанавливали отношения с китайской знатью, высшими духовными лицами и торговцами книжных лавок. Немало ксилографов и рукописей, ныне хранящихся в библиотечных собраниях России, были получены таким образом.

Примечательно, что члены духовной миссии почти не общались с китайскими учеными и литераторами. На первый взгляд, до середины XIX века это было невозможно по причине ограничения цинскими законами деятельности миссионеров в Пекине. Тем не менее, когда в 1816 году британский посланник У. Амхерст (William Amherst, 1773–1857) прибыл в Тунчжоу, город недалеко от Пекина, Бичурин, одевшись по-китайски, отправился туда и предпринял попытку встретиться с ним⁴⁰. По правилам цинского двора русским было запрещено вступать

в контакты с корейцами; даже корейским посланникам пришлось «давать охранникам взятку для входа в резиденцию духовной миссии» [25: 467]. Однако в реальности обе стороны игнорировали эти порядки и часто общались. Поэтому можно предположить, что основная причина отсутствия связей между россиянами и китайскими учеными и литераторами заключалась вовсе не в строгих порядках Цин. Вероятная причина состояла в том, что по инструкциям члены миссии должны были «обратить на себя

выгодное внимание почтенных и знатных китайцев». Дружба с князьями и высшими монашескими чинами была более полезной, нежели с учеными и литераторами. С другой стороны, на протяжении всего XVIII и первой половины XIX века китайские ученые были увлечены изучением древности, их научные интересы и труды были далеки от того, что требовали инструкции российского правительства, поэтому членам миссии вовсе не было нужды в установлении связи с ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Алексеев В. М. Китайский и корейский фонд // Азиатский музей Российской академии наук: Краткая памятка / С. Ф. Ольденбург, Ф. А. Розенберг, И. Ю. Крачковский и др. СПб.: Российская государственная академическая типография, 1920. С. 44–65.
- ² Архимандрит Николай (Адоратский). Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд) // Православный собеседник. 1886. С. 9.
- ³ Андреевская С. И. Деятельность Н. Я. Бичурина в качестве главы IX Российской духовной миссии в Китае 1807–1821 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 102–105.
- ⁴ Инструкция Архимандриту Петру, начальнику 10-ой миссии // Китайский благовестник. 1915. Вып. 13–14. С. 24–25.
- ⁵ Там же. С. 26.
- ⁶ Можаровский А. Ф. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. II. С. 418.
- ⁷ Там же. С. 331.
- ⁸ Комплексная информационная система для исторических личностей в Корее [한국역대인물 종합정보시스템]: Ли Човон [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_MN_6JOC_1792_011062&category=dirSer (дата обращения 23.04.2024).
Чосон Сунджо силлок [朝鮮純祖實錄, «Правдивые записи корейского государя Сунчжо»], квон 28: 29 число 3-го месяца 27-го года правления Сунджо [卷28 : 純祖二十七年三月二十九日]: Электронные ресурсы Национального института корейской истории (국사편찬위원회) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_12703029_004 (дата обращения 23.04.2024).
Там же, квон 29: 18 число 8-го месяца 27-го года правления Сунджо [卷29 : 純祖二十七年八月十八日] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_12708018_003 (дата обращения 23.04.2024).
Там же, квон 32: 2 число 3 месяца 32-го года правления Сунджо [朝鮮純祖實錄, 卷32 : 純祖三十二年三月二日] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_13203002_002 (дата обращения 23.04.2024).
- ⁹ Сынджонвон Илги [承政院日記, «Журнал Королевского секретариата»], книга 2155: 15 число 6-го месяца 22-го года правления Сунджо [冊2155 : 純祖二十二年六月十五日]. Электронные ресурсы Национального института корейской истории [국사편찬위원회] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-H22060150-01700> (дата обращения 23.04.2024).
Там же. Книга 2176: 28 число 3-го месяца 24-го года правления Сунджо [冊2176 : 純祖二十四年三月二十八日] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-H24030280-00700> (дата обращения 23.04.2024).
Там же. Книга 2205: 21 число 7-го месяца 28-го года правления Сунджо [冊2205 : 純祖二十八年七月二十一日] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sjw.history.go.kr/id/SJW-H26070210-01300> (дата обращения 23.04.2024).
- ¹⁰ Комплексная информационная система для исторических личностей в Корее [한국역대인물 종합정보시스템]: Ли Ин Су [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_SA_6JOC_1809_028385&category=dirSer (дата обращения 23.04.2024).
- ¹¹ Чосон Сунджо силлок [朝鮮純祖實錄, «Правдивые записи корейского государя Сунчжо»], квон 32: 14 число 3 месяца 32-го года правления Сунджо [卷32 : 純祖三十二年三月十四日] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sillok.history.go.kr/id/kwa_13203014_003 (дата обращения 23.04.2024).
- ¹² Комплексная информационная система для исторических личностей в Корее [한국역대인물 종합정보시스템]: Ли Хаксу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_UN_6JOC_9999_003111&curSetPos=1&curSPos=1&category=dirSer&isEQ=true&kristalSearchArea=P (дата обращения 23.04.2024).
- ¹³ Также: Чо Инён [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://people.aks.ac.kr/front/dirSer/exm/exmView.aks?exmId=EXM_MN_6JOC_1819_011998&curSetPos=1&curSPos=0&category=dirSer&isEQ=true&kristalSearchArea=P (дата обращения 23.04.2024).
- ¹⁴ № 3: письмо Ли Инсу Бичурину. Сборник официальных документов Цинской империи. Рукопись из китайского фонда Отдела рукописей ИВР РАН. Шифр: С56. Л. 324б.

- ¹⁵ № 5: письмо Ли Инсу Бичуруну. Л. 325б.
- ¹⁶ Бичурин Н. Я. Описание Пекина. СПб.: Типография А. Смирдина, 1829. С. 50.
- ¹⁷ № 3: письмо Ли Инсу Бичуруну. Л. 324б.
- ¹⁸ № 16. Письмо Бичурина Ли Инсу. Л. 334.
- ¹⁹ № 6. Письмо Ли Инсу Бичуруну. Л. 326а.
- ²⁰ № 14. Письмо Ли Човона Бичуруну. Л. 331б.
- ²¹ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 2. СПб.: Типография медицинского департамента МВД, 1824. С. 257.
- ²² Ли Чонвон. Ёнги Пхуён [李肇源. 燕薊風煙]. Дымка области Яньцзи, Рукопись в Китайской национальной библиотеке, шифр: 04409. Л. 36а.
- ²³ № 11. Письмо Ли Хаксу Бичуруну. Л. 330а.
- ²⁴ Васильев В. П. Записка о китайских книгах в Санкт-Петербургского университета // Русский вестник. 1857. № 11. С. 321.
- ²⁵ Список китайских и маньчжурских книг, вывезенных из Пекина для Библиотеки Азиатского департамента // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 448. Д. 42. Л. 3а.
- ²⁶ Архимандрит Аввакум. Каталог книг, рукописям и карт на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках находящимся в Библиотеке Азиатского департамента. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843. С. 48.
- ²⁷ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 2. С. 69–74, 129–130, 230, 236, 251.
- ²⁸ Можаровский А. Ф. Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. III. С. 599.
- ²⁹ Там же. С. 599–600.
- ³⁰ Ладыженский М. В. Дневник, веденный в Пекине с 1-го декабря 1830-го года // Китайский благовестник. 1908. Вып. 16–17. С. 4.
- ³¹ Материалы к истории Пекинской духовной миссии // Китайский благовестник. 1913. Вып. 7. С. 6.
- ³² Можаровский А. Ф. Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. III. С. 604.
- ³³ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 2. С. 266–267.
- ³⁴ Можаровский А. Ф. Архимандрит Петр Каменский // Русская старина. 1896. Кн. III. С. 424.
- ³⁵ Васильев В. П. Записка о китайских книгах в Санкт-Петербургского университета. С. 316.
- ³⁶ Там же. С. 323.
- ³⁷ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 2. С. 140–142.
- ³⁸ Васильев В. П. Записка о китайских книгах в Санкт-Петербургского университета. С. 323.
- ³⁹ Там же. С. 324–325.
- ⁴⁰ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 2. С. 228–230.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаркина М. А., Маяцкий Д. И. Некоторые сведения об истории образования и развития фонда Восточного отдела научной библиотеки СПбГУ // Россия – Китай: история и культура: Сб. ст. и докладов участников XIV Междунар. науч.-практ. конф. Казань: АН РТ, 2021. С. 4–12.
2. Архимандрит Авраамий. Краткая история Русской православной миссии в Китае // Бэй-гуань: Краткая история российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 264 с.
3. Библиография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; Отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань, 2020. 440 с.
4. Завидовская Е. А., Маяцкий Д. М. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2012. 426 с.
5. Зорин А. В. Тибетский фонд // Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. С. 355–405.
6. Маяцкий Д. И. Вклад В. П. Васильева в формирование фонда редких китайских книг библиотеки Петербургского университета // Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материал) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен и др.; Сост. Т. А. Пан; Отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское востоковедение, 2021. С. 76–86.
7. Миньсян Я. Новые источники о русско-корейских контактах в первой четверти XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 67–76.
8. Пан Т. А. Маньчжурский фонд // Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. С. 479–514.
9. Попова И. Ф. Китайский фонд NOVA // Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. С. 450–465.
10. Попова И. Ф. Фонд китайских ксилографов // Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: Путеводитель / Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. С. 438–449.

11. Скачков П. Е. Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине // Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 136–148.
12. Троцевич А. Ф., Гурьева А. А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 424 с.
13. Успенский В. Л. Ученый-монголист // Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материал) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен и др.; Сост. Т. А. Пан; Отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское востоковедение, 2021. С. 65–76.
14. Успенский В. Л., Маяцкий Д. И. Китайские рукописи и ксилографы // Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / Под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 74–80.
15. Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры: Собрание трудов / Отв. ред. А. Р. Вяткин; Сост. С. В. Дмитриев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 469–492.
16. Яхонтов К. С. Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки: систематический каталог. СПб.: Изд-во РНБ, 1993. 312 с.
17. 愛新覺羅宗譜, 第2卷 / 愛新覺羅・常林 (編)。北京: 學苑出版社, 1998. 598頁。(Родословная книга фамилии Айсин-Гиоро, Т. 2 / Сост. Айсин-Гиоро Чанлинь. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 1998. 598 с.)
18. 愛新覺羅宗譜, 第4卷 / 愛新覺羅・常林 (編)。北京: 學苑出版社, 1998. 575頁。(Родословная книга фамилии Айсин-Гиоро, Т. 4 / Сост. Айсин-Гиоро Чанлинь. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 1998. 575 с.)
19. 愛新覺羅宗譜, 第11卷 / 愛新覺羅・常林 (編)。北京: 學苑出版社, 1998. 560頁。(Родословная книга фамилии Айсин-Гиоро, Т. 11 / Сост. Айсин-Гиоро Чанлинь. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 1998. 560 с.)
20. 白若思。俄羅斯學者關於清代北京藏傳佛教的研究 // 西域歷史語言研究集刊, 第13輯, 2020 (1)。第93–112頁。(Бай Жосы [Берёзкин Р. В.]. Научное исследование российскими учеными тибетского буддизма в Пекине во время династии Цин // Историко-филологическое исследование западного региона Китая. 2020. Вып. 13. С. 93–112.)
21. 蔡鴻生。俄羅斯館醫生與清朝宗室的晉接 // 中外關係史論叢。北京: 世界知識出版社, 1991. 第239–242頁。(Цай Хуншэн. Связи врачей Русской миссии с членами цинского императорского дома // Сборники научных статей об отношениях Китая с иностранными странами. Бэйцзин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 1991. С. 239–242.)
22. 蔡鴻生。《俄羅斯館記》考釋 // 蔡鴻生。俄羅斯館紀事。北京: 中華書局, 2006年。第470–472頁。(Цай Хуншэн. Толкование «Записок о резиденции российской миссии» // Цай Хуншэн. Описание резиденции российской миссии. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2006. С. 470–472.)
23. 崔秀漢。《東醫寶鑑》版本考 // 延邊醫學院學報, 1991年9月, 第4期。第229–232頁。(Цуй Сюхань. Исследование изданий «Драгоценного зеркала медицины восточной страны» // Яньбяньского медицинского института. 1991. Сентябрь, № 4. С. 229–232.)
24. 顧太清、奕繪。顧太清奕繪詩詞合集 / 張璋<編校>。上海: 上海古籍出版社, 1998. 572頁。(Гу Тайцин, Ихуэй. Гутайцин Ихуэй шицзи хэцзи / Под ред. Чжан Чжан. Полное собрание стихов Гу Тайцин и Ихуэя. Шанхай: Шанхай Гуцзи чубаньшэ, 1998. 572 с.)
25. 金景善。燕轅直指, 卷三: 鄂羅斯館記 // 韓國漢文燕行文獻選編, 第28卷。上海: 復旦大學出版社, 2011年。第467–472頁。(Ким Гёнсон. Направление в город Янь. квон 3: Записки о резиденции «Русской миссии» // Сборник Южнокорейской литературы по «походу в Пекин» на китайском языке. Т. 28. Шанхай: Фуданьский университет, 2011. С. 467–472.)
26. 李埤。燕行記事 // 燕行錄全集, 第52卷。漢城: 東國大學出版部, 2001年。(Ли Гап. Записки о маршруте в Пекин // Полное собрание «Записок о походе в Пекин». Т. 52. Сеул: Университет Донгук, 2001. С. 273–582.)
27. 柳若梅、龐曉梅。中國和俄國之間的知識交流 – 18世紀彼得堡科學院院士與北京耶穌會士的通信 // 文化雜誌・中文版, 2018年, 第103期。第54–66頁。(Лю Жомэй, Пан Сяомэй [Пан Т. А.]. Научные связи между Китаем и Россией – переписка между учеными Петербургской Академии наук и членами Пекинского Общества иезуитов в XVIII в. // Журнал Культура. Китайское издание. 2018. № 103. С. 54–66.)
28. 米鎮波、蘇全有。清代俄國來華留學生問題初探 // 清史研究, 1994 (6)。第16–22頁。(Ми Чжэнбо, Су Цюанью. Начальное исследование российских студентов в Китае во время династии Цин // Исследование династии Цин. 1994 (6). С. 16–22.)
29. 米鎮波。清代俄羅斯東正教會圖書館的若干問題 // 故宮學刊, 1994 (3)。第83–90頁。(Ми Чжэнбо. О Библиотеке Российской духовной миссии во время династии Цин // Вестник Дворца. 1994 (3). С. 83–90.)
30. 朴思浩。燕薊紀程, 卷二: 鄂羅斯館記 // 韓國漢文燕行文獻選編, 第27卷。上海: 復旦大學出版社, 2011年。第297–299頁。(Пак Са хо Записки о маршруте в Янь и Цзи, квон 2, Записки о резиденции «Русской миссии» // Сборник Южнокорейской литературы по «походу в Пекин» на китайском языке. Т. 27. Шанхай: Фуданьский университет, 2011. С. 297–299.)
31. 欽定理藩部則例 / 張榮錚、金懋初<整理>。天津: 天津估計出版社, 1998年。472頁。(Высочайше утвержденные правила Министерства внешних сношений / Под ред. Чжан Жунчжэн, Цзинь Маочу. Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубань шэ, 1998. 472 с.)
32. 肖玉秋、閻國棟。清代俄羅斯館與北京黃寺的交往 – 以19世紀20–30年代俄羅斯館成員記述為基礎 // 世界宗教研究, 2020 (4)。第36–46頁。(Сяо Юйцю, Янь Годун. Контакт российской миссии с пекинским храмом

- Хуансы в цинское время: согласно запискам членов российской миссии в 1820–1830 гг. // Исследование мировых религий. 2020 (4). С. 36–46.)
33. 肖玉秋. 俄國東正教駐北京傳教士團與清代中俄圖書交流 // 清史研究, 2006 (1). 第81–89頁. (Сяо Юйцю. Российская духовная миссия в Пекине и обмен книг между Китаем и Россией во время династии Цин // Исследование истории династии Цин. 2006 (1). С. 81–89.)
 34. 閻國棟. 18世紀中俄圖書交流研究 // 俄羅斯研究, 2007 (1). 第78–83頁. (Янь Годун. Исследование обмена книг между Китаем и Россией в XVIII веке // Исследование России. 2007 (1). С. 78–83.)
 35. 閻國棟. 郎喀使華與早期中俄文化交流 // 歷史檔案, 2004 (11). 第68–73頁. (Янь Годун. Отправление Ланга с дипломатической миссией в Китай и культурные связи между Китаем и Россией в раннем этапе // Исторические архивы. 2004 (11). С. 68–73.)
 36. 楊雨蕾. 燕行與中朝文化關係. 上海: 上海辭書出版社, 2005. 376頁. (Ян Юйлэй. «Поход в Янь» и культурные связи между Китаем и Кореей. Шанхай: Шанхай цышу шубаньшэ, 2005. 376 с.)

Поступила в редакцию 27.04.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Yan Minxiang, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ymxfdu@yandex.ru

ACQUISITION OF BOOKS BY RUSSIAN MISSIONARIES IN BEIJING DURING THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. In the early XIX century, due to the growing interest in China, the Russian government began to send special instructions to the members of the Russian Orthodox Mission in Beijing. According to the instructions, the missionaries were to establish close contacts with representatives of the nobility, as well as to acquire various books to enrich the Russian library collections. This article presents a detailed study of the contacts of the members of the Russian Orthodox Mission with the members of the Qing imperial house, Mongolian princes, Tibetan lamas, booksellers, and Korean envoys in Beijing, all with the goal of obtaining materials across a range of knowledge areas. Drawing on both Chinese and Russian sources, the study shows that the collection of printed and manuscript publications by the members of the ecclesiastical mission was closely linked to their interactions with the Beijing nobility. This work is the first-of-its-kind inquiry into the peculiarities of forming the corpus of library collections in Chinese and minority languages of China at an early stage. The study's relevance is underscored by the growing scholarly interest in the activities of the members of the Russian Orthodox Mission in Beijing and Russian-Chinese relations of this period.

Key words: Russian Orthodox Mission in Beijing, N. Ya. Bichurin, P. Kamensky, V. P. Vasiliev

Acknowledgements. This article was supported by the grant No 202009010096 from the China Scholarship Council (CSC).

For citation: Minxiang, Yan. Acquisition of books by Russian missionaries in Beijing during the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):27–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1107

REFERENCES

1. Azarkina, M. A., Mayatsky, D. I. Some information about the history of formation and development of the collection of the Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. *Russia – China: history and culture: Collection of articles and reports of the participants of the XIV international research and practical conference*. Kazan, 2021. P. 4–12. (In Russ.)
2. Archimandrite Abramius. A brief history of the Russian Orthodox Mission in China. *Bei-Guan: A brief history of the Russian Orthodox Mission in China*. (B. G. Alexandrov, Comp.). Moscow; St. Petersburg, 2006. 264 p. (In Russ.)
3. Bibliography and scholarly heritage of the orientalist O. M. Kovalevsky (based on the materials from archives and manuscript collections). (R. M. Valeev, I. V. Kulganek, Eds.). St. Petersburg; Kazan, 2020. 440 p. (In Russ.)
4. Zavidovskaya, E. A., Mayatsky, D. M. Description of the Chinese books collection by academician V. P. Vasiliev in the Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2012. 426 p. (In Russ.)
5. Zorin, A. V. The Tibet Fund. *Asian Museum – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Guidebook*. (I. F. Popova, Ed.). Moscow, 2018. P. 355–405. (In Russ.)
6. Mayatsky, D. I. Contribution of V. P. Vasiliev to the formation of the collection of rare Chinese books in the Scientific Library of St. Petersburg State University. *Academician and Orientalist V. P. Vasiliev: Kazan – Beijing – St. Petersburg (essays and materials)*. (T. A. Pang, Comp.; R. M. Valeev, I. V. Kulganek, Eds.). St. Petersburg, 2021. P. 76–86. (In Russ.)
7. Minxiang, Yan. The new sources on Russian-Korean contacts in the first quarter of the 19th century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023;22(10):67–76. (In Russ.)

8. Pang, T. A. Manchurian collection. *Asian Museum – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Guidebook*. (I. F. Popova, Ed.). Moscow, 2018. P. 479–514. (In Russ.)
9. Попова, И. Ф. Chinese NOVA collection. *Asian Museum – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Guidebook*. (I. F. Popova, Ed.). Moscow, 2018. P. 450–465. (In Russ.)
10. Попова, И. Ф. Chinese woodblocks collection. *Asian Museum – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Guidebook*. (I. F. Popova, Ed.). Moscow, 2018. P. 438–449. (In Russ.)
11. Skachkov, P. E. Russian doctors in the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing. *Soviet Oriental Studies*. 1958;4:136–148. (In Russ.)
12. Trotsevich, A. F., Guryeva, A. A. Description of written monuments of Korean traditional culture. Issue II: Korean written monuments in the Manuscript Department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2009. 424 p. (In Russ.)
13. Uspensky, V. L. A specialist in Mongolian studies. *Academician and orientalist V. P. Vasiliev: Kazan – Beijing – St. Petersburg (essays and materials)*. (T. A. Pang, Comp.; R. M. Valeev, I. V. Kulganek, Eds.). St. Petersburg, 2021. P. 65–76. (In Russ.)
14. Uspensky, V. L., Mayatsky, D. I. Chinese manuscripts and woodcuts. *Manuscripts and woodcuts in oriental languages stored in the M. Gorky Scientific Library of St. Petersburg State University*. (V. L. Uspensky, Ed.). St. Petersburg, 2014. P. 74–80. (In Russ.)
15. Khokhlov, A. N. Letters of the orientalist V. P. Vasiliev from Beijing to O. M. Kovalevsky. *Sinologists of the world celebrating the anniversary of Stanislav Kuchera: Collection of papers*. (A. R. Vyatkin, Ed.; S. Dmitriev, Comp.). Moscow, 2013. P. 469–492. (In Russ.)
16. Yakhontov, K. S. Chinese manuscripts and woodcuts of the Public Library: Systematic catalogue. St. Petersburg, 1993. 312 p. (In Russ.)
17. 愛新覺羅宗譜, 第2卷 / 愛新覺羅·常林(編)。北京: 學苑出版社, 1998。598頁。
18. 愛新覺羅宗譜, 第4卷 / 愛新覺羅·常林(編)。北京: 學苑出版社, 1998。575頁。
19. 愛新覺羅宗譜, 第11卷 / 愛新覺羅·常林(編)。北京: 學苑出版社, 1998。560頁。
20. 白若思。俄羅斯學者關於清代北京藏傳佛教的研究 // 西域歷史語言研究集刊, 第13輯, 2020 (1)。第93–112頁。
21. 蔡鴻生。俄羅斯館醫生與清朝宗室的晉接 // 中外關係史論叢。北京: 世界知識出版社, 1991。第239–242頁。
22. 蔡鴻生。《俄羅斯館記》考釋 // 蔡鴻生。俄羅斯館紀事。北京: 中華書局, 2006年。第470–472頁。
23. 崔秀漢。《東醫寶鑑》版本考 // 延邊醫學院學報, 1991年9月, 第4期。第229–232頁。
24. 顧太清、奕繪。顧太清奕繪詩詞合集 / 張璋(編校)。上海: 上海古籍出版社, 1998。572頁。
25. 金景善。燕轅直指, 卷三: 鄂羅斯館記 // 韓國漢文燕行文獻選編, 第28卷。上海: 復旦大學出版社, 2011年。第467–472頁。
26. 李埤。燕行記事 // 燕行錄全集, 第52卷。漢城: 東國大學出版部, 2001年。273–582 頁。
27. 柳若梅、龐曉梅。中國和俄國之間的知識交流 – 18世紀彼得堡科學院院士與北京耶穌會士的通信 // 文化雜誌·中文版, 2018年, 第103期。第54–66頁。
28. 米鎮波、蘇全有。清代俄國來華留學生問題初探 // 清史研究, 1994 (6)。第16–22頁。
29. 米鎮波。清代俄羅斯東正教會圖書館的若干問題 // 故宮學刊, 1994 (3)。第83–90頁。
30. 朴思浩。燕薊紀程, 卷二: 鄂羅斯館記 // 韓國漢文燕行文獻選編, 第27卷。上海: 復旦大學出版社, 2011年。第297–299頁。
31. 欽定理藩部則例 / 張榮錚、金懋初(整理)。天津: 天津估計出版社, 1998年。472頁。
32. 肖玉秋、閻國棟。清代俄羅斯館與北京黃寺的交往 – 以19世紀20–30年代俄羅斯館成員記述為基礎 // 世界宗教研究, 2020 (4)。第36–46頁。
33. 肖玉秋。俄國東正教駐北京傳教士團與清代中俄圖書交流 // 清史研究, 2006 (1)。81–89頁。
34. 閻國棟。18世紀中俄圖書交流研究 // 俄羅斯研究, 2007 (1)。第78–83頁。
35. 閻國棟。郎喀使華與早期中俄文化交流 // 歷史檔案, 2004 (11)。第68–73頁。
36. 楊雨蕾。燕行與中朝文化關係。上海: 上海辭書出版社, 2005。376頁。

Received: 27 April 2024; accepted: 30 September 2024

АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРЫНКИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0441-0686; avbarinkin@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ ЕЕ ОКОНЧАНИЯ

А н н о т а ц и я . История изучения Первой мировой войны насчитывает более ста лет. По сложившейся традиции авторы преимущественно концентрировали внимание на вопросах дипломатии, военно-стратегического и оперативного характера. Однако проблемы, касающиеся экономической войны, долгое время находились на периферии внимания исследователей. В период 1920–1930-х годов предметом интереса правоведов, историков, экономистов, военных становились вопросы соотношения экономических потенциалов сторон, усилия участников войны по реорганизации народного хозяйства и адаптации его под нужды военного времени. Такая тенденция была характерна как для отечественной, так и для британской и американской экспертной литературы. Данная статья преследует цель рассмотреть эволюцию представлений об экономической войне, различия в оценках ее эффективности, законности, последствий, самого понятия и целесообразности данного измерения противостояния в рамках отечественной и англоязычной литературы. Наблюдения, сделанные в ходе изучения работ конца XIX – первой трети XX века, позволяют говорить о значительных расхождениях в трактовках понятия и практик экономической войны. Отличительной чертой англоязычных авторов был исключительный интерес к морской торговле в условиях военного времени и эффективности блокады Германии. В британской литературе сформировался негласный консенсус относительно того, что экономический фронт войны имел не меньшее значение в сравнении с военными фронтами. Для американских экспертов было характерно оценивать США пострадавшей стороной, что не отменяло восприятия себя уже в 1915 году единственной защитницей справедливого мироустройства и прав нейтральных стран. Отечественная литература в начале XX столетия и в первые годы войны делала ставку преимущественно на экономический потенциал России. Однако уже в 1920–1930-е годы в трудах новой плеяды экспертов было продемонстрировано большое значение экономической войны, даны определения и установлены методы и объект противоборства, описаны вызванные последним риски и необходимость принятия стратегических решений в сфере народного хозяйства, связанные с возможной угрозой морской блокады Советского государства в преддверии нового неминуемого столкновения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Первая мировая война, экономическая война, морская блокада, нейтральные страны
Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Барынкин А. В. Эволюция представлений об экономической войне накануне Первой мировой войны и после ее окончания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 39–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1108

Примеры концептуального понимания необходимости экономического противостояния как отдельного «фронта» грядущей войны в отечественной экспертной среде в преддверии 1914 года были редким явлением. При обращении к «общим выводам» многотомного исследования под условным авторством И. С. Блиоха мы находим лишь некоторые замечания относительно новых вызовов предстоящей тогда войны. Каса-

тельно перспектив экономического противоборства подчеркивалось одно обстоятельство – особое значение военно-морского флота, способного на качественно новом уровне повлиять на мировую и, в частности, британскую торговлю:

«...нескольких быстроходных неприятельских крейсеров, принадлежащих воюющим между собою государствам, достаточно, чтобы прекратить морскую торговлю Великобритании»¹.

Отстаиваемый тезис о неуязвимости империи, способной в отличие от западных стран несколько лет вести оборонительную войну², удивительным образом с точки зрения сегодняшнего дня закрепился в экспертной литературе³, правительственных кругах⁴ и подходах отдельных европейских дипломатов [3: 40].

Качественно новое по своему свойству и объему неминуемое противостояние на море и следующий за этим ущерб, полагаем, подтолкнули генерала А. А. Гулевича выявить «сильную» сторону российского народного хозяйства формата конца XIX века. По убеждению военного теоретика, «чем промышленно развитие и культурнее жизнь государства, тем, можно полагать, большая грозит опасность его жизненному организму»⁵.

Причины запоздалого становления представлений о всеобъемлющем военно-экономическом противостоянии можно обосновать рядом факторов. Для военно-политического руководства стран – участниц войны аксиоматичным было понимание скоротечности боевых действий, уверенность в том, что война не продлится долго [4: 240–241], [5: 118]. Развитие военно-экономической мысли в направлении заранее концептуально оформленного в стратегическую доктрину противостояния скрывалось самой убежденностью в хозяйственном и ресурсном превосходстве над Германией и ее союзниками. Так, в 1915 году М. И. Туган-Барановский отстаивал мысль о том, что Россия в отличие от Германии может «вести войну годами»⁶. Специфической чертой можно назвать также некоторое пренебрежение аналитической работой со стороны высшей власти – лично царя. Так, например, определенное понимание (касательно военной стратегии) дает сюжет, описанный в книге В. В. Гребеника. Николай II, реагируя на экспертную дискуссию о военной доктрине накануне 1914 года, заявил начальнику военной академии: «...военная доктрина состоит в том, чтобы исполнять всё то, что я прикажу» [1]. Подобные заключения в своем фундаментальном труде по истории отечественной военно-экономической мысли приводит А. А. Клейман. Опираясь на труды царских генералов, военных теоретиков (в том числе А. А. Гулевича, Н. П. Михневича, А. А. Незнамова, А. Г. Елчанинова и др.), он показал широкий спектр воззрений (вызванных к жизни, в частности, изменениями в технологическом сопровождении войны) на необходимые хозяйственные мероприятия накануне предстоящего конфликта. По его утверждению, «рекомендации русских военных теоретиков не смогли

коренным образом повлиять на политику правительства, что и подтвердили уже первые месяцы мировой войны»⁷.

Развитие представлений об экономической войне несло на себе отпечаток прежнего исторического опыта отдельных стран; оно определялось привязанностью к национальным географическим особенностям, традициям ведения войны и стремлению (либо же отсутствию такового) следовать нормам международного права того времени.

Дискуссия по вопросу экономической войны в отечественной и англоязычной экспертной среде развернулась с новой силой после окончания Первой мировой войны. На выбор объекта исследования все также оказывали влияние фактор национального опыта отдельных стран и степень их вовлеченности, как тогда писали, в «хозяйственную» войну⁸. Обращает на себя внимание факт, что в послевоенной литературе не было единого понимания и даже универсальной дефиниции экономической войны. Возможно предположить, что не было его и в годы Первой мировой войны по причине того, что само рассматриваемое явление (в плане масштаба и уникального значения в противостоянии в первую очередь по линии Великобритании – Германия⁹) набирало вес с ходом боевых действий. Тому способствовало постепенное осознание провальных расчетов на быстрый разгром противника и принятие идеи о том, что боеспособность армии в условиях затяжной мировой войны зависела от общего состояния экономики страны, принимаемых противником мер по экономическому удушению¹⁰.

Наиболее основательно роль России в экономическом противоборстве с Центральными державами была описана в эмиграции российским юристом-международником Б. Э. Нольде. Одним из первых он дал определение экономической войны в контексте международного права того времени – это система мер

«военного времени, которые государство принимает и применяет напрямую или через соответствующих лиц в пределах своей юрисдикции против сферы экономических интересов граждан противника»¹¹.

Он отмечал, что у России не было никакой ясной стратегии экономического противоборства, а причину медлительности ее становления определял тем, что экономическая война не имела корней в традиционной политике русского правительства¹². Детально рассматривая опыт войн с участием России в XVIII и XIX веках, Б. Э. Нольде пришел к принципиальному выводу о стремлении российских правящих кругов следовать правилам, которые закладывались еще

во время войны с Турцией 1768–1774 годов Екатериной II, враждебно относящейся к любому вмешательству в свободу частной морской торговли, особенно когда оно было направлено против российского торгового флота, в котором она была глубоко заинтересована и который считала своим детищем. С учетом редких исключений данный принцип сохранялся в политике России в течение всего периода после наполеоновских войн¹³.

В России война понималась как борьба между вооруженными силами, а не как попытка нанести ущерб экономическим интересам граждан противника¹⁴. Б. Э. Нольде подчеркивал, что в условиях начавшейся войны с Центральными державами «российское правительство продолжало считать экономическую войну противоречащей закону, а также нецелесообразной»¹⁵.

Разительно отличный подход демонстрирует англо-саксонская литература. Обращают на себя внимание оценки, имеющие отношение к экономической войне: «экономика вынужденного варварства»¹⁶; «история международного беззакония»¹⁷; «британское и германское беззаконие»¹⁸. Любопытно при этом отметить, насколько отличались определения экономической войны в трактовках британцев и американцев до официального вступления США в войну. Последние, ощутив на себе весь спектр последствий британско-немецкого противостояния на море, характеризовали данное явление как нарушение торговли между враждовавшими блоками и нейтральными странами с целью оказать на вражескую страну «давление», «достаточное для прекращения войны»¹⁹.

Другими словами, в случае США вся суть противоборства сводилась к его последствиям для нейтральной торговли. Считая США единственной великой державой, сохраняющей нейтральный статус, Э. Клэпп уже в 1915 году определил некоторые контуры справедливого мироустройства, в котором его родина представляла на тот момент времени единственной силой, «которая способна отстаивать права **на мир во всем мире**»²⁰, что же касается нейтрального мира, то он «**ждет, когда мы осознаем и заявим о его правах и наших**» (выделено мною. – А. Б.)²¹.

В основе британского подхода к определению экономической войны, ее значения, целей лежали совершенно другие принципы. Пожалуй, наиболее красноречивым их выразителем стал министр иностранных дел Э. Грей, который обосновывал запрещение ввоза в Германию продуктов питания стиранием разницы между немецкими гражданскими лицами и военными²². Тяжелейшая для Берлина блокада объяснялась грубым неоднократным нарушением Германией «самых

элементарных принципов законов наций и общей человечности» как на полях сражений, так и на море в отношении торгового флота²³. В британской литературе сложился негласный консенсус относительно того, что экономический фронт войны имел не меньшее значение в сравнении с военными фронтами²⁴, что в совокупности еще и обогатило британскую стратегию будущей войны²⁵. Авторами отмечалась эффективность военно-морской стратегии и своевременная реакция на вызовы времени со стороны британского правительства²⁶, а также деятельность «дипломатов и государственных служащих, которые возвели огромный экономический барьер и сделали его непреодолимым»²⁷. При этом считалось, что роль России в экономическом противостоянии блоков довольно быстро была сведена к минимуму по причине ее «полуизолированного» положения, несовершенной транспортной системы, слабости границ, что в конечном итоге привело к минимальному доступу к трудовым и экономическим ресурсам России²⁸.

Темы экономической войны и усилий военно-политического руководства царской России не были обойдены стороной в ранней советской историографии. Сами исследователи отмечали сложность в определении явления экономической войны, объясняя этот факт тем, что «в понятие и термин экономической войны вкладывается различными авторами самое разнообразное содержание»²⁹. Наиболее точным в определении рассматриваемого феномена был Е. Святловский, понимающий под экономической войной меры, «которые имеют целью путем экономических средств парализовать военную мощь противника, или путем военных или экономических средств нанести удар по экономике противника»³⁰. В отличие от всех рассмотренных в данной статье исследователей именно Е. Святловскому принадлежит уникальное понимание объекта экономической войны. В отличие от российских / советских и зарубежных коллег под таковым он понимал не объекты инфраструктуры, промышленного производства, торговые связи и т. д., а в первую очередь «само население»³¹.

С. С. Варшавер, М. Нахимсон и Я. А. Иоффе отмечали, что наступающей стороной и инициатором этого вида противостояния была Великобритания³², действия которой в отношении России оценивались критически, так как Лондон набирал вес для экономического противоборства, предпочитая в то же время «сражаться до последнего русского солдата»³³.

Особо востребованной оказалась новейшая история экономической блокады Германии. Усилия британцев по «экономическому удушению» неприятеля оценивались высоко³⁴. П. В. Гельмерсен

убеждал, что «не поражения на суше или на море, а следствия голодной блокады поставили германский народ на колени перед его победителями»³⁵. Практическую значимость такого рода исследований обнажили П. В. Гельмерсен и Я. А. Иоффе не в последнюю очередь в контексте несовершенства и откровенной слабости механизмов международного права в сфере морской торговли в годы Первой мировой войны. Последнее было связано с тем, что Советская Россия испытала на себе все тяготы блокады со стороны Антанты, что обязывало пристально изучать как методы «голодной блокады» в отношении континентальной державы, так и методы противодействия ей³⁶, поскольку, как утверждал Я. А. Иоффе, опыт мировой войны проиллюстрировал, с какой легкостью нарушалось тогда международное право³⁷.

Невысокой оценки удостоились действия царского военного и политического руководства в вопросе институционализации усилий в процессе экономического противостояния. Отмечалась, например, несвоевременность создания специального органа, на который можно было бы возложить сбор «различными ведомствами сведений об экономической жизни наших противников» («Бюро экономической войны») [2: 342–343]. Такие планы появились только в самом начале 1917 года и являлись, предположительно, частной инициативой, в конечном итоге не получившей должной поддержки из-за критического отношения к проекту со стороны военного министра в апреле 1917 года [2: 344].

В трудах М. Нахимсона³⁸ и Я. А. Иоффе³⁹ в общих чертах описывались действия царского правительства в отношении международной торговли, иностранных подданных и их активов на территории России. Последние меры не подвергались глубокому изучению, что могло произойти вследствие малой вероятности повто-

рения ситуации, при которой в новых социально-экономических реалиях СССР иностранные собственники предприятий обеспечивали бы тысячи рабочих мест для советских граждан, в том числе в стратегических секторах экономики. Исследователей интересовали преимущественно те аспекты, знание которых позволило бы дать универсальные рекомендации военно-политическому руководству в свете приближения неминуемой войны на западе. Такие «рецепты» были озвучены в фундаментальном труде С. Н. Прокоповича уже в 1918 году, и сводились они преимущественно к необходимости всестороннего «развитии ее производительных сил» при отрицании прежней ставки на такую форму экономики, при которой «и войне разорять нечего»⁴⁰.

В авторском тезисе была очевидна неприязнь к концепциям А. А. Гулевича и И. С. Блюха. В данном отношении молодая экспертная литература Советской России разрывала любые связи с предвоенными рассуждениями о «великости» России, бывшей «сильной в своей слабости», выразителем чего (помимо С. Н. Прокоповича) стал П. Шаров. Предвидя высокую вероятность блокады СССР (в том числе частичной)⁴¹, он отстаивал тезис о необходимости обеспечения независимости от иностранных рынков и иностранного сырья⁴², а также декларировал высочайшую задачу построения хозяйства «индустриального аграрного типа», которому не будет угрожать блокада⁴³. Сознывая феномен экономической войны, пройдя опыт блокады странами Антанты, высоко оценивая эффективность мер, принятых Британией против Германии, уже в 1920-е годы был сделан неминуемый и заслуживающий внимания вывод о необходимости построения самодостаточной хозяйственной системы, способной во время испытания войной закрывать потребности фронта и тыла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. С. Общие выводы из сочинения «Будущая война» в техническом, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1898. С. 163–165.

² Там же. С. 166.

³ Гулевич А. А. Война и народное хозяйство. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1898. С. 136; Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство // Вопросы мировой войны. Петроград: Право, 1915. С. 321.

⁴ Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд., доп. М., 1918. С. 14.

⁵ Гулевич А. А. Указ. соч. С. 106.

⁶ Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство... С. 321.

⁷ Клейман А. А. Возникновение и развитие военно-экономической мысли в России (середина XIX – первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 1999. С. 14.

⁸ Иоффе Я. А. Блокада и народное хозяйство в мировую войну: Очерк. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 5.

⁹ Гельмерсен П. В. Морская блокада. М., 1925. С. 4.

¹⁰ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 29.

¹¹ Nolde B. E. Russia in the economic war. New Haven, 1928. P. 21.

¹² Ibid. P. 2.

¹³ Ibid. P. 7.

¹⁴ Ibid. P. 8.

¹⁵ Ibid. P. 11.

¹⁶ Crowther G. Waysand Meansof War. Oxford, 1940. P. 11.

- ¹⁷ Clapp E. J. Economic aspects of the war; neutral rights, belligerent claims and American commerce in the years 1914–1915. New Haven, 1915. P. 1.
- ¹⁸ Ibid. P. 15.
- ¹⁹ Ibid. P. 4.
- ²⁰ Ibid. P. 5–6.
- ²¹ Ibid. P. 11.
- ²² Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 53.
- ²³ Scott L. F., Shaw A. Great Britain and neutral commerce. Pt. I: Great Britain and the right of search. Pt. II: The British blockade of Germany. London, 1915. P. 17, 19.
- ²⁴ Bell A. C. A history of the Blockade of Germany and the countries associated with her in the great war, Austria-Hungary, Bulgaria, and Turkey, 1914–1918 (History of the Great War based on Official Documents). London, 1961. P. 32; Scott L. F., Shaw A. Op. cit. P. 17; Garvin J. L. The economic foundations of peace; World-partnership as the truer basis of the league of nations. London, 1919. P. 37, 38.
- ²⁵ Crowther G. Op. cit. P. 2.
- ²⁶ Garvin J. L. The economic foundations of peace; World-partnership as the truer basis of the league of nations. London, 1919. P. 37.
- ²⁷ Bell A. C. Op. cit. P. 31, 32.
- ²⁸ Garvin J. L. Op. cit. P. 36.
- ²⁹ Варшавер С. С. Международный обмен и война // Народное хозяйство и война: Библиографический справочник / Под ред. С. А. Пугачева, С. О. Ботнера, Б. С. Букина, А. В. Гиршфельд. М., 1927. С. 30.
- ³⁰ Святловский Е. Экономика войны. М.: Воен. вестник, 1926. С. 391.
- ³¹ Там же. С. 392.
- ³² Варшавер С. С. Указ. соч. С. 31; Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 32; Нахимсон М. (Спектатор). Мировое хозяйство до и после войны. Т. 2. Мировое хозяйство за годы 1914 по 1918. М.; Л., 1926. С. 122.
- ³³ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 34.
- ³⁴ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. М., 1928. С. 150; Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 6, 30; Нахимсон М. (Спектатор). Указ. соч. С. 122.
- ³⁵ Гельмерсен П. В. Указ. соч. С. 1.
- ³⁶ Там же. С. 64.
- ³⁷ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 52.
- ³⁸ Нахимсон М. (Спектатор). Указ. соч. С. 122–123.
- ³⁹ Иоффе Я. А. Указ. соч. С. 39–40.
- ⁴⁰ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 13.
- ⁴¹ Шаров П. Указ. соч. С. 155.
- ⁴² Там же. С. 150, 155.
- ⁴³ Там же. С. 154.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гребеник В. В., Бушуев С. А., Кривцов О. Ф. Новая парадигма экономической и военной безопасности России. Онтологические и методологические основы формирования. М.: Международная акад. оценки и консалтинга, 2012. 383 с.
2. Звонарев К. К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Киев: Издательский дом «Княгиня Ольга», 2005. 696 с.
3. Муравьева Л. А. Экономика и финансы России в период Первой мировой войны (1914–1918) // Финансы и кредит. 2002. № 6 (96). С. 39–48.
4. Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 448 с.
5. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.

Поступила в редакцию 03.10.2024; принята к публикации 31.10.2024

Original article

Artem V. Barynkin, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0441-0686; avbarinkin@yandex.ru

EVOLUTION IN PRE- AND POST-WWI PERSPECTIVES ON ECONOMIC WARFARE

Abstract. The study of the First World War has a history that spans over a century. Traditionally, researchers have primarily concentrated on diplomatic, military-strategic, and operational aspects of the war. In contrast, the economic

dimensions of warfare have long been somewhat overlooked. In the 1920s and 1930s, legal scholars, historians, economists, and military experts began to explore the relationship between the economic capabilities of the warring parties and the efforts made by these nations to reorganize their national economies to meet wartime demands. This interest was evident in Russian, British, and American academic literature. This article aims to investigate the evolution of ideas surrounding economic warfare, the varying assessments of its effectiveness and legality, its consequences, the concept itself, and the appropriateness of this dimension of confrontation within the framework of Russian and English-language literature. The analysis of texts from the late XIX century through the first third of the XX century reveals significant variations in how economic warfare was interpreted and practiced. A notable feature among English-language authors was their particular focus on maritime trade during wartime and the effectiveness of the blockade of Germany. British authors reached an unspoken consensus on the importance of the economic front, viewing it as equally significant as the military fronts. American scholars tended to frame the United States as a wronged party, while embracing its role of the sole defender of a just world order and the rights of neutral nations as early as 1915. In contrast, Russian literature in the early XX century and during the initial years of the war primarily emphasized the economic potential of Russia. However, by the 1920s and 1930s, a new generation of experts demonstrated the critical importance of economic warfare, offering definitions and establishing methods and objectives for this type of conflict. They also described the risks associated with economic warfare and the strategic decisions needed to mitigate the potential threat of a naval blockade facing the Soviet state in anticipation of an inevitable future conflict.

Key words: World War I, economic warfare, naval blockade, neutral states

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation's grant No 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

For citation: Barynkin, A. V. Evolution in pre- and post-WWI perspectives on economic warfare. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):39–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1108

REFERENCES

1. Grebenik, V. V., Bushuev, S. A., Krivtsov, O. F. New paradigm of economic and military security of Russia. Ontological and methodological foundations of formation. Moscow, 2012. 383 p. (In Russ.)
2. Zvonarev, K. K. Secret agent intelligence. Russian secret agent intelligence of all kinds before and during the war of 1914–1918. German secret agent intelligence before and during the war of 1914–1918. Kyiv, 2005. 696 p. (In Russ.)
3. Muravyeva, L. A. Economy and finance of Russia during the First World War (1914–1918). *Finance and Credit*. 2002;6(96):39–48. (In Russ.)
4. Novikova, I. N. “Between the hammer and the anvil”: Sweden in the German-Russian confrontation in the Baltic Sea during the First World War. St. Petersburg, 2006. 448 p. (In Russ.)
5. Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis. (Yu. A. Petrov, Ed.). Moscow, 2014. 982 p. (In Russ.)

Received: 3 October 2024; accepted: 31 October 2024

ЕЛЕНА СПАРТАКОВНА СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт российской истории Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5425-4730; homobelli@mail.ru

ОБРАЗ ВЕНГРИИ КАК ПРОТИВНИКА В СОЗНАНИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . С позиций исторической имагологии рассматривается «образ врага»-венгра в период Великой Отечественной войны в сознании граждан СССР. На основе документов из Центрального архива Министерства обороны РФ, Российского государственного военного архива и материалов газеты «Красная звезда» за 1942–1945 годы показаны формирование и эволюция этого образа как среди военнослужащих Красной армии, так и у гражданского населения, пережившего оккупационный режим венгерских войск на территории, занятой противником. Приводятся свидетельства жестокой оккупационной политики и карательных акций венгерских оккупантов против мирных советских граждан и военнопленных. Рассматривается отношение советского политического и военного руководства, военнослужащих Красной армии к венграм после вступления на их территорию и во время боев за Будапешт. Прослеживаются изменения в подходах советской пропаганды к изображению венгров на заключительном этапе войны с целью оставить гитлеровскую Германию в полной изоляции, оторвать от нее последнего союзника, продолжающего сражаться против наступающих советских войск. Показано враждебное поведение венгерского населения, продолжавшего и после окончания войны оказывать помощь не желающим сложить оружие и скрывающимся от плена венгерским и немецким солдатам и офицерам, а также влияние этих и более поздних событий на сохранение «образа врага» в советском массовом сознании и исторической памяти.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великая Отечественная война, сателлиты Германии, Венгрия, «образ врага», оккупационный режим, карательные акции, пропаганда

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сениявская Е. С. Образ Венгрии как противника в сознании советских граждан в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 45–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1109

ВВЕДЕНИЕ

Взаимовосприятие народов, социумов и культур, формирование образа «чужого» в результате различных видов взаимодействия изучается таким современным научным направлением, как историческая имагология. Согласно ему, *образ врага* – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуально-го) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом в качестве несущего угрозу интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию общности «мы» («свои»), и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия [7: 65]. При этом в условиях вооруженного конфликта проблема «мы и они», «свой-чужой» обостряется до предела, а «образ врага» никогда не формируется произвольно,

то есть не может быть сведен лишь к «пропагандистскому продукту», а имеет под собой вполне реальные основания.

Во Второй мировой войне у Германии было немало союзников-сателлитов разных национальностей, участвовавших в боевых действиях против СССР, и на них, естественно, переносились основные негативные характеристики противника в целом, хотя и в ослабленной, по сравнению с главным врагом – Германией, форме. Но на тех участках фронта и временно оккупированных территориях, где приходилось иметь дело непосредственно с союзниками Германии, негативных моментов в отношении к ним было больше, чем в других местах.

После нападения Германии на СССР ее союзники предполагали, что война будет победоносно завершена максимум через несколько месяцев, поэтому «многие из них поспешили зафиксировать

свой вклад в уничтожение Советского Союза». Так, Венгрия вступила в войну 27 июня 1941 года. За свои услуги Гитлеру венгерское правительство надеялось «получить обратно все территории исторической Венгрии», то есть распространить власть на всю Трансильванию, а также на утраченные после Первой мировой войны словацкие и часть украинских земель [4: 280].

Как в советской пропаганде, так и в восприятии населения СССР и военнослужащих Красной армии все сателлиты Гитлера представлялись «холопами» и «шакалами» в сравнении с их «хозяином» и «тигром» – самой фашистской Германией.

«Приходит час расплаты. Шакалы получают по заслугам, – 12 декабря 1942 г. в заметке “Судьба шакалов” писал Илья Эренбург. – Они получают за то, что они пришли к нам. Но мы ни на минуту не забываем о тигре. Тигр получит за всё – и за себя, и за шакалов, и за то, что он к нам пришел, и за то, что он привел с собой мелких жадных хищников»¹.

На протяжении всей войны союзные Германии войска воспринимались как второстепенные пособники основного врага, не имевшие ни высокой боееспособности, ни воинского духа, которые были присущи немецким частям. «В итальянских, венгерских, румынских войсках дисциплина и морально-политическое состояние значительно ниже, чем в германской армии», «в то же время “союзнички” не отстают от немцев в грабежах и издевательствах над населением» [8: 115, 117], – свидетельствуют документы, упоминающая среди грабителей и насильников представителей всех стран-сателлитов, включая венгров.

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ХОДЕ ВОЙНЫ

Следует отметить, что в изучаемый период для советской стороны образы Венгрии как политического субъекта (хортистского в 1941–1944 годах и салашистского в 1944–1945 годах режимов во главе венгерского государства) и венгров как представителей определенной национально-культурной общности в составе армии завоевателей и оккупантов никак не дифференцировались и воспринимались как единое целое, в отличие от отношения к разным этническим группам в составе австро-венгерских войск в Первую мировую войну [6: 165].

В ходе Второй мировой войны в общественном сознании как советского общества, так и армии сложился обобщенный образ «жесточких мадьяр», особенно укрепившийся после освобождения ряда оккупированных районов СССР, где они проводили свои карательные акции,

а также в конце войны, во время боевых действий уже на собственно венгерской территории, где враг дрался крайне ожесточенно. Но боееспособность венгров в боях на советской территории оказалась относительно невысокой. «Фрицы покрепче венгров», – к такому убеждению на собственном опыте приходили советские бойцы.

«В начале августа 1942 г., когда наши войска повели наступление через Коротояк на Острогжск, разбежались находившиеся на этом участке фронта две венгерских дивизии. После того, как их с трудом удалось собрать, по приказанию германского командования перед строем было расстреляно 20 венгров. Остальных тут же предупредили, что при повторении подобных случаев они также будут расстреляны. Венгерский комендант Острогжска был снят, а в город для усиления обороны прибыл немецкий полк» [8: 115–116],

– говорилось в одном из разведдонесений.

Между тем, не слишком успешные на поле боя, против мирного населения на захваченной советской земле венгры вели себя как крайне жестокие оккупанты [9], [10]. Неслучайно И. В. Сталин уже в декабре 1941 года заявил в присутствии британского министра иностранных дел А. Идена, что «венгры хуже эсэсовцев» [1: 97].

«Венгерский порядок» был установлен на Украине, в Белоруссии, Воронежской, Брянской, Курской, Белгородской, Ростовской и других областях Советского Союза. Венгерское военное командование выпустило прокламацию, в которой, в частности, было сказано:

«Всякое убийство или попытка к убийству венгерских солдат будет караться смертной казнью. Помимо этого за каждого убитого солдата будет расстреляно 100 жителей, взятых из заложников, а деревня будет сожжена. Гражданскому населению запрещается пользоваться колодцами, предназначенными для солдат и обозначенными особыми знаками, а также подходить к ним. Лица, обнаруженные поблизости колодцев, будут расстреляны»².

В заметке «Венгерский кур» от 19 мая 1942 года Илья Эренбург пишет о том, как в записной книжке одного венгерского солдата он нашел украинский перевод «некоторых особенно необходимых слов»: «Дайте. Гусь. Курочка. Куда пошел? Красивая девушка. Напрасно вы просите. Иди со мной спать. Молоко. Живей! Яйца. Иди туда, куда я скажу»³. В докладной записке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника» от 31 октября 1942 года среди многих других фактов вскользь упоминается, как «в селе Ново-Николаевка на Днестре венгерский офицер, не стесняясь присутствием по-

сторонних и ребенка, изнасиловал молодую женщину» [8: 117].

Венгры были врагами и врагами безжалостными, по жестокости превосходившими даже немцев, о чем сохранилось немало документальных свидетельств, зафиксированных в материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) [3: 78], образованной указом Президиума Верховного Совета СССР № 160/17 от 2 ноября 1942 года⁴.

Кроме свидетельств очевидцев и чудом выживших жертв преступлений, сохранились и признания самих палачей. Вот отрывок из письма венгерского военнослужащего Ференца Болдижара:

«Когда мы зашли в село, первые три дома поджег я сам. Мужчин, женщин, детей мы убили, село сожгли. Пошли дальше... Наши великолепные гусары подожгли село, третья рота поджигала ракетами. Оттуда дальше мы пошли в разведку. За время, которое мы провели в разведке, гусары сожгли шесть сел...» [1: 95].

В дневнике ефрейтора Янко Дюла (убит под Воронежем) написано: «Господин лейтенант спросил, кто возьмется сжечь деревню. Вызвались я и мой друг Панаи. Поджигали дом за домом и сожгли их дотла...». Ефрейтор венгерской армии Дала Юнке: «Вчера убил топором двух старух. Отрубил им головы. Орала, как куры»⁵.

Венгерские оккупанты считались самыми отпетыми карателями: изуверски пытали мирных жителей и пленных, насиловали, грабили, убивали. Их лозунгом было «неумолимое и безжалостное возмездие» не только как ответ на любое сопротивление, но и как превентивная мера устрашения, так как, по утверждению Аналитического обзора 4-го отдела Венгерского Королевского Генерального штаба об опыте боев с партизанами (апрель 1942 года, Будапешт),

«немилосердная жестокость у всякого отнимает охоту, чтобы впредь присоединяться к партизанам или поддерживать их... Важно, чтобы о возмездии узнали возможно более широкие слои населения» [2: 598].

Дошло до того, что массовые казни безоружных людей на Брянщине вызвали неодобрение (разумеется, из чисто прагматических соображений) министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса, который 19 мая 1942 года записал в своем дневнике:

«В южной части этого региона венгерские элементы сражаются в очень трудных условиях. Им нужно теперь занимать и умиротворять одну деревню за другой,

и это не слишком конструктивное дело. Когда венгры докладывают, что они “умиротворили” ту или другую деревню, это, как правило, означает, что ни одного жителя там не осталось. Это, в свою очередь, для нас значит, что мы едва ли сможем выполнять какие-нибудь сельскохозяйственные работы на такой территории» [3: 80].

Критику «венгерских методов борьбы с партизанами» высказывали и представители немецких оккупационных войск. Так, например, в докладе немецкого подполковника связи Крувеля от 29 мая 1942 года было сказано:

«С учетом пропаганды противника, их (венгерская) недисциплинированность и абсолютно произвольное поведение по отношению к местному населению могли принести только вред немецким интересам. Грабежи, изнасилования и другие преступления были обычным делом. Дополнительную неприязнь местного населения вызывал, очевидно, тот факт, что венгерские войска не могли нанести поражение противнику в боевых действиях» [11].

Особенно масштабными зверствами пособники Гитлера отличились в г. Воронеже, где две венгерские дивизии в буквальном смысле слова устроили резню мирного населения: людей сжигали живьем и заживо закапывали в землю, рубили головы, пилили пилами, вырезали кресты на телах, насиловали женщин и детей, пленных советских солдат перед смертью подвергали ужасным пыткам⁶.

Существует легенда, что генерал Н. Ф. Ватутин, услышав о зверствах венгерских войск, выкрикнул сгоряча: «Мадьяр в плен не брать!» Эти гневные слова разлетелись по окопам, став негласным приказом для советских бойцов. И когда после 212 дней боев за Воронеж советские войска освободили город, среди 75 тыс. взятых в плен гитлеровцев, как утверждают многочисленные публикации в Интернете, не оказалось «ни одного венгра»⁷. Впрочем, как следует из статьи венгерского историка Евы-Марии Варга «Венгрия в войне против СССР: события 1942 г.», обнаружившей среди документов ГУПВИ НКВД СССР⁸, хранящихся в Российском государственном военном архиве, точные цифры пленных разных национальностей по состоянию на 3 февраля 1943 года, «количество венгерских военнопленных после донской катастрофы составило 31 299 человек» [1: 101]. Так что «ни одного венгра» — это все же легенда.

Зимой 1943 года под Воронежем 200-тысячная 2-я венгерская армия потеряла половину личного состава, почти всю технику и вооружение. По другим данным, из 300 тыс. погибших в годы Второй мировой войны венгров 160 тыс. остались лежать в воронежской земле. Неслучайно в венгерском языке появилось устойчивое выражение

«воронежское бедствие»: этот русский город стал для венгров таким же местом военного позора, как Сталинград – для немцев, Полтава – для шведов и Березина – для французов⁹.

Венгерские оккупанты оставили о себе ужасную память. Так, 8 октября 1944 года корреспондент «Красной звезды» З. Хирен писал:

«Капитан Благодаренко читал нам жуткое письмо. В нем описывалось поведение мадьяр на нашей родной земле. Вот что было в этом письме: “Коротко опишу, что сделали в нашем селе мадьяры во время оккупации. Отступая, они сожгли все общественные здания и много домов. Многих колхозников они убили за несвоевременный выход на работу. Сначала загоняли людей в заранее приготовленные ямы, а потом бросали туда гранаты. От рук венгров пострадала и ваша семья. Жену вашу Веру вместе с малыми ребятами выгнали на кухню. В комнате поселились два мадьяра. Они избили ваших родных. Потом однажды мадьяр позвал к себе вашего сынишку Витю, дал ему заряженную гранату, сказал, что это игрушка, и послал в дом показать маме. Витя побежал на кухню и уронил гранату. Она разорвалась. Осколками убит ваш сын, искалечена жена...”»¹⁰.

В письме от 7 июня 1943 года к британскому послу в Москве А. Керру В. М. Молотов писал:

«Советское правительство считает, что за ту вооруженную помощь, которую Венгрия оказала Германии, а также за те убийства и злодеяния, грабежи и ужасы, которые были совершены на оккупированных территориях, ответственность нести должно не только венгерское правительство, но в большей или меньшей степени – также и венгерский народ» [1: 97].

Это мнение полностью разделяло как гражданское население СССР, в особенности тех районов, что пострадали от венгерской оккупации, так и бойцы наступающей Красной армии. Поэтому вполне закономерной, несмотря на все последующие «разъяснения» руководства СССР и военного командования, имеющие под собой политическую подоплеку и рассчитанные на будущее послевоенное устройство в Европе, стала ответная реакция наших бойцов в конце войны, когда советские войска перешли границу Венгрии.

27 октября 1944 года было принято Постановление ГКО СССР в связи с вступлением на территорию Венгрии, в котором предписывалось:

«Военному совету 2-го Украинского фронта издать к населению Венгрии воззвание, в котором призвать население продолжать свой мирный труд и оказывать командованию Красной Армии содействие и помощь в поддержании порядка и обеспечении нормальной работы промышленных, торговых, коммунальных и других предприятий. В воззвании объяснить населению, что Красная Армия вошла в пределы Венгрии, не преследуя целей приобретения какой-либо части венгерской территории или изменения существующего в Вен-

грии общественного строя. Вступление советских войск на территорию Венгрии вызвано исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением германских войск и военных частей союзной с Германией Венгрии. В воззвании сказать, что Красная Армия выполняет приказ Верховного Главнокомандующего – преследовать неприятельские войска до их полного поражения и капитуляции противника» [5: 307–308].

Особо подчеркивалась мысль о том, что

«не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского гнета вошла в Венгрию Красная Армия, не имевшая других целей, кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в пораженных ею странах»¹¹.

При вступлении Красной армии на территорию Венгрии приказано было:

«венгерских порядков не ломать и советских порядков не вводить» и «объявить для всеобщего сведения, что все личные и имущественные права венгерских граждан и частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность находятся под охраной советских военных властей»¹².

Газеты писали: «...невольно изумляешься великодушию и выдержке наших бойцов и офицеров на территории побежденной ими страны»¹³, однако факты стихийной мести случались.

«Это была первая страна, не сдавшаяся, как Румыния, не перебежавшая, как Болгария, не союзная, как Югославия, а официально враждебная, продолжавшая борьбу, – вспоминал Борис Слуцкий. – Запрещенная приказами месть была разрешена солдатской моралью. И вот начали сводить счета»¹⁴.

Ненависть к венграм усугублялась их коварством: редко оказывая открытое сопротивление, они нападали исподтишка на оставших одиночных солдат, всегда были готовы нанести удар в спину, убивали, топили в силосных ямах¹⁵.

Политотделы и военные комендатуры отмечали, что отношение венгерского населения к Красной армии, как правило, недружелюбное, а то и открыто враждебное. В одном из донесений за конец сентября 1944 года как типичный пример приводился такой случай: когда через венгерское село проводилась группа пленных венгров, на обращение сопровождавшего колонну советского офицера к населению с просьбой накормить пленных,

«местные жители поняли, что они должны дать продукты Красной Армии и наотрез отказались, заявив, что у них ничего нет. Когда же им было разъяснено, что продукты нужны для пленных, через 15–20 минут было принесено столько продуктов, что можно было накормить в три раза больше людей, чем имелось пленных»¹⁶.

Отмечалась деятельность «в острых формах» (включая диверсионную и террористическую)¹⁷ фашистского подполья «на территории Венгрии, где фашистская идеология глубоко проникла в сознание многих слоев населения»¹⁸.

В советской пропаганде на страницах центральных газет венгров как таковых стали отделять и от «венгерских фашистов», и от «хозяев-немцев» почти сразу же после пересечения Красной армией государственной границы. При этом в описании собственно боевых действий и воинских качеств противника газетчики признавали, что «почти на всех участках мадьяры проявляют упорство», однако добавляли:

«Но чувствуется, что в их действиях нет уверенности. В венгерской армии под нажимом немцев применяются сейчас жесточайшие репрессии. Всюду работает жандармерия, солдат расстреливают без суда за малейшую провинность. Но это мало помогает. Под ударами наших частей венгры, а вместе с ними и немцы, продолжают отступать»¹⁹.

Впереди была венгерская столица Будапешт. И далеко не случайно медаль за участие в его штурме была названа не «За освобождение» (как в случае со столицами славянских государств — Белградом, Варшавой и Прагой), а «За взятие» (как с австрийской Веной, немецкими Кёнигсбергом и Берлином).

БОИ ЗА БУДАПЕШТ И СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА

5 ноября 1944 года «Красная звезда» писала: «Последние наемники Гитлера — венгерские фашисты доживают свои дни. Вдоль Дуная Красная Армия стремительно идет на Будапешт»²⁰. Однако это продвижение столкнулось с серьезным сопротивлением противника — не только немецкого, но и венгерского. «Бои в Венгрии отличаются исключительным упорством»²¹, — признавал спецкор газеты К. Токарев 12 декабря 1944 года. Он же 30 декабря описывал тяжелейшие бои за овладение венгерской столицей:

«Положение осажденной будапештской группировки безнадежное. Но все же сопротивление противника возрастает по мере продвижения штурмующих частей в западных кварталах. Здесь каждый каменный дом, особенно старинной кладки, приспособлен к длительной обороне. Улицы, площади, скверы, проходные дворы и отдельные дома заминированы. В фасадах проделаны амбразуры, из которых ведут огонь пулеметы и даже минометы. Из окон, с чердаков, из-за углов и заборов, с крыш и даже с деревьев в скверах или в старинном королевском парке гитлеровцы встречают наших воинов сильным огнем. Враг дерется с отчаянием обреченного. Штурм опорных пунктов и отдельных зданий продолжается обычно до разрушения стен и поголовного уничтожения осажденных гарнизонов. В донесениях

и сводках фигурируют не только освобожденные кварталы, но и отдельные дома»²².

1 января 1945 года газеты опубликовали сообщение Совинформбюро об убийстве немцами в районе Будапешта парламентариев, направленных советским командованием к окруженной группировке противника с ультиматумом о сдаче с целью

«избежать напрасного кровопролития, избавить мирное население огромного города от страданий и жертв, а также предотвратить разрушение столицы Венгрии и ее исторических ценностей, памятников культуры и искусства»²³.

«Немцы хотят потащить за собой в пропасть миллионное население Будапешта, — говорилось в сообщении. — Что им венгерская столица, с ее достопримечательностями и культурными ценностями?.. Само собой разумеется, что вся ответственность за жертвы среди мирного населения, за разрушение города Будапешта падёт на головы гитлеровской клики палачей и убийц»²⁴.

С этого момента попытки разделить в сознании советских военнослужащих «немцев» и «венгров» становятся более явными. Если в начале наступления по территории Венгрии немецкие и венгерские войска упоминались вместе в качестве «объединенного противника», то по мере продвижения Красной армии к Будапешту в статьях с описанием ожесточенных боевых действий все чаще встречаются противопоставления немцев и венгров, упоминания о венграх, массово сдающихся в плен, не желающих воевать за Гитлера²⁵:

«Немцев особенно беспокоят участвовавшие случаи перехода венгерских солдат и офицеров на сторону Красной Армии. В силу этого венгерские части и подразделения расформируются и вливаются в немецкие соединения. Не так давно на пункте военнопленных пришлось слышать немало рассказов о том, что венгерские солдаты и офицеры, находящиеся в осажденном Будапеште, сражаются весьма неохотно. Капитан Пастор говорил, что он не знает ни одного офицера, который не имел бы при себе гражданского платья, чтобы при первом удобном случае переодеться и перейти на сторону Красной Армии. Вот его подлинные слова: “Я знаю лично полковника Гаана, сказавшего мне при встрече следующую фразу: “Будь спокоен, дорогой мой капитан, и я венгр”. Это означало, что он хочет избавиться от немцев, чтобы не погибнуть вместе с ними и при случае убежать в расположение советских войск»»²⁶.

Советская пропаганда действовала в четком соответствии с политической установкой: оставить гитлеровскую Германию в полной изоляции, оторвать ее от последнего союзника, еще сохранявшего верность и продолжающего сражаться против наступающих советских войск.

В этой связи особо подчеркивалось «принудительное участие» венгров в ненужной для них войне и преступления немцев против мирного венгерского населения. Это четко прослеживается по публикациям газеты «Красная звезда».

Так, в статье З. Хирен «Под Будапештом» от 28 декабря 1944 года говорилось:

«Ровной лентой тянется шоссе. По обе стороны его на полях горы нарытой земли. Всюду валяются лопаты, мотыги, тачки. Здесь встречаются мирные жители. Их пригнали сюда немцы воздвигать “непрístupный столичный пояс”. Сейчас эти венгры заняты земляными работами иного порядка. Они зарывают многочисленные трупы немецких и венгерских солдат, оставшиеся здесь после боя. В пригородах столицы нашим бойцам повстречались местные жители, скрывавшиеся от преследования немцев и банд Салаши... Вот одна улица. Стены ее домов изрыты осколками снарядов, стекла побиты. Кое-где дома совсем снесены. Это сделали сами немцы. Здесь были обнаружены мирные жители, не пожелавшие выполнять немецкие распоряжения. Немцы стреляли по домам в упор из “тигров”, забрасывали окна ручными гранатами. В одном месте немцам долго не удавалось проникнуть в дом. Ворота этого дома были взорваны и сквозь образовавшуюся брешь туда прошли эсэсовцы. Через несколько минут из дома было выведено более 50 мужчин, женщин и детей. Немцы тут же расстреляли их»²⁷.

6 января 1945 года в статье «Бои в кварталах Будапешта» военный корреспондент И. Агибалов писал:

«Пленные и перебежавшие на нашу сторону венгерские солдаты рассказывают, что в центре Будапешта царит полный произвол немцев. Там – повальный грабеж и мародерство. Немцы беспощадно расстреливают мирных жителей за появление на улицах после установленного времени, за бегство с оборонных предприятий и с принудительных работ»²⁸.

Наконец, в очерке А. Захарова «В эти дни» за 14 февраля 1945 года сказано:

«Умышленно обрекая на разрушение столицу Венгрии, немцы мало церемонились и с ее хозяевами – с населением Будапешта... Из подвалов и убежищ освобожденного Будапешта выходят жители. Они много рассказывают о подробностях немецких зверств в городе»²⁹.

Полтора месяца продолжались бои на улицах окруженного Будапешта, и наконец 14 февраля 1945 года советские войска полностью овладели столицей Венгрии. Но еще до окончания боевых действий в городе, по мере освобождения отдельных его районов, из подвалов и убежищ стало выходить прятавшееся там во время штурма города гражданское население, общая численность которого достигала двух миллионов человек. Поведение его сначала было опасно-настороженным, но постепенно менялось.

31 января 1945 года зам. начальника Главного Политуправления РККА генерал-лейтенант И. В. Шикин докладывал заместителю Наркома обороны СССР о положении в Будапеште:

«Продовольственное положение населения крайне тяжелое. У продовольственных магазинов с утра выстраиваются многотысячные очереди. Основные запасы имевшегося в городе продовольствия вывезены немцами... Продуктов в продаже нет. Населением съедены все лошади, убитые в ходе боев... Имеют место случаи смертности на почве голода. Выпрашивание местными жителями хлеба у наших бойцов и офицеров стало массовым явлением» [5: 363].

Советское командование не только взяло на себя заботу о снабжении продовольствием населения огромного города, но и в кратчайшие сроки наладило электро- и газоснабжение освобожденных районов, способствовало возобновлению работы уцелевших и ремонту разрушенных предприятий, пуску городского трамвая и т. д. [5: 362–363]. Газеты писали:

«Жители Будапешта знают, что советские войска очень гуманно обращаются с населением. Красная Армия не только не преследует мирное население, но даже помогает ему налаживать мирную жизнь»³⁰.

В других населенных пунктах Венгрии местные жители также вначале испытывали панический страх перед советскими войсками и, лишь убедившись в лживости фашистской пропаганды, постепенно меняли свое отношение. Так, в Донесении начальника политотдела 57-й армии начальнику политуправления 3-го Украинского фронта о работе с населением г. Надьканижа от 8 апреля 1945 года отмечалось:

«Боевая обстановка и, главным образом, длительная и интенсивная фашистская пропаганда привели к тому, что население было до крайности запугано. Около 15 000 (т. е. половина) городских жителей прятались в окрестных селах и виноградниках, в том числе большинство молодых женщин и девушек. Остальные жители скрывались в подвалах и бомбоубежищах, вывешивали белые флаги, подымали руки вверх при появлении красноармейцев. В качестве защитного знака широко использовалась повязка Красного Креста, которую надевали городской голова, старшие полицейские чины и т. д. Все оставшиеся в городе полицейские и многие чиновники переоделись в штатское платье. Естественно, что первой задачей, вставшей перед работниками ПОАРМа, было разъяснение населению истинных целей прихода Красной Армии, разоблачение фашистской пропаганды, помощь командованию и комендаатуре в нормализации городской жизни, так как боевые действия дезорганизовали городскую жизнь. Городские власти прятались. Среди разбежавшихся в момент ухода немцев заключенных местной тюрьмы было немало уголовников, которые начали бесчинствовать и грабить оставленные квартиры. В течение первых дней апреля в городе не было электричества, воды, хлеба. Местные

предприятия не работали, отчасти из-за разрушений, а главным образом, из-за страха предпринимателей и рабочих. <...> Пропагандные мероприятия и постепенное упорядочение городской жизни дали серьезный результат. Страх населения перед Красной Армией исчезает. Ежедневно в город возвращаются тысячи бежавших в окрестности жителей. Улицы снова заполняются людьми. Наши плакаты читаются и сочувственно комментируются» [5: 391].

Но лучшей агитацией была реальная деятельность военных комендатур:

«По комендантской линии за это время уже закончено восстановление водоснабжения, пущен пивной завод, подготавливаются к пуску электростанция и мельница. Обнародованы приказы № 1 и 2. Собраны радиопримемники и оружие. Понемногу открываются магазины и мастерские. В городе наведен порядок... Духовенство полностью осталось в городе. Католические церкви возобновили работу уже 3 апреля. Евангелическая церковь, где богослужение совершается по воскресеньям, будет работать без перерыва. По наведению порядка в городе по линии комендатуры приняты энергичные меры» [5: 393].

Однако окончательно избавиться от образа врага советским военнотружущим оказалось не просто, несмотря на все идеологические и политические установки руководства страны и армии. Слишком жива была память о венгерских зверствах на оккупированных территориях, жители которых далеко не случайно утверждали, что «венгры хуже немцев».

Уже после окончания войны венгерское население оказывало помощь не желающим сложить оружие и скрывающимся от плена венгерским и немецким солдатам и офицерам, в основном из войск СС, «в приобретении одежды, питания, предоставляло жилье, помогало устраиваться на работу и содействовало в приобретении фиктивных документов»³¹. Отмечалось, что «наиболее активная враждебная деятельность» ведется «легально существующей, так называемой кулацкой партией», занимающейся «распространением среди населения провокационных слухов о Красной Армии»³² и т. д. Мнение о «коварстве» и «неблагодарности» венгров надолго сохранилось в сознании тех, кому пришлось непосредственно иметь с ними дело.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одиннадцать лет спустя это мнение получило свое дальнейшее подкрепление и развитие: в октябре – ноябре 1956 года в столице Венгрии Будапеште произошел кровавый мятеж. И это не «пропагандистское клише», как пытаются утверждать представители либерального направления историографии, а реальная оценка

исторического события, вдохновителями и организаторами которого были западные спецслужбы (операция ЦРУ «Фокус»), готовившие и вооружавшие боевиков и применившие в Венгрии первый сценарий «цветной революции»³³. Зверские убийства и пытки, которые творили мятежники (в большинстве своем имевшие боевой опыт, полученный в войне с СССР) против своих сограждан, ничем не отличались от тех, что совершали в годы войны на советской территории венгерские оккупанты. Мятеж был решительно подавлен введенными в Будапешт советскими войсками, но уже после того, как пролилась кровь и погибли в том числе и советские граждане. В современной Венгрии садистов и убийц, участвовавших в попытке государственного переворота и вооруженного захвата власти в стране в 1956 году, пытаются представить «мирными демонстрантами» и невинными жертвами «советского тоталитарного режима».

Что касается истории Второй мировой войны и участия в ней Венгрии на стороне фашистской Германии, в том числе и на территории СССР, то и в политическом дискурсе, и в современной историографии тема военных преступлений венгерских войск не то чтобы табуирована, но до недавнего времени о них стыдливо умалчивали или осторожно оправдывали. В последние же годы в Венгрии, как отмечают историки Тамаш Краус и Ева Мария Варга, «после смены строя в свете ревизионистских подходов участие страны во Второй мировой войне получило переоценку не только среди общественных деятелей и в кругах интеллигенции, но и в научной среде» [1: 101], причем с официального одобрения и «на государственные средства идет героизация армий, которые приняли участие в нападении на СССР и продолжавшемся почти три года ограблении и физическом уничтожении мирного населения» [3: 78, 80, 93]. Подтверждением усилий некоторых современных представителей венгерских правящих кругов, направленных на «обеление исторической роли хортистских оккупационных войск»³⁴, служит, например, запись на официальной странице Facebook* (*принадлежит компании «Мета». Организация признана экстремистской и запрещена на территории России) правительства Венгрии, сделанная в январе 2019 года:

«Вспомните мужество наших дедов, тех героических венгерских солдат, которые сражались за Венгрию до конца на Дону... 12 января 1943 года советская армия атаковала 200-тысячную венгерскую армию. Венгрия потеряла 120.000 героев, и многие были захвачены в плен. Слава героям!»³⁵

И хотя сегодня, в сложной международной обстановке противостояния России коллективному Западу, венгерское руководство, несмотря на общеевропейский тренд, ведет себя по отношению к Российской Федерации достаточно

лояльно, это не отменяет опасных тенденций пересмотра исторического прошлого и его оценок в венгерском социуме, которые рано или поздно, но неизбежно приведут к реваншизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эренбург И. Война. Апрель 1942 – март 1943. М.: Воениздат, 2002. С. 70.
- ² Попрыгин Р. С мертвыми не воюют // Газета «МОЁ!». 2022. 25 янв. № 04 (1419) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plus.moe-online.ru/paper/1419/15541> (дата обращения 01.07.2024).
- ³ Эренбург И. Указ. соч. С. 60–61.
- ⁴ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1956. С. 96–98.
- ⁵ Попрыгин Р. Указ. соч.
- ⁶ Мошкин В. Л. Венгрия в войне – жестокие, беспощадные и самые верные союзники нацистов. В преддверии 85-летия начала Второй мировой войны рассказывается о роли Венгрии в войне // «Всем!ру» – wsem.ru. 2024, 21 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wsem.ru/publications/vengriya_v_voynе_zhestokie_beshposhchadnye_i_samye_vernye_soyuzniki_natsistov_22207/?ysclid=ly2oxnrbcx589635709# (дата обращения 01.07.2024).
- ⁷ См.: Самсонов А. Венгрия в войне с СССР // Военное обозрение. 2014. 29 окт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/61408-vengriya-v-voynе-s-sssr.html?ysclid=lxqnhzl7p7486984581> (дата обращения 01.07.2024); Дроздов С. Война Венгрии против СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/31/777> (дата обращения 01.07.2024); В плен не брать: венгров, воевавших за Гитлера, считали хуже фашистов // Рамблер/субботний. 2019. 16 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://weekend.rambler.ru/read/42479285/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 01.07.2024); Почему Ватутин приказал не брать в плен венгерских солдат Гитлера // Русская Семёрка. 2020. 6 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian7.ru/post/pochemu-vatutin-prikazal-ne-brat-v-ple/> (дата обращения 01.07.2024) и др.
- ⁸ ГУПВИ НКВД СССР – Главное управление по делам военнопленных и интернированных Народного комиссариата внутренних дел СССР
- ⁹ Мошкин В. Л. Указ. соч.
- ¹⁰ Хирен З. В Венгрии // Красная звезда. 1944. 8 окт.
- ¹¹ Из донесения Политотдела 53-й армии в Политуправление 2-го Украинского фронта № 0916 от 09.1944 года о настроении населения Румынии и пограничных районов Венгрии // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 240. Оп. 2772. Д. 125. Л. 277.
- ¹² Оперативная сводка по военным комендатурам Венгрии и Северной Трансильвании № 00283 от 10 марта 1945 г. // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32905. Оп. 1. Д. 143. Л. 57–58.
- ¹³ Хирен З. Указ. соч.
- ¹⁴ Слуцкий Б. Записки о войне: Стихотворения и баллады. СПб.: Logos, 2000. С. 108.
- ¹⁵ Там же. С. 109–110.
- ¹⁶ Из донесения Политотдела 53-й армии в Политуправление 2-го Украинского фронта № 0916 от 09.1944 г. о настроении населения Румынии и пограничных районов Венгрии // ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2772. Д. 125. Л. 277.
- ¹⁷ Оперативная сводка по военным комендатурам Венгрии и Северной Трансильвании № 00283 от 10 марта 1945 г. // РГВА. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 143. Л. 57–58.
- ¹⁸ Обзор оперативно-служебной и боевой деятельности частей войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск за май-август месяцы 1945 г. // РГВА. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 129. Л. 25.
- ¹⁹ Хирен З. Указ. соч.
- ²⁰ Ермашев И. Решающая сила // Красная звезда. 1944. 5 ноября.
- ²¹ Токарев К. Маневр передового отряда // Красная звезда. 1944. 12 декабря.
- ²² Токарев К. Штурм Будапешта продолжается // Красная звезда. 1944. 30 декабря.
- ²³ Провокационное и злодейское убийство немцами советских парламентариев в районе Будапешта // Красная звезда. 1945. 1 января.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Агибалов И. Будапештский котел // Красная звезда. 1945. 11 января; Агибалов И. Наступательные бои в Венгрии // Красная звезда. 1944. 16 декабря.
- ²⁶ Агибалов И. Будапештский котел // Красная звезда. 1945. 11 января.
- ²⁷ Хирен З. Под Будапештом // Красная звезда. 1944. 28 декабря.
- ²⁸ Агибалов И. Бои в кварталах Будапешта // Красная звезда. 1945. 6 января.
- ²⁹ Захаров А. В эти дни // Красная звезда. 1945. 14 февраля.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ РГВА. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 129. Л. 24.
- ³² Там же. Л. 25.

- ³³ Платошкин Н. Н. Будапешт: мрачная осень 56-го // Военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 36–42; Белоус Ю., Белоус И. Венгрия. 1956 год. Операция «Фокус»: Первая «Оранжевая революция» по сценарию ЦРУ // Аргументы времени. 2015. 2015, 12 августа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://svgbdv.ru/print/1267?ysclid=m2w560gtbk380914999> (дата обращения 30.10.2024); Венгрия: кровавая осень 56-го // Военное обозрение. 2016, 6 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/97465-vengriya-krovavaya-osen-56-go.html> (дата обращения 30.10.2024); Замостьянов А. Кровавый чардаш: как венгры устроили первую «цветную революцию» // Известия. 2021. 23 октября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1237016/arsenii-zamostianov/krovavyyi-chardash-kak-vengry-ustroili-pervuiu-tsvetnuiu-revoliutsiiu> (дата обращения 30.10.2024).
- ³⁴ Торопцев В. «Нет места снисхождению...» // WARSPOT.RU. 2018. 20 января [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://warspot.ru/11039-net-mesta-snishozhdeniy> (дата обращения 01.07.2024).
- ³⁵ Артамонов А. Советская армия не смогла освободить венгров от духа нацизма // Ежедневник «Звезда». 2020. 13 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zvezdaweb.ru/news/2020121933-9ItkZ.html?ysclid=lxqh0be4tm560220556> (дата обращения 01.07.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варга Е. - М. Венгрия в войне против СССР: события 1942 г. // Великая Отечественная война, 1942 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2012. С. 79–108.
2. Великая Отечественная война, 1942 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2012. 615 с.
3. Краус Т., Варга Е. М. Венгерские войска и нацистская истребительная политика на территории Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 1 (6). С. 74–95.
4. Кульков Е. Н. Кризис и распад блока агрессоров (Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк.) М.: Наука, 2002. 597 с.
5. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3-2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: Документы и материалы. М.: ТЕРРА, 2000. 688 с.
6. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.
7. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века) // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
8. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000. 496 с.
9. Филоненко Н. В. Действия венгерских оккупационных войск на советской территории в конце 1941 – середине 1942 годов // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. № 3. С. 87–91.
10. Филоненко Т. В., Филоненко С. И., Хорват Г. Венгерские оккупационные войска на временно захваченной территории СССР (октябрь 1941 – февраль 1942 гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (281). С. 112–114.
11. Унгвари К. Венгерские оккупационные войска на Украине в 1941–1942 гг. Пер. с венгер. // КЛИО. Журнал для ученых. 2011. № 2 (53). С. 56–62; № 3 (54). С. 52–58.

Поступила в редакцию 02.07.2024; принята к публикации 15.11.2024

Original article

Elena S. Senyavskaya, Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
 ORCID ID 0000-0002-5425-4730; homobelli@mail.ru

THE IMAGE OF HUNGARY AS AN ENEMY IN THE MINDS OF SOVIET CITIZENS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the image of the Hungarian enemy during the Great Patriotic War in the minds of the citizens of the USSR from the standpoint of historical imagology. Based on documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Russian State Military Archive, and the materials of the newspaper *Krasnaya Zvezda* (Red Star) from 1942 through 1945, the formation and evolution of this image are shown both among the Red Army soldiers and among the civilian population who survived the occupation regime of Hungarian troops in the territory occupied by the enemy. The evidence of the brutal occupation policy and punitive actions of the Hungarian occupiers against peaceful Soviet citizens and prisoners of war is given. The article examines the attitude of the Soviet political and military leadership, as well as the Red Army soldiers to the Hungarians after entering their territory and during the battles for Budapest. The study traces the changes in the approaches of Soviet propaganda to the

depiction of Hungarians at the final stage of the war aimed to completely isolate Hitler's Germany, cutting it off from its last ally that continued to fight against the advancing Soviet troops. The article demonstrates the hostile behavior of the Hungarian population, which continued to provide assistance to Hungarian and German soldiers and officers who did not want to lay down their arms and were hiding from captivity, as well as the influence of these and later events on the preservation of the "image of the enemy" in the Soviet mass consciousness and historical memory.

Key words: Great Patriotic War, satellites of Germany, Hungary, image of enemy, occupation regime, punitive actions, propaganda

For citation: Senyavskaya, E. S. The image of Hungary as an enemy in the minds of Soviet citizens during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):45–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1109

REFERENCES

1. Varga, E. M. Hungary in the war against the USSR: the events of 1942. *The Great Patriotic War, 1942: Research, documents, comments*. Moscow, 2012. P. 79–108. (In Russ.)
2. The Great Patriotic War, 1942: Research, documents, comments. Moscow, 2012. 615 p. (In Russ.)
3. Kraus, T., Varga, E. M. Hungarian troops and Nazi extermination policy on the territory of the Soviet Union. *Zhurnal rossiyskikh i vostochno-evropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 2015;1(6):74–95. (In Russ.)
4. Kul'kov, E. N. The crisis and the collapse of the aggressor bloc (World wars of the twentieth century. Book 3. The Second World War. Historical essay). Moscow, 2002. 597 p. (In Russ.)
5. Russian archive. The Great Patriotic War. Vol. 14 (3–2). The Red Army in the countries of Central Europe, Northern Europe, and the Balkans: Documents and materials. Moscow, 2000. 688 p. (In Russ.)
6. Senyavskaya, E. S. Russia's opponents in the wars of the twentieth century: The evolution of the "image of the enemy" in the consciousness of the army and society. Moscow, 2006. 288 p. (In Russ.)
7. Senyavsky, A. S., Senyavskaya, E. S. The historical imagology and the problem of building of "the enemy's image" (on the materials of Russian history of the XXth century). *Vestnik RUDN*. 2006;2(6):54–72. (In Russ.)
8. The Stalingrad epic. Materials of the NKVD of the USSR and military censorship from the Central Archive of the FSB of the Russian Federation. Moscow, 2000. 496 p. (In Russ.)
9. Filonenko, N. V. Actions of the Hungarian occupational troops on the Soviet territory at the end of 1941 – the middle of 1942. *Proceedings of Voronezh State University*. 2017;3:87–91. (In Russ.)
10. Filonenko, T. V., Filonenko, S. I., Horvath, G. The Hungarian occupation forces on the temporarily occupied territory of the USSR (October 1941 – February 1942). *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. 2018;4(281):112–114. (In Russ.)
11. Ungvari, C. Hungarian occupation forces in Ukraine in 1941–1942. Translated from Hungarian. *CLIO. A Monthly Scholarly Journal*. 2011;2(53):56–62; 2011;3(54):52–58. (In Russ.)

Received: 2 July 2024; accepted: 15 November 2024

ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ЗЫКИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России департамента «Исторический факультет»
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9994-6036; zivverh@mail.ru

ПОДГОТОВКА ОРГАНИЗАТОРОВ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

А н н о т а ц и я . Индустриализация лесной промышленности в Советском Союзе в конце 1920-х – начале 1940-х годов потребовала подготовки как квалифицированных рабочих, так и руководящих кадров. На фоне расширения сети высших учебных заведений и их отраслевой специализации были созданы промышленные академии. Цель статьи – рассмотреть развитие высшего лесного образования в СССР в годы первых пятилеток и деятельность Архангельской академии, функционировавшей с 1931 по 1941 год. Она готовила руководящие кадры для лесной промышленности, знакомые с передовой техникой, разделяющие политику советской власти и способные мобилизовать рабочих на выполнение разного рода задач. На организационном этапе положительную роль сыграли связи с Архангельским лесотехническим институтом, обладавшим материальной и кадровой базой. Далее это обернулось отставанием академии от других лесотехнических высших учебных заведений в образовательной и научной деятельности. Выпускники Архангельской промышленной академии были востребованы на руководящих должностях в трестах, на предприятиях. Однако в конце 1930-х годов академия дублировала функции лесотехнических институтов по подготовке инженеров и институтов повышения квалификации, осуществлявших обучение руководящих кадров, в результате чего была закрыта.

Ключевые слова: индустриализация, пятилетки, лесная промышленность, Архангельская промышленная академия, Архангельский лесотехнический институт, Наркомлес, подготовка кадров

Для цитирования: Зыкин И. В. Подготовка организаторов лесной промышленности в годы первых пятилеток // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 55–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1110

ВВЕДЕНИЕ

Индустриализация лесной промышленности в годы первых пятилеток потребовала расширения масштабов подготовки кадров. В конце 1920-х годов основными источниками пополнения рабочей силы в отрасли были: перевод работников с действующих предприятий, рынок труда, школы массовой подготовки, курсы¹. В этот период потребность в специалистах с высшим образованием, по подсчетам плановых и хозяйственных органов Сибирского и Северного краев, измерялась в тысячах² [1: 119, 188], [5: 120]. В лесной промышленности было задействовано 1–1,5 млн работников (с учетом сезонных колебаний трудовых ресурсов и превалирования ручного труда), но сложность задач индустриализации требовала наличия квалифицированных инженеров и организаторов. В условиях функционирования одного высшего учебного заведения

лесного профиля – Ленинградского лесного института – подготовить необходимое количество специалистов этих категорий было невозможно. Признание Советским государством отставания лесной промышленности от стран Европы и Северной Америки требовало совершенствования образовательной деятельности, разработки актуальных учебных планов и пособий. Помимо открытия новых школ, техникумов и институтов формировалась система промышленных академий, обеспечивавшая народные комиссариаты управленческими кадрами [9: 71–72]. История промышленных академий, действовавших в период первых пятилеток, представляет исследовательский интерес как в части подготовки кадров, так и трансформации целей и задач учреждений в условиях индустриализации.

Вопросы подготовки специалистов в высших учебных заведениях Советского Союза, в том

числе управленческих кадров в лесной промышленности, изучались в советский период [1], [3], [5], [6], [10], [11], [12] и на современном этапе³ [14], [15], [16]. Существенная часть работ – статьи в отраслевых журналах и издания популярного характера об истории учреждений. Анализ профессиональных компетенций и образовательного уровня руководящих работников Наркомлеса СССР предпринят Е. В. Воейковым [4]. История промышленных академий в обзорном порядке рассмотрена Т. С. Иларионовой [9].

Методологической основой исследования являются концепция модернизации [13: 77–78], в числе подпроцессов которой следует выделить структурную и функциональную дифференциацию, индустриализацию, социальную мобилизацию, распространение грамотности и образования, и неинституциональный подход. Деятельность промышленных академий способствовала росту профессиональных управленческих кадров и противопоставлялась выдвигенчеству, популярному в первые годы советской власти, в период Новой экономической политики и индустриализации, назначению на директорские должности членов партии. Функционирование новых учреждений в первые годы поддерживалось прежде всего неформальными правилами, заполнявшими «институциональный вакуум»⁴ и позволявшими в условиях нехватки финансовых и материальных ресурсов, разработки нормативной базы обеспечить решение поставленных партийно-государственными и хозяйственными органами задач.

Источниковую основу исследования составили материалы Государственного архива Архангельской области (фонд р-1683 – Архангельская промышленная академия им. В. В. Куйбышева), включающие делопроизводственную и учебную документацию, переписку со слушателями, приказы Главного управления учебными заведениями Наркомлеса СССР. Для изучения развития отраслевой сети высших учебных заведений использовались материалы годовых планов, статистики, газет «Лесная промышленность», «Наш темп» и др. Анализ развития высшего лесного образования в Советском Союзе в годы первых пятилеток и деятельности Архангельской промышленной академии позволит оценить степень реализации политики партийно-государственных и хозяйственных органов по подготовке управленческих кадров.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОЙ СЕТИ ВУЗОВ

В конце 1920-х – начале 1930-х годов увеличению числа учебных заведений способствовала передача образовательных функций Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ), затем на-

родным комиссариатам. Учреждения дифференцировались по отраслевому признаку, что позволяло наркоматам более оперативно реагировать на экономические и технологические трансформации. В 1928 году подготовка кадров высшей квалификации для лесного хозяйства и лесной промышленности осуществлялась в Ленинградском лесном институте и на семи профильных факультетах других учебных заведений [17: 382]. В связи с освоением новых лесных массивов, строительством и реконструкцией предприятий на базе лесохозяйственных и лесоинженерных факультетов были сформированы самостоятельные лесотехнические институты: Уральский, Воронежский, Поволжский, Брянский, Красноярский, Гомельский и др. В Северном крае был создан Архангельский лесотехнический институт. В 1933 году насчитывалось 15 лесотехнических вузов⁵, в которых обучалось 8,3 тыс. студентов⁶.

При планировании второй пятилетки акцент был сделан на новые образовательные направления (пластические массы, гидролиз древесины, брикетирование, механизация сферы заготовки лесных ресурсов и др.). Расширялись сеть филиалов вузов, масштабы заочного обучения⁷. Несмотря на увеличение финансирования новых подотраслей лесной промышленности, высшие учебные заведения, вошедшие в систему созданного в начале 1932 года Наркомлеса, не успевали разрабатывать учебные программы подготовки инженеров-механизаторов. Возникли две проблемы. Во-первых, приемные кампании характеризовались небольшим числом заявлений и слабым уровнем образовательной подготовки абитуриентов⁸. Во-вторых, структура учебных планов не позволяла в ряде случаев обеспечить необходимый объем часов на изучение специальных дисциплин⁹. Не хватало преподавателей, учебных пособий, имели место жалобы на низкое качество преподавания и политической подготовки¹⁰. Фактически произошло сокращение числа студентов в высших учебных заведениях (до 6,7 тыс. в 1936 году) и цифр набора (с 2,3 тыс. в 1934 году до 1,3 тыс. в 1936 году)¹¹. Причинами этого было ожидавшееся властями сокращение потребности в специалистах вследствие механизации производственных процессов, повышения эффективности труда рабочих.

В связи с реформой лесного хозяйства и лесной промышленности лесотехнические вузы стали открывать отраслевые (заготовка, механическая обработка, глубокая переработка, транспорт древесины и др.) и инженерно-экономические факультеты и отделения. Ведущим вузом была Ленинградская лесотехническая академия. Обучение больших контингентов сту-

дентов на химико-технологическом и факультете механизации лесоразработок отражало приоритеты государства в развитии лесной отрасли. Многие инженеры направлялись на работу в лесное хозяйство [14: 310, 343, 346–347], что обуславливалось значительным опытом академии в подготовке специалистов для этой отрасли.

Подготовка руководящих кадров для лесной промышленности велась в системе промышленных академий, созданных в годы первой пятилетки. Так, на 1932/33 учебный год в Архангельской академии планировалось набрать 70 человек, в Ленинграде – 20, Свердловске – 15, Новосибирске – 10, в Дальневосточном крае – 15. Срок обучения составлял три или четыре года в зависимости от уровня школьной подготовки. Учиться могли члены ВКП(б) в возрасте до 37 лет, имеющие опыт руководящей работы; рабочие со стажем не менее пяти лет, служащие – не менее восьми лет. Доля рабочих в наборе должна была равняться не ниже 65 %, женщин – не ниже 20 %. Наркомлес имел право отклонять те или иные кандидатуры¹².

Осуществлялась также курсовая подготовка руководящих кадров. Ленинградская лесотехническая академия стала одним из главных центров для реализации данной задачи. Курсовая подготовка сопровождалась многими трудностями: слушатели жаловались на недостаточное внимание со стороны администрации, часто вступали в споры с преподавателями¹³. Функции повышения квалификации руководящих кадров, осуществлявшиеся Ленинградской, Архангельской и Красноярской курсовыми базами при одноименных лесотехнических вузах, дублировались с 1935 года институтами повышения квалификации. Главное управление учебными заведениями Наркомлеса СССР приняло решение ликвидировать в декабре 1935 года курсовые базы¹⁴. Сохранение институтов повышения квалификации (в Ленинграде, Москве и Свердловске) свидетельствовало о концентрации усилий по повышению квалификации управленцев в ведущих образовательных центрах и об усилении позиций лесотехнического образования на Урале, где формировался крупный лесопромышленный комплекс. В 1936 году институты и их филиалы обучили 519 работников – больше, чем промышленные академии¹⁵. Их деятельность оказалась более успешной и перспективной.

Результаты подготовки кадров в высших учебных заведениях можно оценить по нескольким параметрам. На рубеже первой и второй пятилеток в системе Наркомлеса СССР насчитывалась 1 тыс. специалистов с высшим образованием (около 10 % от их общего числа)¹⁶. Среди 263 управляющих объединений, трестов, их замести-

телей и помощников 52 человека имели высшее образование, из 829 руководителей управлений, отделов и секторов объединений и трестов – 157¹⁷. Большая часть руководящих кадров аппарата Наркомлеса были практиками, получали должности благодаря участию в революционных событиях и Гражданской войне, социальному происхождению. Удельный вес специалистов с высшим образованием повышался от предприятий к аппаратам главных управлений и Наркомлеса. В сфере производства наиболее высокая доля таких работников была среди руководителей предприятий и их помощников (17,4 %), производственников без административных функций (11,8 %). Наименьший показатель был зафиксирован среди руководителей и специалистов сферы заготовки древесины, мастеров и десятников¹⁸. Низкий удельный вес управленцев с высшим образованием обуславливался еще и тем, что корпус директоров, руководителей цехов и смен наполовину состоял из бывших рабочих. Инженерные кадры чаще имели специальное образование.

На рубеже 1930–1940-х годов от пятой части до трети инженеров в разных отраслях лесной промышленности имели высшее образование. Техников с высшим образованием не было зафиксировано, а мастеров насчитывалось 1–2 %¹⁹. Высокая доля инженеров с высшим образованием была в технологически сложных фанерной и бумажной отраслях. На 1000 рабочих фабрично-заводской промышленности Наркомлеса СССР приходилось пять инженеров с высшим образованием, леспромхозов – два; по Народному комиссариату целлюлозной и бумажной промышленности – 12²⁰. Люди, которые получали высшее техническое образование, старались найти работу в сферах управления, науки и образования. По Наркомлесу из 8401 специалиста с высшим образованием 1902 человека трудились в лесном хозяйстве, сфере заготовки древесины и строительстве, 1621 – на предприятиях [2: 2]. За годы первых пятилеток сформировать на лесопромышленных предприятиях существенную прослойку высококвалифицированных специалистов, несмотря на их количественный рост, не удалось.

Одним из главных результатов трансформаций в лесной отрасли и лесном образовании в годы первых пятилеток стал новый образ выпускника – специалиста в отдельной отрасли и экономике лесопользования, но с низким уровнем компетенций в лесоведении. Исследования показали, что были востребованы в основном руководители, способные мобилизовать ресурсы для выполнения актуальных задач [4], [8: 183–185]. Однако при реализации приоритетных

проектов (к примеру, Камский целлюлозно-бумажный и Архангельский сульфитно-целлюлозный комбинаты) Наркомлес стремился подбирать управленцев с солидным опытом инженерной или руководящей работы.

Лесная промышленность развивалась динамично, и технические знания постоянно обновлялись. Но по ряду важных направлений (особенно в сфере глубокой переработки древесины) Советский Союз отставал от стран Европы и Северной Америки с развитым лесопромышленным комплексом. После репрессий 1937–1938 годов, в связи с милитаризацией экономики страны у инженерных и руководящих кадров появился реальный шанс проявить себя и получить более высокие должности. В первую очередь это касалось тех, кто побывал в тот период в заграничных командировках (как Г. М. Орлов, возглавивший отдел целлюлозно-бумажной промышленности ГУЛАГа НКВД СССР) или имел большой опыт управленческой работы (как Я. А. Балмасов, получивший должность начальника Главцеллюлозы Наркомлеса СССР, затем Главкарелбумпрома; В. С. Чуенков – начальник Главлесоспирта при СНК СССР; А. С. Сильченко, сделавший инженерную и управленческую карьеру на Вишерском и Камском целлюлозно-бумажных комбинатах).

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ АКАДЕМИЯ

В конце 1931 года ВСНХ СССР учредил Архангельскую промышленную академию. Сформированные отделения (лесозаготовительное (включая сухопутный транспорт леса), лесосплавное, лесопильное (включая деревообработку), лесозащитное, целлюлозно-бумажное и лесохимическое²¹) отражали запланированные тенденции индустриального развития лесной отрасли после реформы конца 1920-х годов. Идеологическим обоснованием стала необходимость появления руководящих кадров, способных развивать предприятия благодаря политической подготовке, умениям мобилизовать рабочих на выполнение разного рода задач и знаниям производственного процесса, базирующегося на передовой технике²². Это усиливало разрыв между управленцами и инженерно-техническими работниками, лучше знавшими технику и технологии лесопромышленной деятельности.

Первый набор в начале 1932 года составил 55 человек (план – 60), из которых более половины – представители Северного края. Осенью было принято еще 30 студентов. За год отсеб составил семь человек²³. Архангельская промышленная академия становилась единствен-

ным специализированным центром подготовки организаторов производства лесной промышленности. Хозяйственные, партийные, профсоюзные организации разных территорий (от Белоруссии до Западной Сибири) отправляли своих представителей для обучения в академии²⁴. Среди абитуриентов были работники смежных отраслей, желающие получить «образование в отрасли хозяйственной». С этой просьбой обратился в Архангельскую промышленную академию в середине 1932 года помощник директора торфяного завода им. Давмана 30-летний М. В. Богданов, имея к тому моменту солидный рабочий, партийный и руководящий стаж. Некоторые слушатели стремились переехать на период обучения с семьями, но руководители академии просили их воздержаться от этого (например, председателя контрольной комиссии на ст. Жаровская Северной железной дороги Молчанова) из-за отсутствия дополнительной жилой площади²⁵.

В сентябре 1932 года академия была передана Наркомлесу, но финансирование осуществлялось из бюджета Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. На начальном этапе функционирования учреждения, не имевшего учебных помещений, библиотеки, общежитий, оборудования, выделенных средств оказалось недостаточно²⁶. Промышленная академия по состоянию материально-технической базы, качеству преподавания, не говоря о научно-исследовательской работе, существенно уступала Ленинградской лесотехнической академии. В связи с этим формируются тесные связи с Архангельским лесотехническим институтом и Северным краевым коммунистическим университетом (для преподавания социально-экономических дисциплин и политического обучения). В. А. Горохов, имевший большой опыт работы в лесном хозяйстве и высшее лесное образование, сосредоточил в своих руках управление лесотехническим институтом и промышленной академией, обеспечив их тесное взаимодействие.

Уже с первых месяцев академия выплачивала лесотехническому институту средства за использование учебных, лабораторных и жилых помещений, оборудования, инвентаря (в сумме более 17 тыс. руб.). Не были предусмотрены расходы на приглашение и проезд сотрудников, тогда как на эти цели было потрачено 1,7 тыс. руб. С другой стороны, тресты, заинтересованные в привлечении выпускников, финансово поддерживали академию в осуществлении учебно-производственных поездок (например, на новейший Ашинский лесохимический комбинат на Урале)²⁷. Несмотря на кадровые, материально-техниче-

ские и финансовые трудности, Архангельская промышленная академия расширяла форматы обучения, открыв в 1933 году вечернее отделение с четырехлетним сроком²⁸.

Все студенты промышленной академии являлись членами партии и профсоюза (отсюда минимальные показатели отсева). В конце 1933/34 учебного года в составе учащихся было 69 рабочих, 12 колхозников и единоличников, 35 служащих. Число преподавателей увеличилось с 28 до 55, почти две трети из них занимали должности профессоров и доцентов. Ключевыми проблемами являлись повышение успеваемости студентов, налаживание политической учебы, развитие соревнования и борьба с «классово-чуждыми элементами». Улучшению показателей успеваемости способствовали дополнительные нагрузки на преподавателей по консультированию учащихся, использование наглядных пособий, загрузка лабораторий и экскурсионная работа. Улучшению культурной сферы – создание «университета культуры», имевшего исторический и литературно-художественный циклы²⁹.

Нормализации учебного процесса помогло приглашение преподавателей для ведения специальных дисциплин: как инженерно-технических работников (к примеру, С. С. Зайцев читал курс «Монтаж и ремонт оборудования на лесозаготовках и механическая тяга», И. Н. Деньгин – «Канифольно-скипидарное дело», П. П. Пациора – «Электротехника»), так и доцентов и профессоров (Л. М. Димедчук вел «Гидролиз древесины», И. С. Мелехов и А. А. Качалов – «Лесоводство»)³⁰. Перечень преподававшихся дисциплин свидетельствовал о разносторонней подготовке (в том числе лесохозяйственной) инженерных и руководящих кадров по актуальным для того периода направлениям лесопромышленной деятельности. О потенциале Архангельской промышленной академии свидетельствовало также наличие общежитий, построенных на собственные средства. Хуже обстояло дело с обеспечением слушателей мебелью. Проблема решалась изготовлением столов и стульев в мастерских и направлением ходатайства в Наркомлес об оказании финансовой помощи³¹.

В честь первого выпуска 50 инженеров Наркомлес выделил Архангельской промышленной академии 25 тыс. руб. на приобретение литературы и культурную работу и 10 тыс. – на организацию выпускного вечера и премирование студентов и преподавателей³². Событие состоялось в феврале 1935 года, как раз после вы-

хода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О недостатках в работе Наркомлеса в области лесозаготовок и лесосплава и о мерах к ее улучшению». В приказе народного комиссариата отмечалась важность использования инженеров на механизированной заготовке и сплаве древесины. На 1934/35 учебный год набор слушателей был увеличен до 70 человек. Негативным моментом приемной кампании стало все чаще проявлявшееся нежелание руководителей предприятий, хозяйственных, партийных и профсоюзных организаций отпускать работников на учебу. Из-за этого начало занятий пришлось перенести на вторую половину октября³³.

Осенью Наркомлес сделал в своем приказе намек на необходимость поощрения студентов старших курсов, которые досрочно заканчивали обучение. Дело в том, что учащиеся факультета механизации лесоразработок Ленинградской лесотехнической академии взяли обязательство защитить дипломные проекты в октябре 1935 года вместо января 1936 года за счет повышения интенсивности работы и сокращения каникул. 100 молодых инженеров были направлены для трудоустройства на мехлесопункты³⁴. Важность приказа состояла в том, что народному комиссариату стали требоваться в первую очередь не управленцы, а квалифицированные инженеры, способные организовать механизированную вывозку древесины.

В 1937 году в Архангельской промышленной академии обучалось 150 человек. В 1933–1935 годах набиралось по два-три десятка слушателей, затем прием возрос до 60–70 человек в год, что вызывалось ростом потребностей лесной промышленности в инженерах-механизаторах. За первые пять лет работы было выпущено 111 специалистов, в основном для сфер заготовки и механической обработки древесины, испытывавших в северных и восточных районах страны более острый кадровый дефицит. Четыре человека получили должности управляющих трестов или их заместителей, 65 – директоров предприятий (около половины – лесопильных заводов), восемь – руководителей образовательных учреждений³⁵. Академия оправдывала свое предназначение в деле подготовки руководящих кадров. В условиях развертывания репрессий стало практиковаться выдвижение слушателей второго и третьего курсов на освобождавшиеся руководящие должности.

Большинство выпускников Архангельской промышленной академии занимали руководящие и инженерные должности в разных районах страны. Наиболее известным слушателем

академии был стахановец лесопильной отрасли В. С. Мусинский, выдвинутый в 1937 году в депутаты Совета национальностей Верховного совета СССР по Северному округу³⁶. Среди выпускников целлюлозно-бумажного отделения первого набора следует выделить М. Н. Пенькову, возглавлявшую в 1937–1938 годах строившийся Архангельский сульфитно-целлюлозный комбинат³⁷ [7: 87–88].

Зависимость промышленной академии от базы лесотехнического института имела и неблагоприятные последствия. Структурные изменения (например, ликвидация целлюлозно-бумажной специальности в институте в 1934 году, хотя в Северном крае в этот период возводился Соломбальский целлюлозный завод, проектировался ряд предприятий) резко сокращали возможности пользования лабораториями и привлечения преподавателей³⁸. Факты свидетельствовали также о слабой работе учреждений в деле подготовки кадров для развивавшейся и насыщавшейся передовой техникой целлюлозно-бумажной отрасли. Архангельская промышленная академия, единственная имеющая лесопромышленный профиль, так и не могла наладить связи с другими подобными учреждениями. Слабость кадровой базы академии (из 46 человек профессорско-преподавательского состава было четыре профессора и десять доцентов³⁹), зависимость от работников лесотехнического института, предприятий и учреждений негативно влияли на учебный процесс.

В конце 1930-х годов стало понятно, что Архангельская промышленная академия все более дублирует функции лесотехнического института (в части подготовки инженеров) и институтов повышения квалификации, которые смогли обучать большее число руководящих кадров. Академии не удалось создать крепкую материальную и кадровую базу, научные исследования не проводились, тогда как на начальном этапе выдвигалась задача формирования тесных связей с научно-исследовательскими институтами и предприятиями.

4 января 1941 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР образовал комиссию по ликвидации Архангельской промышленной академии. Ее возглавили директор Архангельского педагогического института С. А. Моданов и директор академии В. К. Волженкин. Из 243 студентов 165 человек трудоустроились на предприятиях, 25 продолжили обучение в других учреждениях, 53 слушателям дали возможность окончить четвертый курс и получить дипломы. Имущество промышленной академии передавалось Архангельскому лесотехническому институту⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период первых пятилеток была создана сеть промышленных академий для подготовки организаторов производства. В лесной промышленности, испытывавшей нехватку кадров, развитие отраслевого высшего образования стало своевременным мероприятием. Оно осуществлялось посредством создания новых учреждений и отвечало задачам партийно-государственных и хозяйственных органов по расширению масштабов подготовки инженерных и руководящих кадров – организаторов лесной промышленности, разбиравшихся в технике, технологиях, экономике и разделявших ценности построения социалистического общества.

В Северном крае, где лесная промышленность активно развивалась, учебные заведения (Архангельский лесотехнический институт, затем Архангельская промышленная академия) были созданы директивами сверху, фактически на пустом месте. Обучение в промышленной академии представляло собой переподготовку хозяйственников и рабочих с определенным трудовым и партийным стажем. Образование обеспечивало возможность получения более высоких должностей. Академией было подготовлено несколько сотен организаторов и инженеров. Руководящие работники должны были развивать хозяйственные организации и предприятия, следуя политике высших партийно-государственных органов, мобилизовать рабочих на выполнение разного рода задач и знать тонкости технологического процесса. К концу 1930-х – началу 1940-х годов эти компетенции стали экстраполироваться и на инженерные кадры, которые получили шанс карьерного роста в связи с репрессиями 1937–1938 годов.

В условиях ограниченных финансовых, материальных и кадровых ресурсов реализация проекта по развитию сети промышленных академий сопровождалась многими сложностями. Это способствовало установлению неформальных связей между образовательными учреждениями и с местными хозяйственными организациями, научно-исследовательскими институтами. Наркомлес СССР, заинтересованный в ускорении и расширении масштабов подготовки управленческих кадров, стал развивать краткосрочные образовательные программы, которые оказались более востребованными по сравнению со стационарной подготовкой в Архангельской промышленной академии. Эти программы реализовывали лесотехнические вузы, имевшие более солидную материальную и кадровую базу. В результате роль промышленной академии стала сводиться к подготовке инженеров, дублируя задачи Архангельского лесотехнического института. Деятельность Архангельской промышленной академии становилась нецелесообразной, в 1941 году она была закрыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г.: Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М.: Гос. техн. изд-во, 1929. С. 62–65.
- ² Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932: Сб. док. / Сост. С. А. Красильников, Т. Н. Осташко, Л. С. Пашенко, Л. И. Пыстина. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 187–188.
- ³ Хисамутдинова Н. В. Русское высшее техническое образование на Дальнем Востоке: исторический опыт: 1899–1990 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 439 с.
- ⁴ Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил российской экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2001. (Препринт / Гос. ун-т высш. шк. экономики; WP1/2001/01). С. 21–23.
- ⁵ Стариков В. 10 января открывается I всесоюзный съезд студенчества лесных вузов // Лесная промышленность. 1933. 8 янв. С. 1.
- ⁶ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М.: Союзоргучет, 1934. С. 407.
- ⁷ Труды I Всесоюзной конференции по реконструкции лесной промышленности во втором пятилетии 1933–1937. Вып. IV. М.: Гослестехиздат, 1933. С. 70–71.
- ⁸ Степанов А. Прием во вузы // Лесная промышленность. 1935. 1 авг. С. 4.
- ⁹ Первый съезд студпрофорганизаций деревообрабатывающей промышленности // Лесная промышленность. 1933. 4 янв. С. 4.
- ¹⁰ Комсомольцы АЛТИ! // Наш темп. 1932. 17 нояб. С. 2.
- ¹¹ Народнохозяйственный план на 1936 год. 2-е изд. М.: Издание Госплана СССР, 1936. С. 459, 461, 463; Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М.: Издание Госплана СССР, 1937. С. 148–159.
- ¹² ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. р-1683. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.
- ¹³ ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 421. Л. 2–5; Д. 423. Л. 3–4 об.
- ¹⁴ ГААО. Ф. р-1683. Оп. 2. Д. 21. Л. 56.
- ¹⁵ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р5467. Оп. 26. Д. 45. Л. 1.
- ¹⁶ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М.: Издание Госплана СССР, 1934. С. 512. В лесном хозяйстве страны трудились 2,6 тыс. работников с высшим образованием, что обуславливалось сильными традициями подготовки лесоводов.
- ¹⁷ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. С. 513–514.
- ¹⁸ Там же. С. 516–519, 524.
- ¹⁹ Индустриализация СССР. 1938–1941 гг.: Сб. материалов и документов. М.: Наука, 1972. С. 218–219.
- ²⁰ Там же. С. 279.
- ²¹ ГААО. Ф. р-1683. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
- ²² Там же. Д. 4. Л. 3.
- ²³ Там же. Д. 1. Л. 1–1 об.
- ²⁴ Там же. Д. 21. Л. 5.
- ²⁵ Там же. Д. 6. Л. 16, 29.
- ²⁶ Там же. Д. 4. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Д. 1. Л. 1–1 об., 156.
- ²⁸ Там же. Д. 3. Л. 56–57.
- ²⁹ Там же. Д. 14. Л. 28–30, 35.
- ³⁰ Там же. Л. 60.
- ³¹ Там же. Л. 62–63.
- ³² Там же. Д. 21. Л. 3.
- ³³ Там же. Д. 14. Л. 61–63.
- ³⁴ Там же. Д. 21. Л. 12–13.
- ³⁵ Там же. Д. 48. Л. 2–3.
- ³⁶ Воспитанник партии Ленина-Сталина // Сталинец. 1937. 18 нояб. С. 3.
- ³⁷ ГААО. Ф. р-1683. Оп. 2. Д. 1. Л. 155.
- ³⁸ Там же. Д. 14. Л. 57.
- ³⁹ Там же. Д. 48. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 40–41.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейлин А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М.: Союзоргучет, 1935. 420 с.
2. Бовин А. И. Об укреплении технического руководства производством // Лесная промышленность. 1941. № 4. С. 2–4.
3. Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 296 с.
4. Воейков Е. В. Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации // Российская история. 2020. № 5. С. 142–154.

5. Голдин В. И. Подготовка кадров социалистической интеллигенции в Северном крае (1928–1937 гг.) // История и культура Архангельского Севера в годы Советской власти: Межвуз. сб. науч. трудов. Вологда: Вологодский ГПИ, 1985. С. 119–132.
6. Захаров В. К. Высшая лесная школа в БССР // 10-летие Белорусского лесотехнического института им. С. М. Кирова и 20-летие высшего лесного образования в БССР. Гомель: Белорусский лесотехнический институт им. С. М. Кирова, 1940. С. 49–52.
7. Захарова Е., Фасонов П. Рождение гиганта, 1934–1940. Новодвинск: Архангельский ЦБК; Архангельск: Карандаш, 2019. 208 с.
8. Зыкин И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. М.: Новый Хронограф, 2022. 432 с.
9. Иларионова Т. С. К истории промышленных академий в СССР // Культура мира. 2020. Т. 8. Вып. 1 (№ 22). С. 66–96.
10. Ионов Б. Д., Ионова Т. Б. О подготовке лесных кадров // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 1970. № 1. С. 49–52.
11. Коперин Ф. И., Трофимов П. М. Высшая лесная школа СССР к 40-летию Великого Октября // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 1958. № 1. С. 5–26.
12. Кузнецов А. Ф. Партийное руководство подготовкой кадров для лесной и лесоперерабатывающей промышленности Урала (1933–1937) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск: Уральский государственный университет, 1978. С. 67–72.
13. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
14. Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. Страницы истории, 1803–2003. СПб.: Хромис, 2003. 814 с.
15. Соколова Ф. Исторический опыт становления высшей школы на Европейском Севере России // Высшее образование в России. 2004. № 6. С. 140–145.
16. Уральская государственная лесотехническая академия. Екатеринбург: Уральская государственная лесотехническая академия, 2000. 472 с.
17. Цепляев В. П. Лесное хозяйство СССР (Основные итоги лесохозяйственной деятельности). М.: Лесн. пром-сть, 1965. 406 с.

Поступила в редакцию 26.06.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Ivan V. Zykina, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9994-6036; zivverh@mail.ru

TRAINING OF TIMBER INDUSTRY MANAGERS DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS

Abstract. The industrialization of the forestry sector in the Soviet Union from the late 1920s through the early 1940s created a pressing need for skilled workers and management personnel. In response to the expansion of higher education institutions with specialized industrial focuses, industrial academies were established. This article aims to explore the development of higher forestry education in the USSR during the early five-year plans, focusing on the operations of the Arkhangelsk Academy, which was active from 1931 to 1941. The Academy was intended to prepare top-tier personnel for the timber industry, who would be equipped with knowledge of advanced technologies, alignment with Soviet government policies, and the ability to mobilize workers for various tasks. Analysis shows that during its organizational phase, the Academy benefited from its relationship with the Arkhangelsk Forestry Institute, which provided valuable resources and personnel. However, this ultimately led to the Academy falling behind other forestry educational institutions in terms of educational and scientific activities. It was found that graduates of the Arkhangelsk Industrial Academy were sought after for senior roles within trusts and enterprises. Nonetheless, by the late 1930s, the Academy began to replicate the functions of forestry engineering institutes focused on training engineers and advanced training institutes designed for senior personnel preparation, resulting in its eventual closure.

Key words: industrialization, five-year plans, timber industry, Arkhangelsk Industrial Academy, Arkhangelsk Forestry Institute, People's Commissariat for Timber Industry, personnel training

For citation: Zykina, I. V. Training of timber industry managers during the first five-year plans. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):55–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1110

REFERENCES

1. Beilin, A. E. Expert personnel in the USSR, their formation and growth. Moscow, 1935. 420 p. (In Russ.)
2. Bovin, A. I. On strengthening the technical management of production. *Timber Industry*. 1941;4:2–4. (In Russ.)
3. Butyagin, A. S., Saltanov, Yu. A. University education in the USSR. Moscow, 1957. 296 p. (In Russ.)
4. Voikov, E. V. Leading personnel of the forest industry during pre-war industrialization. *Russian History*. 2020;5:142–154. (In Russ.)
5. Goldin, V. I. Training of personnel from among socialist intelligentsia in the Northern Territory (1928–1937). *The history and culture of the Arkhangelsk North during the Soviet era: Interuniversity collection of research papers*. Vologda, 1985. P. 119–132. (In Russ.)
6. Zakharov, V. K. Higher Forestry School in the Belorussian Soviet Socialist Republic. *The 10th anniversary of the Belorussian Forestry Institute named after S. M. Kirov and the 20th anniversary of higher forestry education in the BSSR*. Gomel, 1940. P. 49–52. (In Russ.)
7. Zakharova, E., Fasonov, P. Birth of a giant, 1934–1940. Novodvinsk; Arkhangelsk, 2019. 208 p. (In Russ.)
8. Zykin, I. V. The socio-cultural image of the workers of the Soviet timber processing complex from the end of 1929 through the first half of 1941. Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
9. Ilarionova, T. S. On the history of industrial academies in the USSR. *Cultural World*. 2020;8(1/22):66–96. (In Russ.)
10. Ionov, B. D., Ionova, T. B. Training of forest personnel. *Bulletin of Higher Educational Institutions. Russian Forestry Journal*. 1970;1:49–52. (In Russ.)
11. Koperin, F. I., Trofimov, P. M. Higher Forestry School of the USSR on the 40th anniversary of the Great October. *Bulletin of Higher Educational Institutions. Russian Forestry Journal*. 1958;1:5–26. (In Russ.)
12. Kuznetsov, A. F. Party leadership in the training of personnel for the forestry and timber processing industry of the Urals (1933–1937). *Party organizations at the head of cultural construction*. Sverdlovsk, 1978. P. 67–72. (In Russ.)
13. Poberezhnikov, I. V. Transition from a traditional to an industrial society: theoretical and methodological problems of modernization. Moscow, 2006. 240 p. (In Russ.)
14. Saint Petersburg State Forestry Academy. Pages of History, 1803–2003. St. Petersburg, 2003. 814 p. (In Russ.)
15. Sokolova, F. The historical experience of the formation of higher education in the European North of Russia. *Higher Education in Russia*. 2004;6:140–145. (In Russ.)
16. Ural State Forestry Academy. Ekaterinburg, 2000. 472 p. (In Russ.)
17. Tsepliaev, V. P. Forestry of the USSR (Main results of forestry activities). Moscow, 1965. 406 p. (In Russ.)

Received: 26 June 2024; accepted: 30 September 2024

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального
исследовательского центра «Кольский научный
центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozehevnikova@gmail.com

ДУХОВЕНСТВО КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ ПО РЕВИЗКИМ СКАЗКАМ 1816 ГОДА

А н н о т а ц и я . Для рассмотрения малоизученной темы о духовном сословии Кольского благочиния Архангельской епархии в первой четверти XIX века впервые привлекаются сведения из ревизских сказок, составлявшихся в 1816 году. Этот ценный информативный источник, имеющий сводный характер, сохранился в Национальном архиве Республики Карелия. На основании данных седьмой ревизии выясняется немногочисленный состав приходского клира Кольского благочиния и выявляется традиционная для предыдущих столетий практика передачи церковных должностей родственникам по прямым и боковым линиям. Это говорит о сохранении важной значимости семейных связей при формировании причтов в данном округе в первой четверти XIX века. По свидетельству ревизских сказок о священно- и церковнослужителях Кольского благочиния, в составе его сельских причтов находились представители разных поколений старинных церковных династий, которые начинали складываться в первой четверти XVIII века. Наблюдается социальная мобильность внутри духовного сословия, позволявшая дьяческим сыновьям после получения специального образования в епархиальных учебных заведениях рукополагаться во священство. Уникальная персональная информация о штатных и заштатных клириках может быть использована для изучения генеалогии провинциального духовенства и создания просопографической базы данных о приходских священниках и причетниках Кольского Севера.

Ключевые слова: Архангельская епархия, Кольское благочиние, Кольский уезд, ревизские сказки, приходское духовенство, священники, причетники, церковные династии

Благодарности . Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования: Кожевникова Ю. Н. Духовенство Кольского благочиния по ревизским сказкам 1816 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1111

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XIX века переписи духовенства, относившегося к числу неподатных сословий Российской империи и не подлежавшего подушному обложению, проводились «для одного токмо счета народонаселения»¹. Сохранившиеся в отечественных архивах ревизские сказки священников и церковных служителей важны как информативный массовый источник для изучения состава причтов и генеалогии клириков.

Отечественные историки не раз обращались к теме приходского духовенства первой половины XIX века: существуют как обобщающие труды, так и работы, написанные по документам

отдельных российских регионов и областей [5], [7], [8], [9], [10]². За последнее десятилетие в научный оборот введен значительный фактографический материал, позволяющий изучать положение и состояние отдельных групп духовного сословия, выявлять их внутренние связи и социальные стратегии; оценивать результаты и последствия государственной политики, направленной на регулирование численности клириков [1], [6], [11]. В то же время отсутствуют специальные исследования, рассматривающие количественный состав духовенства и пути формирования причтов в приходах Кольского благочиния Архангельской епархии в первой четверти XIX века.

Основным источником для исследования стали материалы седьмой ревизии духовного сословия. В Национальном архиве Республики Карелия (далее – НА РК), в фонде Соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы города Кемь Архангельской губернии (Ф. 166), отложились ревизские сказки священно- и церковнослужителей, составленные в 1816 году³. В статье впервые анализируются представленные в них сведения для выяснения численности клира Кольского благочиния и особенностей замещения штатных позиций в местных причтах. Дополнительную персональную информацию о конкретных клириках Кольского благочиния содержат документы из фондов Кемского духовного правления (НА РК) и Архангельской духовной консистории (Государственный архив Архангельской области, далее – ГААО).

СВЯЩЕННИКИ И ПРИЧЕТНИКИ КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНΙΑ В 1816 ГОДУ

В Кольском благочинии, объединявшем церкви и часовни в Русской Лапландии и северной части Беломорской Карелии, ко времени проведения седьмой ревизии насчитывалось семь больших по территории приходов (один городской в уездном центре Кола и шесть сельских), которые находились в ведении Кемского духовного правления. Местные приходские общины включали живших в этом северо-западном регионе Российской империи русских, карелов и саамов.

Синодальный указ о правилах проведения ревизии духовенства был подписан 23 августа 1815 года⁴. Правящие архиереи через духовные правления затребовали с мест необходимые сведения по каждому епархиальному приходу о штатных и заштатных священниках и причетниках, их женах и детях с прибавлением информации о тех клириках, кто выбыл «разными случаями» из духовного сословия, перевелся в другой причт или умер после последней ревизии 1811 года. Все данные необходимо было подготовить «с возможным поспешением» и выслать в ревизские комиссии не позднее 15 марта 1816 года.

Составленные в Кольском благочинии ревизские сказки о штатных и заштатных клириках за 1816 год – ценный источник сводных сведений о местном духовенстве. В отличие от клировых ведомостей, фиксировавших священников и причетников «в наличии», эти документы содержат информацию о происходивших переменах в составе причта со времени последней переписи населения. За первую половину XIX века в реги-

ональных архивах, в ГААО и Государственном архиве Мурманской области (далее – ГАМО), сохранились материалы девятой ревизии духовенства Кольского уезда за 1850 год⁵, а также разрозненные ревизские сказки по отдельным причтам (Варзужского, Умбского, Кандалакшского и Ковдского приходов за 1835 год⁶, Кандалакшского за 1850 год⁷ и Кольского собора за 1858 год⁸).

Из материалов седьмой ревизии следует, что для Воскресенского соборного прихода в Коле полагался причт с двумя пресвитерами, диаконом и двумя причетниками, однако три позиции, иерея, диакона и дьячка, были вакантны (см. таблицу). По ревизской сказке 1816 года в городских церквях служил один 42-летний священник Иоанн Дьяконов, поступивший в 1812 году из пономарей Троицкого собора в городе Онега на «убылое место» после перевода его предшественника протоиерея Василия Ивановича, не имевшего местных корней, в Яренгский приход Архангельского уезда⁹. Второй городской священник, Александр Измайлов, уроженец Шангалевского прихода в Вологодском наместничестве, скоропостижно скончался в январе 1812 года во время эпидемии неизвестной болезни, охватившей Колу, и его место оставалось свободным до 1821 года¹⁰. Диаконское место в соборном причте пустовало из-за бедности приходской общины¹¹.

Штатный клир Кольского благочиния
в 1816 году

The clergy of the Kola deanery in 1816

Приход	Священники	Диаконы	Дьячки	Пономари
Воскресенский соборный	1	–	–	1
Варзужский Успенский	1	–	1	1
Варзужский Петропавловский	1	–	–	–
Кандалакшский	1	–	1	–
Керетский	1	–	1	–
Понойский	1	–	–	1
Умбский	1	–	1	1
Итого	7	–	4	4

Примечание. Источник – НА РК. Ф. 166. Оп. 2. Д. 5/15.

В 1812 году от той же неизвестной болезни умерли оба молодых причетника Воскресенского соборного прихода, дьячок Алексей Федоров и пономарь Филипп Сидоровский. С 1813 года пономарскую должность занимал брат умершего Василий Сидоровский, поступивший из учеников Сумского приходского училища [4]. Дьяческое место временно оставалось праздным

(к 1819 году на него поступил Симеон Плотников из Кандалакши). Заштатными были записаны дочь умершего священника Александра Измайлова 18-летняя Анна и 59-летняя мать пономаря Анна Иванова.

В поморском селе Варзуга, разделенном рекой на две части, в первой четверти XIX века существовали два прихода, Успенский и Петропавловский. Как показывают ревизские сказки 1816 года, в обоих причтах находились представители одной и той же старинной церковной династии Гурьевых. Одним из первых ее представителей был священник Стефан Гурьев, служивший в 1745–1791 годах в Успенской церкви. По данным седьмой ревизии, местный причт состоял из трех человек. Пресвитер Димитрий Кириллович¹², дьяческий сын, которому исполнилось 44 года, принадлежал к третьему поколению Гурьевых (в его семье подрастал шестилетний Василий, в 1839 году занявший иерейское место родителя¹³, и три дочери, Анна, Екатерина и Надежда); 65-летний дьячок Кирилл Стефанович – ко второму поколению; 31-летний пономарь Иван Кириллович, воспитывавший 11-летнюю дочь Ульянию, – к третьему поколению.

В соседнем Петропавловском приходе священствовал сын успенского дьячка 46-летний Василий Кириллович Гурьев, живший в Варзуге с женой Матроной Матвеевой и тремя детьми (младшим сыном Гавриилом¹⁴ и двумя дочерьми, Евдокией и Дарьей). В 1795 году, будучи дьячком Петропавловского прихода, он был рукоположен во священника и определен на это иерейское место, освободившееся после смерти прежнего пресвитера Алексея Федотова¹⁵. Дьяческая и пономарская позиции в 1816 году не были заняты. В 1817 году сын действующего священника Григорий Гурьев, ранее обучавшийся в Сумском приходском училище, получил ставленую пономарскую грамоту¹⁶. В 1821 году дьячком стал Гавриил Гурьев¹⁷. Уместно добавить, что Гурьевы продолжали занимать разные церковные должности в причтах варзужских церквей во второй половине XIX века¹⁸.

Располагавшийся в Кемском уезде и входивший в Кольское благочиние Керетский приход объединял жителей поморского села Кереть и пяти небольших деревень на севере Беломорской Карелии¹⁹. По сведениям за 1816 год, в причте состояли 33-летний священник Никита Семенович Ануфриев²⁰, поступивший из Шуерецкого прихода Кемского уезда на иерейское место, освободившееся в 1813 году после отъезда Григория Михайловича Плотникова²¹; 23-летний

дьячок Андрей Петрович Ануфриев²². Пономарское место было не занято²³. В статусе «заштатных» перечислены вдовы керетских священников Михаила Плотникова и Петра Ануфриева, 80-летняя Анисья Яковлева и 50-летняя Марфа Яковлева, а также иерейская дочь 47-летняя Анна Михайлова. Упомянутый пресвитер Петр Семенович Ануфриев служил в Керетском приходе в последней четверти XVIII века. Его внук, родившийся в семье дьячка Андрея Ануфриева, продолжил священническое служение в Керетском приходе в 1852–1865 годах²⁴.

В Пречистенском Кандалакшском приходе на всех позициях в причте состояли родственники из разных поколений церковной династии Плотниковых. Место умершего родителя с 1813 года занимал 37-летний пресвитер Иоанн Дмитриевич Плотников. Его двоюродный брат 23-летний дьячок Симеон Иванович Плотников был переведен незадолго до проведения ревизии из Керетского прихода. В 1821 году он станет священником Воскресенского собора в Коле. Пономарские обязанности исполнял 24-летний Иван Плотников, поступивший в 1815 году из Керети. «За штатом» находился двоюродный дед священника пономарь Лука Алексеевич, которому в 1816 году исполнилось 78 лет. Будучи на тот момент старейшим клириком Кольского благочиния, он принадлежал ко второму поколению Плотниковых. Его отец Алексей Яковлевич Плотников служил в кандалакшской церкви во имя Иоанна Предтечи в первой четверти XVIII века, а братья Георгий Алексеевич и Григорий Алексеевич поочередно занимали иерейскую должность, с 1743 и 1763 годов соответственно²⁵. После ухода на покой Лука Алексеевич находился на обеспечении своего племянника Ивана Плотникова, перешедшего во крестьянство в 1797 году²⁶. Кроме того, «заштатными» в седьмую ревизию были записаны 50-летняя Ирина, дочь умершего священника Григория Плотникова; 73-летняя Анна Алексеева, вдова священника Димитрия Плотникова; 71-летняя Гликерия, вдова дьячка Ивана Егоровича Плотникова, и две его дочери, Анна и Стефанида. Малолетние сыновья действующего священника Иоанна Плотникова останутся служить в Кандалакшском приходе: старший Иустин станет пономарем в 1836 году, а младший Иван – дьячком в 1832 году²⁷.

В причте при Воскресенской церкви Умбского прихода были заняты все позиции. Клирики представляли две священнослужительские династии Архангельской епархии – Титовых

и Плотниковых. Пресвитер Иоанн Иванович Титов (44 года) служил в Умбе с 1798 года²⁸. До возведения во священника к Воскресенской церкви он был пономарем в Шуезерском приходе Кемского уезда²⁹. Дьячок Козьма Иванович (35 лет) принадлежал к четвертому поколению рода Плотниковых и приходился внуком кандалакшскому священнику Георгию Плотникову. Пономарь Антоний Иванович Титов (24 года), обучавшийся в Сумском приходском училище, был сыном действующего священника. В 1817 году иерей Иоанн Титов из-за конфликта с умбскими прихожанами временно был переведен в Шуезеро, где когда-то исполнял пономарские обязанности³⁰. Его сын дьячок Антоний в том же 1817 году после отъезда родителя и скоропостижной смерти жены вышел из духовного сословия (*«положил намерение вступить во второй брак»*) и перевелся во крестьянство Умбской волости³¹. Важно отметить, что церковная династия Титовых в первой половине XIX века не прекращалась. Вторым сыном священника Родион Титов в 1819 году получил дьяческую должность в Шуерецком приходе Кемского уезда, впоследствии служил в Керети и Умбе³². Третий сын Иван Титов занимал пономарское место в причте умбской Воскресенской церкви, а в 1837 году был посвящен в диаконский сан и получил штатное место в Воскресенском соборном приходе³³ (умер в 1851 году³⁴), где в середине XIX века состоял дьячком его сын Петр Титов³⁵.

Наконец, в причте Успенского Понойского прихода по ревизской сказке 1816 года находились 36-летний священник Андрей Иванович Андриянов³⁶, ранее бывший дьячком в Петропавловском Варзужском и соборном Воскресенском приходах; дьячок Лев Лукич Андриянов и пономарь Дамиан Лукич Андриянов. Они представляли еще одну династию священников и причетников, служивших на Кольском Севере с первой четверти XVIII века. Ее родоначальником был пресвитер Андриан, определенный к Петропавловской церкви в Поное при Петре I. Известно, что в 1713 году он получил указания от холмогорского епископа Рафаила о «поучении раскольников»³⁷. Его сын Филипп и внук Лука наследовали должность священника в Понойском приходе: первый – в 1727 году, второй после смерти родителя, в 1762 году³⁸. Таким образом, родные братья, дьячок Лев Лукич и пономарь Дамиан Лукич³⁹, принадлежали к четвертому поколению династии Андрияновых. Во время проведения седьмой ревизии понойский дьячок покинул причт и перешел в податное крестьян-

ское сословие. Дьяческая должность, *«чтобы не было никакой остановки в церкви»*, была предоставлена сыну священника Григорию Андриянову, обучавшемуся в Рождественском приходском училище в Архангельске⁴⁰. При церкви «за штатом» проживала 61-летняя Евфимия Лаврентьева – жена умершего иерея Ивана Андриянова и мать действующего священника. После скоропостижной смерти Андрея Андриянова (1776–1818) иерейское место в Понойском приходе занял его родной дядя пономарь Дамиан Лукич, возведенный во священство в 1819 году [3].

По данным седьмой ревизии штатный клир Кольского благочиния включал 15 человек, служивших в семи приходах: семерых пресвитеров, четырех дьячков и четырех пономарей (см. таблицу). Трое из действующих священников поступили на свои места после проведения предыдущей ревизии (Иоанн Дьяконов в Коле, Никита Ануфриев в Керети и Иоанн Плотников в Кандалакше). Вакантными по ревизским сказкам за 1816 год оказались семь позиций, из них одна – пресвитерская, три – дьяческих и три – пономарских. Очевидно, сказывался недостаток кандидатов из местных уроженцев, уже получивших необходимое для церковных должностей образование в духовных учебных заведениях⁴¹, и претендентов из других епархиальных благочиний из-за бедности приходов и дороговизны жизни на Кольском Севере⁴².

ВЫВОДЫ

Ревизские сказки 1816 года о духовном сословии Кольского благочиния свидетельствуют о немногочисленности клириков этого обширного округа, что обуславливалось небольшим количеством местных приходов и церквей. Две штатные иерейские позиции, как и единственная диаконская, полагались только для Воскресенского соборного прихода в уездном центре. Сельские причты относились к разряду «одноклирных» (в штате один священник и два причетника). Образовавшиеся вакантные позиции, как правило, были замещены в ближайшее после ревизии время. В материалах переписи 1816 года отразились требования, предъявлявшиеся епархиальной властью к ставленникам в церковно- и священнослужители в первой четверти XIX века: ревизские сказки содержат сведения о получении молодыми клириками специального образования в Сумском и Рождественском приходских училищах, чтобы поступить на желаемые места. Фиксируются единичные случаи перехода причетников в податное крестьянское

сословие по разным соображениям (например, раннее вдовство) и факты временного перевода сельских пресвитеров и причетников в соседнее Кемское благочиние. Выявляются данные о перемещении клириков из одной группы духовного сословия в другую, говорящие о социальной мобильности внутри него: дьяческие сыновья, получив необходимые знания в учебных заведениях, могли рукополагаться во священство.

По сведениям ревизских сказок 1816 года, в составе причтов Кольского благочиния состояли представители разных поколений старинных духовных династий (Гурьевых, Андриановых, Плотниковых), которые известны с первой четверти XVIII века. Исключением стал Воскресенский соборный приход, в котором в первой

четверти XIX века служили «пришлые» пресвитеры из других благочиний Архангельской епархии (Василий Ивановский, Александр Измайлов, Иоанн Дьяконов). Таким образом, по материалам седьмой переписи духовенства прослеживается традиционная для предыдущих столетий практика передачи церковных должностей родственникам по прямым и боковым линиям, а также выясняются близкие родственные связи между причтами разных приходов в границах Кольского благочиния. Представленная в статье персональная информация о клириках за 1816 год будет сопоставлена с материалами других ревизий местного духовного сословия; также она может использоваться для проведения будущих просопографических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: 12 декабря 1825 года – 28 февраля 1881 года (далее – ПСЗ II). СПб., 1833. Т. 8. № 6265.
- ² Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. Казань: Университетская типография, 1873. 851 с.
- ³ НА РК. Ф. 166. Оп. 2. Д. 5/15.
- ⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 года по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 33. № 25924.
- ⁵ ГААО. Ф. 51. Оп. 1. Т. 4. Д. 8.
- ⁶ Там же. Оп. 11. Т. 8. Д. 12870.
- ⁷ ГАМО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 120.
- ⁸ Там же. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 77.
- ⁹ Подробнее о священнике Иоанне Дьяконове см. статью Д. А. Ермолаева [2].
- ¹⁰ Во священство был возведен соборный дьячок Симеон Плотников. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 6/107. Л. 97–97 об.
- ¹¹ Согласно синодальным указам от 4 июня 1768 года и 8 октября 1778 года, один штатный диакон полагался для многолюдных приходов (250–300 дворов), где служили не менее двух священников. См.: ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 20. № 14807.
- ¹² Предшественник Иоанн Стефанович Гурьев умер 2 ноября 1795 года «чрез жестокою болезнью», о чем сообщал его племянник священник Варзужского Петропавловского прихода Василий Кириллович Гурьев. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 2/3. Л. 220–220 об.
- ¹³ Священник Димитрий Гурьев в 1844 году находился «за штатом». См.: НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 6 об.–7.
- ¹⁴ Гавриил Васильевич Гурьев в 1836 году был рукоположен во священника к Петропавловской церкви в Варзуге. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 8/133. Л. 112–112 об.
- ¹⁵ Его сын Василий Федотов исполнял пономарские обязанности в Петропавловском приходе до 1813 года. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 2/3. Л. 210–210 об.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 2. Д. 1334.
- ¹⁷ Там же. Д. 1660.
- ¹⁸ По данным клировых ведомостей за 1884 год, в Петропавловском приходе служил 65-летний дьячок Александр Иванович Гурьев, а «за штатом» находился 76-летний священник Василий Дмитриевич Гурьев. См.: НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 48 об.–49.
- ¹⁹ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 2. В двухэтажной церкви святителя Николая Чудотворца и великомученика Георгия пребывала гробница преподобного Варлаама Керетского.
- ²⁰ В ревизской сказке указывается, что 4 июля (по старому стилю) 1815 года у священника Никиты Ануфриева родился сын Андрей. См.: НА РК. Ф. 166. Оп. 2. Д. 5/15. Л. 10 об.–11.
- ²¹ Священник Григорий Плотников служил в Керетском приходе с 1802 года и в 1813 году перевелся в Солзенский приход Архангельского уезда. См.: НА РК. Ф. 166. Оп. 2. Д. 5/15. Л. 10 об.–11.
- ²² Его сын Федор Андреевич Ануфриев в 1851–1852 годах служил священником в Юшкозерском приходе, в 1852–1865 годах – в Керетском приходе. Затем по его желанию был переведен в Койнацкий приход Мезенского уезда, а в 1882 году – в Кьяндский приход Шенкурского уезда. См.: Священник Федор Андреевич Ануфриев (Некролог) // Архангельские епархиальные ведомости. 1897. № 11. С. 381–382.
- ²³ В конце 1816 года на пономарское место был определен Иван Титов. См.: ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 2. Д. 793.

- ²⁴ Священник Федор Андреевич Ануфриев в 1857 году стал свидетелем второго обретения мощей преподобного Варлаама Керетского после страшного пожара, в котором сгорел деревянный приходский храм. См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 139. Д. 1074. Л. 10–13.
- ²⁵ Переписные книги Кандалакшского Пречистенского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Кандалакша XVIII века / Подгот. текстов и исслед. С. А. Никонов, Л. В. Пушкина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. С. 207–208.
- ²⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 2. Д. 251. Иван Плотников был одним из сыновей кандалакшского священника Григория Алексеевича Плотникова, до перехода в податное сословие служил дьячком в Умбском приходе.
- ²⁷ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 20 об.–21.
- ²⁸ Его предшественник Иоанн Андриянов был священником Воскресенской церкви с 1793 года. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 2/3. Л. 158.
- ²⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 709.
- ³⁰ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3/46. Л. 95–95 об.
- ³¹ Там же. Д. 5/100. Л. 5–6; ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 2. Д. 938. Об отношении Русской православной церкви к повторному вступлению в брак духовенства см.: Троицкий С. В. Второбрачие клириков: историко-каноническое исследование. СПб.: Синодальная типография, 1912. 286 с.
- ³² НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 8/133. Л. 19–19 об.
- ³³ Там же. Д. 8/168. Л. 30.
- ³⁴ Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков / Сост. и авт. статей Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013. С. 301.
- ³⁵ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 23/641. Л. 32–32 об.
- ³⁶ В источниках также встречается другой вариант написания этой фамилии – Адриановы.
- ³⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 247. Оп. 1. Д. 2.
- ³⁸ Там же. Д. 214.
- ³⁹ В многодетной пономарской семье подрастали пять дочерей и один сын, семилетний Лев. См.: НА РК. Ф. 166. Оп. 2. Д. 5/15. Л. 22 об.–23.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 165. Оп. 4. Д. 1/15. Л. 3.
- ⁴¹ Синодальные указы 1797 и 1808 годов рекомендовали правящим епископам возводить во священство кандидатов, получивших специальное образование в учебных духовных заведениях. См.: ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 24. № 17958; Там же. Т. 30. № 23122.
- ⁴² В 1817 году правящий епископ высказался по поводу Гурьевых, служивших в Варзуге: «...по родству должно было бы развесть, но по причине отдаленности и не желающих поступить на сие место, оставить сию семью вместе быть». См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5/36. Л. 25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беговатов Д. А. Городское провинциальное духовенство Тверской епархии в первой половине XIX века: профессиональная деятельность и повседневная жизнь. Тверь: СФК-офис, 2017. 311 с.
2. Ермолаев Д. А. Протоиерей Иоанн Дьяконов – забытое имя в истории православия на Кольском Севере // VII Ушаковские чтения: Сборник научных статей. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 54–61.
3. Кожевникова Ю. Н. К вопросу о материальном достатке сельского священника на Кольском Севере в начале XIX века: опись вещей Андрея Адрианова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2023. Т. 1, № 2. С. 81–85. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.1.007
4. Кожевникова Ю. Н. Сумское приходское училище и его роль в обучении клириков Кольского благочиния в первой четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1006
5. Корнилова В. И. Материалы церковного делопроизводства как источники по генеалогии православного духовенства Прикамья (на примере семьи Кудрявцевых) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8. С. 78–81.
6. Мангилева А. Д. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург: УралНАУКА, 1998. 252 с.
7. Матисон А. В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи. М.: Старая Басманная, 2015. Вып. 9. 200 с.
8. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 422 с.
9. Разумов С. А. Матримониальные связи православного духовенства по данным метрических книг XIX – начала XX в. // Российский научный журнал. 2014. № 3 (41). С. 20–24.
10. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Ч. 1. 798 с.
11. Цысь В. В. Приходское духовенство и светские власти на Тобольском Севере в начале XVIII – начале XX века: особенности взаимоотношений // Научный диалог. 2019. № 12. С. 434–446. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-434-446

Поступила в редакцию 18.06.2024; принята к публикации 30.09.2024

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation) ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

THE CLERGY OF THE KOLA DEANERY ACCORDING TO THE CENSUS RECORDS OF 1816

Abstract. This paper addresses the little-studied issue of the state of the clergy in the Kola deanery of the Arkhangelsk Eparchy during the first quarter of the XIX century, using information from the 1816 census records for the first time. This valuable, informative, and comprehensive source, preserved in the National Archives of the Republic of Karelia, provides new insights into the parish clergy. Based on data from the seventh census, the research reveals the small size of the clergy in the Kola deanery and identifies the longstanding practice of transferring church positions to relatives, both direct and collateral, which persisted since previous centuries. This underscores the continued significance of familial connections in the formation of the clergy in this region during the first quarter of the XIX century. The census records on priests and clergymen indicate that the rural clergy in the Kola deanery included representatives from different generations of ancient spiritual dynasties that began to emerge in the first quarter of the XVIII century. Additionally, there is evidence of social mobility within the clergy, allowing the sons of deacons to be ordained as priests after receiving special education at eparchial institutions. The unique personal information about full-time and minor clergy provides valuable resources for studying the genealogy of provincial clergy and for creating a prosopographic database of parish priests and clergymen in the Kola North.

Key words: Arkhangelsk Eparchy, Kola deanery, Kola uyezd, census records, parish clergy, priests, sextons, church dynasties

Acknowledgements. The article was financed from the federal budget as part of the state research task No FMEZ-2024-0002 “Dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of the Russian Arctic frontier exploration” assigned the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. The clergy of the Kola deanery according to the census records of 1816. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1111

REFERENCES

1. Begovatov, D. A. Urban provincial clergy of the Tver Eparchy in the first half of the XIX century: professional activities and daily life. Tver, 2017. 311 p. (In Russ.)
2. Ermolaev, D. A. Archpriest John Dyakonov – a forgotten name in the history of Orthodoxy in the Kola North. *The VII Ushakov Readings: Collection of research articles*. Murmansk, 2011. P. 54–61. (In Russ.)
3. Kozhevnikova, Yu. N. On the question of the material wealth of a rural priest in the Kola North at the beginning of the 19th century: the inventory of Andrey Andrianov's property. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2023;1(2):81–85. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.1.007 (In Russ.)
4. Kozhevnikova, Yu. N. Suma Parish School and its role in educating the Kola deanery clerics in the first quarter of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1006 (In Russ.)
5. Kornilova, V. I. Church records management materials as sources on the genealogy of the Orthodox clergy in the Kama region (using the example of the Kudryavtsev family). *Almanac of Modern Science and Education*. 2012;8:78–81. (In Russ.)
6. Mangileva, A. D. The clergy in the Urals in the first half of the XIX century (using the example of the Perm Eparchy). Ekaterinburg, 1998. 252 p. (In Russ.)
7. Matison, A. V. The clergy of the Tver Eparchy in the XVIII – the early XX centuries: Genealogical trees. Moscow, 2015. Issue 9. 200 p. (In Russ.)
8. Pul'kin, M. V. Orthodox parishes and authorities in the mid-XVIII – early XX centuries (a study of the materials of the Olonets Eparchy). Petrozavodsk, 2009. 422 p. (In Russ.)
9. Razumov, S. A. Matrimonial connection Orthodox clergy according to metric books of the XIX – beginning of XX century. *Russian Scientific Journal*. 2014;3(41):20–24. (In Russ.)
10. Smolich, I. K. The history of the Russian Church. 1700–1917. Moscow, 1996. Part 1. 798 p. (In Russ.)
11. Tsys, V. V. Parish clergy and secular authorities in the Tobolsk North in 18th – early 20th centuries: features of relationships. *Nauchnyi dialog*. 2019;12:434–446. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-434-446 (In Russ.)

Received: 18 June 2024; accepted: 30 September 2024

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ ЧЕНЦОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем)

Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)
aschentsov@mail.ru

БОРЬБА С ДИВЕРСИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ ПРОТИВНИКА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

А н н о т а ц и я . Объектом исследования является деятельность органов и войск Народного комиссариата внутренних дел СССР на территории германской провинции Восточная Пруссия против диверсионно-террористического подполья противника в 1944–1945 годах. Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью этого вопроса как в отечественной, так и зарубежной историографии, что позволяет раскрыть малоизвестные страницы заключительного периода Великой Отечественной войны. Целью исследования является рассмотрение состава немецкого диверсионно-террористического подполья, основных способов его действий в тылу Красной армии, а также форм противодействия органов и войск НКВД СССР диверсионно-террористическим акциям в тылу действующей армии. Статья основана на документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Российского государственного военного архива, ранее не введенных в научный оборот.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великая Отечественная война, Восточная Пруссия, уполномоченные НКВД СССР по фронтам, войска НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, внутренние войска НКВД СССР, немецкие диверсионно-террористические формирования

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ченцов А. С. Борьба с диверсионно-террористическим подпольем противника на территории Восточной Пруссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1112

ВВЕДЕНИЕ

Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция достаточно подробно раскрыта как в отечественной [1], [5], [10], так и зарубежной историографии [12], однако в большинстве работ значительное внимание уделено описанию боевых действий, а обстановка в тылу фронтов оказалась вне рассмотрения исследователей. Вместе с тем на территории Восточной Пруссии (как и на территории всей Германии) органами и войсками Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД СССР), осуществлявшими задачи охраны тыла действующей армии, был проведен значительный объем мероприятий, направленных на противодействие диверсионным и террористическим формированиям. Однако имеющиеся работы по истории пограничных [2] и внутренних войск [3] также оставляют эту тему без рассмотрения, что не позволяет в полном объеме раскрыть многогранную деятельность правоохранительных структур в обе-

спечении разгрома противника на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Деятельность органов и войск НКВД СССР по борьбе с диверсионно-террористическими формированиями противника на территории Восточной Пруссии отражена в документах управлений войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, а также 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР (приказы, директивы, оперативные сводки и ориентировки), находящиеся на хранении в Российском государственном военном архиве и фактически не введенных в научный оборот. Данные документы составили основу настоящей статьи.

* * *

Формирование диверсионно-террористического подполья на территории Восточной Пруссии началось осенью 1944 года, когда германское командование было поставлено перед

необходимостью защиты провинции от вступления на ее территорию советских войск. Отличительной особенностью немецкого подполья было то, что его созданием занимались как структуры вермахта и СС, так и местные партийные организации НСДАП, не имевшие должного уровня взаимодействия и постоянно конфликтовавшие между собой.

Первоначально идея создания вооруженных формирований, оказывающих помощь вермахту по сдерживанию наступающих советских войск путем осуществления диверсионных акций в приграничных районах Германии, получила свое практическое воплощение в структуре СС, где 19 сентября 1944 года было создано так называемое «Бюро Прютцмана», руководитель которого обергруппенфюрер СС Г. Прютцман получил особые полномочия по созданию диверсионных отрядов, известных под названием «Вервольф» [11: 16]. Низовой структурой «Вервольфа» должны были стать отряды (группы) численностью от 4 до 7 человек, проводившие в целях конспирации свою работу изолированно друг от друга. Предполагалось снабжение членов отрядов стрелковым оружием и взрывчатыми веществами, необходимыми для проведения диверсионных актов. Координация действий отрядов и связь с руководством должны были осуществляться при помощи коротковолновых передатчиков¹.

Однако создать полноценные структуры «Вервольфа», находившиеся под контролем СС, на территории Восточной Пруссии не удалось. Как показал на допросе арестованный 15 мая 1946 года начальник штаба «Вервольфа» в Восточной Пруссии Г. Кречман-унд-Таннен, к началу наступления Красной армии в январе 1945 года было сформировано всего три группы, в которые входили 36 человек. В связи с быстрым наступлением и переходом под контроль советских войск значительной части Восточной Пруссии деятельность по созданию отрядов «Вервольфа» была свернута².

Значительную активность в тылу соединений и частей Красной армии в Восточной Пруссии проявляли диверсионно-террористические группы, сформированные разведывательными и контрразведывательными органами противника. При этом подобные группы либо оставались в тылу наступающих советских частей и осуществляли сбор информации об их составе и перемещении, либо забрасывались в глубокий тыл с самолетов для совершения диверсионных актов на коммуникациях. Активной деятельности диверсионно-террористических групп спо-

собствовали географические условия Восточной Пруссии – наличие на ее территории больших лесных массивов и болотистых участков, а также значительного количества мелких населенных пунктов, находившихся вдали от коммуникаций, в которых диверсанты могли скрываться в течение длительного времени.

Следует отметить, что немецким командованием на территории провинции были заблаговременно подготовлены бункеры для диверсантов, которые оставались в тылу наступающих советских войск, предназначенные для проживания и действий в автономном режиме. В специальном донесении начальнику войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск командир 31-го пограничного полка подполковник С. Н. Котов следующим образом описывал место укрытия диверсантов в районе имения Ляубенхоф (округ Земланд):

«Бункер расположен в 50–80 м от дороги, тщательно замаскирован и на поверхности земли ничем не выделяется. Для входа в бункер имеется автоматический люк, на поверхности которого установлено растущее дерево. Глубина бункера 1,5–2 м, ширина 2 м, длина 6–8 м. Бункер внутри обшит тесом, имеется уборная, комната для отдыха, где устроены нары на 8–10 человек, а также хранилище боеприпасов. Бункер оборудован вентиляцией, на расстоянии 7–8 м от люка имеется запасной выход. Огневых точек и амбразур не имеет»³.

Кроме того, в районах действий диверсантов заблаговременно готовились тайники с оружием и боеприпасами. В районе лесничества Паннауген (округ Лабиау) в землянке, в которой проживала диверсионная группа, истребительным отрядом Управления войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск было изъято 560 кг взрывчатых веществ, 7 ящиков взрывателей, 200 ручных и 80 противотанковых гранат, ручной пулемет, автомат, 8 винтовок, 36 противотанковых мин, 7700 патронов, радиоприемник и двухнедельный запас продовольствия для 22 человек⁴.

Серьезное влияние на обстановку в тылу советских войск оказывали действия групп, созданных партийными органами из числа местного населения. Еще 26 июля 1944 года рейхсфюрер СС Г. Гиммлер заявил: «Если враг прорвется куда-нибудь, он столкнется с таким фанатичным народом, который будет безумно сражаться до последнего так, что он точно не пройдет» [13: 33]. Используя лозунг необходимости защиты Германии от наступающей Красной армии, партийные руководители с осени 1944 года осуществляли вербовку в группы, которые долж-

ны были остаться на подконтрольной советским войскам территории и совершать диверсии.

Широкое распространение на территории Восточной Пруссии получило формирование диверсионных групп из числа подростков – членов нацистских молодежных организаций «Юнгфольк», «Гитлерюгенд» и «Союз немецких девушек». Как и в случае с партийными организациями, руководители молодежи в своей работе акцентировали внимание на необходимости защиты родины от наступающего врага. При этом они умело играли на чувствах самопожертвования у подростков (например, руководитель «Гитлерюгенда» А. Аксман в своем обращении к членам организации заявил: «Враг топчет нашу землю и грозит нам смертью. Прежде чем мы позволим себя убить или поработить, мы будем бесстрашно сражаться до победы» [4: 241]), а также распространяли сведения о зверствах советских войск на территории Германии, формируя ненависть к военнослужащим Красной армии. В ряде случаев подростки направлялись для кратковременного обучения в диверсионные школы. Так, с ноября 1944 года в городе Бишофсбург (округ Рессель) действовала специальная диверсионная школа для членов «Гитлерюгенда», которой руководили три инструктора из состава СС⁵. Аналогичная школа действовала в городе Ландсберг (округ Прейсш Айлау) перед его занятием частями Красной армии⁶. В ряде случаев подготовка диверсантов из числа молодежи проходила совместно с обучением членов фольксштурма. Отдельные группы подростков, оставленных для диверсионной деятельности в тылу Красной армии, имели значительное количество оружия и боеприпасов. В период с 1 по 10 апреля 1945 года оперативной группой 3-го стрелкового батальона 13-го Виленского пограничного полка в районе деревни Штернберг (округ Хайльсберг) были задержаны 38 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, действовавшие мелкими группами по 5–6 человек. У задержанных изъяты 8 советских и 28 немецких винтовок, противотанковое ружье, 3 ручных пулемета, станковый пулемет с запасным стволом к нему, 3 охотничьих ружья, 16 гранат, 6 кг тола и 2312 винтовочных патронов. В ходе обыска у диверсантов обнаружены три медали «За отвагу» и медаль «За боевые заслуги», снятые с убитых советских военнослужащих⁷.

Значительное количество диверсантов было подготовлено и оставлено противником в Кенигсберге. Большая часть из них должна была действовать под видом гражданских лиц. Так, задержанный служебным нарядом 1-й заставы

132-го Минского пограничного полка в южной части города член НСДАП с 1933 года К. Саагер получил задание от руководителя низовой партийной организации «войти в доверие к русским, поступить на работу в какое-нибудь учреждение и заниматься подрывной диверсионно-террористической деятельностью»⁸. Для ведения диверсионно-террористической деятельности в Кенигсберге активно использовались подростки. По данным разоблаченного агента немецкой разведки «Г», в Кенигсберге было оставлено 9 диверсионно-террористических групп общей численностью 360 человек, большая часть которых являлась членами «Гитлерюгенда». Все диверсанты прошли восьмидневное обучение, после окончания которого получили оружие и боеприпасы⁹. В целях обеспечения действий диверсионно-террористических групп немецким командованием как в городе, так и в его окрестностях были подготовлены склады с вооружением, боеприпасами и взрывчатыми веществами. Служебным нарядом 3-го стрелкового батальона 86-го пограничного полка при проверке данных, полученных в результате допроса задержанного члена нацистской организации, в подвале одного из домов на северо-восточной окраине Кенигсберга в специально оборудованной комнате были обнаружены и изъяты 10 ручных пулеметов, 110 винтовок, 150 гранат, 10 200 патронов и 30 противотанковых мин¹⁰.

Активная подрывная деятельность в тылу советских войск получила распространение с февраля 1945 года. Диверсионные группы, скрываясь в лесных массивах, совершали обстрелы военнослужащих Красной армии, а также производили поджоги зданий в населенных пунктах, осуществляли порчу линий связи.

С марта 1945 года противник стал совершать диверсии на железнодорожных коммуникациях. Так, например, диверсионная группа, выброшенная с самолетов в тылу 3-го Белорусского фронта 7 марта 1945 года, скрывалась в лесных массивах, находившихся вдоль железнодорожного участка Инстербург – Велау. Ранним утром 13 марта группа совершила подрыв железнодорожного полотна в 4 км восточнее города Инстербург, а в ночь на 15 марта – подрыв полотна под воинским эшелоном в 1 км восточнее станции Пушдорф¹¹. После выхода из строя радиостанции диверсионная группа ушла по направлению к линии фронта¹².

Наиболее крупные акции, направленные на выведение из строя коммуникаций в тылу советских войск, были проведены диверсионными группами в конце марта 1945 года

в южных районах провинции. Вечером 22 марта на железнодорожном перегоне Вилленберг – Найденбург между станциями Мушакен и Грюнфлисс (округ Найденбург) в результате подрыва полотна неустановленной диверсионной группой сошли с рельс паровоз и три вагона¹³. 26 марта в этом же месте под эшелон с гражданами Германии, направленными на работы в СССР, был произведен подрыв трех мин, в результате чего одна женщина погибла и четверо получили ранения¹⁴.

Несмотря на отдельные резонансные диверсионные акции, деятельность диверсионно-террористических групп противника, оставленных в тылу советских войск, не имела существенных результатов. Причиной этого стало отсутствие единого руководства подрывной деятельностью и, как следствие, координации между структурами, осуществлявшими формирование и подготовку диверсионных групп. Несмотря на большое количество лиц, оставленных в тылу Красной армии с диверсионными задачами, их акции носили хоть и массовый, но малоэффективный характер, однако требовали от руководства органов и войск НКВД СССР проведения мероприятий, направленных на противодействие диверсионным и террористическим проявлениям. В большинстве случаев розыск диверсионных и террористических групп противника проводился на основании сообщений взаимодействующих органов или служебных нарядов о совершении диверсионного акта или столкновениях с диверсантами. При этом из состава полков выделялись истребительные группы или отряды, которые действовали в определенных районах путем выделения из своего состава таких видов служебных нарядов, как разведывательно-поисковые группы (РПГ), дозоры и секреты. Так, например, после серии диверсионных актов на железнодорожном участке Мушакен – Грюнфлисс (округ Найденбург) в конце марта 1945 года в предполагаемый район действий диверсантов был выброшен истребительный отряд 86-го пограничного полка численностью до 100 человек, которым руководил командир полка майор П. А. Марихин. В течение нескольких дней служебными нарядами, выделенными от истребительного отряда, были задержаны 50 немцев, среди которых в результате фильтрации разоблачены три подростка, участвовавшие в совершении диверсий [6: 97].

В ряде случаев действия истребительных отрядов не ограничивались по времени, а также определенной территорией. Так, 11 марта 1945 года для ликвидации диверсионной группы,

состоящей из немецких солдат и офицеров, в районе деревни Патимберн (округ Инстербург) был сформирован истребительный отряд, в состав которого вошли 6 застав и маневренная группа 33-го пограничного полка, а также 104-я отдельная маневренная группа и взвод учебной команды сержантского состава Управления войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск. Первоначально поиск проводился в лесных массивах на площади до 15 квадратных километров, однако в последующем площадь района поиска увеличилась более чем в два раза. В ходе действий истребительного отряда, продолжавшихся до конца марта 1945 года, была практически полностью уничтожена диверсионная группа численностью 22 человека¹⁵.

Широкое привлечение к разведывательной, диверсионной и террористической деятельности немецкого населения потребовало от органов и войск НКВД СССР, выполнявших задачи по обеспечению тыла фронтов, проведения крупномасштабной работы по выявлению агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также участников диверсионных и террористических формирований в этой среде.

В ходе наступления Красной армии по территории противника в целях быстрого выявления немецкой агентуры в крупных населенных пунктах от частей войск НКВД СССР практиковалась высылка оперативно-чекистских групп (ОЧГ), в состав которых включались офицеры разведывательных отделений батальона (полка), а также придавались одна-две заставы (в зависимости от размеров населенного пункта). В ходе работы ОЧГ разделялась на 7–10 подгрупп, каждая из которых по особому плану отработывала до 10 объектов.

При стабильном положении линии фронта от стрелкового батальона пограничного полка ежедневно выделялось не менее двух разведывательно-поисковых групп с целью проверки населенных пунктов и лесных массивов, что приводило к значительному охвату розыскными мероприятиями охраняемого участка. Кроме того, РПГ нередко выделялись с целью реализации разведывательных данных для задержания агентуры противника или диверсантов из числа местного населения. Следует отметить, что именно РПГ активно использовались для розыска и задержания членов сформированных противником диверсионных и террористических групп из числа немецких подростков. Так, 22 марта 1945 года служебными нарядами 3-го стрелкового батальона 13-го Виленского по-

границного полка в деревне Ливенберг (округ Хайльсберг) были задержаны несколько подростков 14–16 лет, которые в ходе фильтрации дали показания о совершении террористических актов в отношении военнослужащих Красной армии. В ходе проведенных розыскных мероприятий в населенных пунктах Ливенберг, Штернберг, Восседен и Штольцхаген арестованы 19 членов молодежных нацистских организаций, у которых изъяты 3 ручных пулемета, 8 автоматов, 47 винтовок, 4 пистолета, 11 охотничьих ружей, 2 малокалиберные винтовки, 12 гранат и 2000 патронов [8: 240]. 26 марта 1945 года разведывательно-поисковой группой 15-й заставы 86-го пограничного полка под руководством начальника заставы лейтенанта И. В. Николаева в городе Алленштайн была задержана группа из 11 членов «Гитлерюгенда», у которых изъяты 9 винтовок, 3 гранаты, 1500 патронов и 2 кг взрывчатых веществ¹⁶.

Помимо разведывательно-поисковых групп в целях розыска и задержания агентуры противника использовались дозоры – подвижные наряды численностью от двух и более человек, высылаемые с целью осмотра местности. В ряде случаев этот вид наряда использовался для розыска тайников и складов вооружения и боеприпасов, предназначенных для действий диверсантов и террористов. Кроме того, для поиска и задержания агентов германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также диверсантов-одиночек командованием войск НКВД СССР практиковалось проведение облав и частных операций по проверке местности. Облавы проводились в крупных населенных пунктах как своими силами, так и с привлечением личного состава военных комендатур. Так, 14 февраля 1945 года подразделениями 104-й отдельной маневренной группы совместно с военной комендатурой была проведена облава в городе Тапиау (округ Велау), в результате чего выявлено 150 местных жителей, переданных под наблюдение органов военной администрации¹⁷. Через день, 16 февраля 1945 года, в городе вновь была проведена облава, в ходе которой задержаны 33 человека, в их числе оказались 4 солдата немецкой армии и 14 местных жителей, не имевших документов¹⁸.

Частные операции по проверке местности проводились силами подразделений одного пограничного (стрелкового) полка по согласованию с начальниками оперативных групп НКВД СССР. Так, в период с 8:00 до 16:00 25 марта 1945 года подразделениями 331-го пограничного полка была проведена операция по проверке го-

рода Инстербург «в целях розыска и задержания агентуры противника и прочего преступного элемента». В ходе операции предполагалось осуществить тщательный осмотр служебными нарядами всех жилых и нежилых помещений и подвалов, а также оврагов и кустарников, находившихся в непосредственной близости от города, с последующим задержанием «всех лиц гражданского населения и военнослужащих, не имеющих документов»¹⁹.

Результативность действий органов и войск НКВД СССР по выявлению агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также участников диверсионных и террористических формирований в среде немецкого населения была достаточно высокой. Так, только за февраль – март 1945 года из более чем 36 тыс. немецких граждан, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта и 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, в ходе фильтрации были разоблачены 115 диверсантов, 27 террористов, 42 агента разведывательных органов и 199 агентов контрразведки противника²⁰. У задержанных изъяты 3 станковых и 47 ручных пулеметов, 50 автоматов, 462 винтовки, 50 пистолетов, 850 гранат, 72 055 патронов, 241 мина и 1238 кг взрывчатых веществ²¹.

Значительными были и результаты очистки Кенигсберга, проведенной частями войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта совместно с соединениями 50-й армии. Уже к 13 апреля 1945 года служебными нарядами в оперативные группы НКВД СССР было передано 60 526 человек, среди которых были арестованы 1710, в том числе 152 агента германской разведки и контрразведки, диверсантов и террористов²². В последующем число задержанных еще более увеличилось. Так, только разведывательными отделениями пограничных полков войск НКВД СССР в апреле 1945 года были разоблачены 136 диверсантов, 63 террориста, 56 агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника. Служебными нарядами в ходе очистки города обнаружены и изъяты 2 миномета, 385 ручных пулеметов, 78 автоматов, 7867 винтовок, 41 пистолет, 1195 гранат, 43 мины, 63 500 патронов и 18 кг взрывчатых веществ²³.

Несмотря на значительный объем мероприятий, направленных на обеспечение безопасности тыла действующей армии, проведенных оперативными секторами НКВД СССР и войсками НКВД СССР в Восточной Пруссии, к моменту окончания боевых действий на ее территории в значительном количестве продолжала скры-

ваться агентура германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также лица, завербованные командованием противника для проведения диверсионных и террористических акций. Вследствие этого, а также в связи с будущим разделением провинции и последующим вхождением ее территории в состав Советского Союза и Польши руководством НКВД СССР была санкционирована единственная в своем роде операция по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 5 мая 1945 года № 00453 на территории провинции были сформированы восемь оперативных секторов НКВД СССР, которым были приданы части войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта и 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР [7: 60]. К началу июня 1945 года оперативными секторами НКВД СССР было арестовано 1280 человек, в том числе 446 агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника, диверсантов и террористов²⁴.

Однако операция по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента фактически не была завершена, так как части войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта вследствие осложнения оперативной обстановки были выведены в Литовскую ССР, а оставшиеся на территории провинции три полка 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР не могли полностью обеспечить проведение оперативных мероприятий на всей ее территории. Вместе с тем

находившимися на территории провинции оперативными группами НКВД СССР по состоянию на 1 сентября 1945 года были выявлены и ликвидированы 43 диверсионно-террористические группы, а также арестованы 3029 человек, в том числе 1072 агента разведывательных и контрразведывательных органов противника, диверсанта и террориста [9: 94, 113].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные органами и войсками НКВД СССР мероприятия по обеспечению безопасности тыла действующей Красной армии в период Восточно-Прусской стратегической операции и сразу же после ее окончания позволили в достаточно короткий срок пресечь на территории провинции деятельность диверсионно-террористических формирований, а также агентуры разведывательных и контрразведывательных органов противника, что в целом позволило в определенной степени стабилизировать оперативную обстановку. Вместе с тем проведение мероприятий по противодействию диверсионно-террористическому подполью не могло в полном объеме охватить всех лиц, завербованных германским командованием для проведения диверсионных и террористических акций на подконтрольной советским войскам территории. В силу этого обстоятельства в конце 1945 – начале 1946 года основной задачей органов НКВД – НКГБ в Восточной Пруссии являлось точечное выявление лиц, причастных к диверсионно-террористическим формированиям, и пресечение их деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 235. Оп. 2086. Д. 407. Л. 379.
- ² Отделение специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 65–66.
- ³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32901. Оп. 1. Д. 113. Л. 53.
- ⁴ РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 111. Л. 119–120.
- ⁵ Там же. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 97.
- ⁶ Там же. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 96.
- ⁷ Там же. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 169–169 об.
- ⁸ Там же. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 58. Л. 236.
- ⁹ Там же. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 155.
- ¹⁰ ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 245–245 об.
- ¹¹ РГВА. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 40. Л. 178, 180.
- ¹² Там же. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 117. Л. 162.
- ¹³ ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 181.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 176. Л. 252–252 об., 257 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 115. Л. 151.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 98.
- ¹⁷ Там же. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 113. Л. 41.
- ¹⁸ Там же. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 115. Л. 96.
- ¹⁹ Там же. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 36. Л. 78.
- ²⁰ Там же. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 174. Л. 138, 212.

- ²¹ Там же. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 174. Л. 94, 164; Ф. 38680. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 37, 49.
²² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 42–43.
²³ РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 171. Л. 47.
²⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 261.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией / В. П. Зимонин, Н. Ф. Азяцкий, В. А. Афанасьев и др. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
2. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). М.: Граница, 2008. 712 с.
3. История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: В 5 т. Т. 3. Войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945) / Ю. А. Марценюк, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2021. 480 с.
4. Кноп Г. «Дети» Гитлера. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 285 с.
5. Крети́н Г. В. Битва за Кенигсберг. Восточно-Прусская кампания 1944–1945 гг. М.: Яуза-каталог, 2022. 224 с.
6. Ченцов А. С. Применение войск НКВД СССР в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 1945 г. // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы VIII конференции. Петрозаводск: Издательский дом ПИН, 2023. С. 94–101.
7. Ченцов А. С. Факторы деятельности войск НКВД СССР в ходе Восточно-Прусской стратегической наступательной операции // Омский научный вестник. 2023. Т. 8, № 2. С. 59–65.
8. Ченцов А. С. Характеристика оперативной обстановки на территории Восточной Пруссии в январе – июне 1945 г. в документах войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск: Омский государственный технический университет, 2022. С. 238–244.
9. Щеглов А. М. Щит и меч Янтарного края. Калининград, 2021. 300 с.
10. Якимов С. А. Битва за Восточную Пруссию. 1944–1945 гг. Калининград: Аксиос, 2019. 664 с.
11. Biddiscombe P. Werwolf! The history of the national socialist guerilla movement, 1944–1946. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 1998. 456 p.
12. Dieckert K., Grossman H. Der Kampf um Ostpreussen. Ein authentischer Dokumentarbericht. München: Gräfe und Unzer Verlag, 1965. 227 S.
13. Mammach K. Der Volkssturm: Das letzte Aufgebot 1944/45. Köln: Pahl-Rugenstein, 1981. 215 S.

Поступила в редакцию 29.07.2024, принята к публикации 31.10.2024

Original article

Aleksey S. Chentsov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher,
Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow, Russian Federation)
aschentsov@mail.ru

FIGHTING THE ENEMY'S SABOTAGE AND TERRORIST UNDERGROUND IN EAST PRUSSIA

Abstract. The object of the research is the activities of the organs and troops of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in the territory of the German province of East Prussia against the sabotage and terrorist underground of the enemy in 1944–1945. The relevance of the topic is due to the insufficient study of this issue in both domestic and foreign historiography, which allows us to reveal little-known pages of the final period of the Great Patriotic War. The purpose of the study is to examine the composition of the German sabotage and terrorist underground, the main methods of its actions in the rear of the Red Army, as well as the forms of counteraction of the organs and troops of the NKVD of the USSR to sabotage and terrorist actions in the rear of the active army. The article is based on documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Russian State Military Archive, previously not introduced into scholarly circulation.

Keywords: Great Patriotic War, East Prussia, USSR's NKVD commissioners for war fronts, USSR's NKVD troops protecting the rear of the active Red Army, USSR's NKVD internal troops, German sabotage and terrorist formations

For citation: Chentsov, A. S. Fighting the enemy's sabotage and terrorist underground in East Prussia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1112

REFERENCES

1. The Great Patriotic War of 1941–1945: In 12 vols. Vol. 5. The victorious final. The final operations of the Great Patriotic War in Europe. The war with Japan. (G. N. Sevostyanov, Ed.). Moscow, 2013. 864 p. (In Russ.)
2. Ordeal by the war. Border troops (1939–1945). Moscow, 2008. 712 p. (In Russ.)
3. The history of the Russian law enforcement forces: from the internal guard of the Russian Empire to the troops of the National Guard of the Russian Federation: In 5 vols. Vol. 3. The troops of the NKVD of the USSR in the Great Patriotic War (1941–1945). (V. V. Zolotov, Ed.). Moscow, 2021. 480 p. (In Russ.)
4. Knopp, G. Hitler's "children". Moscow, 2004. 285 p. (In Russ.)
5. Kretinin, G. V. The battle for Königsberg. The East Prussian campaign of 1944–1945, Moscow, 2022. 224 p. (In Russ.)
6. Chentsov, A. S. The use of the USSR's NKVD troops in the East Prussian strategic offensive operation of 1945. *Historical readings on Andropova Street, 5. The history of security agencies*. Petrozavodsk, 2023. P. 94–101. (In Russ.)
7. Chentsov, A. S. Factors of activity of the troops of NKVD of the USSR during the East Prussian strategic offensive operation. *Omsk Scientific Bulletin*. 2023;2:59–65. (In Russ.)
8. Chentsov, A. S. Characteristics of the operational situation on the territory of East Prussia in January – June 1945 in the documents of the USSR's NKVD troops protecting the rear of the 3rd Belorussian Front. *The activities of Russian special services in the era of social cataclysms: Proceedings of the II all-Russian research and practice conference dedicated to Alexander M. Plekhanov and the 105th anniversary of the All-Russian Extraordinary Commission for Combatting Counterrevolution and Sabotage*. Omsk, 2022. P. 238–244. (In Russ.)
9. Shcheglov, A. M. Shield and sword of the "Amber Region". Kaliningrad, 2021. 300 p. (In Russ.)
10. Yakimov, S. A. The battle for East Prussia. 1944–1945. Kaliningrad, 2019. 664 p. (In Russ.)
11. Biddiscombe, P. Werwolf! The history of the national socialist guerilla movement, 1944–1946. Toronto, 1998. 456 p.
12. Dieckert, K., Grossman, H. Der Kampf um Ostpreussen. Ein authentischer Dokumentarbericht. München, 1965. 227 p.
13. Mammach, K. Der Volkssturm: Das letzte Aufgebot 1944/45. Köln, 1981. 215 p.

Received: 29 July 2024; accepted: 31 October 2024

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА САВЧЕНКО

аспирант кафедры истории России

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

(Симферополь, Российская Федерация)

nastyia.pecherskaya.88@mail.ru

МЕСТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается система мест принудительного содержания, а также ее роль в созданном нацистами режиме на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах. На основе использования широкого круга источников показано, что эта тема до сих пор не являлась предметом серьезного научного исследования. Установлено, что система мест принудительного содержания на территории Крыма включала в себя около 100 различных институций, среди которых можно выделить пять основных типов: лагеря военнопленных, тюрьмы и концлагеря полицейского аппарата, сборные пункты для еврейского и цыганского населения, трудовые лагеря и пересыльные лагеря для гражданского населения. Выявлено, что наиболее многочисленным типом являлись лагеря военнопленных. В них, а также в тюрьмах и концлагерях полицейского аппарата оккупанты уничтожили подавляющее большинство жертв нацистской репрессивной политики на территории Крыма. В большинстве мест принудительного содержания был установлен очень жесткий режим, который фактически делал их «лагерями смерти» (например, концлагерь в совхозе «Красный»). В результате проведенного исследования установлено, что нацистская система мест принудительного содержания выполняла в Крыму двоякую функцию: эксплуатации советского населения и военнопленных и их уничтожения в рамках колониальной политики нацистской Германии.

Ключевые слова: Крым, нацистская оккупация, места принудительного содержания, геноцид, военнопленные, Холокост, оstarбайтеры

Для цитирования: Савченко А. С. Места принудительного содержания на территории Крыма в период нацистской оккупации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 79–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1113

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших черт нацистской репрессивной политики являлось создание и функционирование так называемых мест принудительного содержания (концлагеря, лагеря военнопленных, тюрьмы и т. п.), где масштабы совершенных преступлений настолько колоссальны, что тяжело воспринимаются даже сейчас. После оккупации значительных территорий Советского Союза нацистами были созданы тысячи различных мест принудительного содержания, которые отличались по типологии, но были практически идентичны по способам и методам уничтожения узников: от подавления духа и достоинства человека – к его умерщвлению. Не был исключением и Крымский полуостров, где за годы оккупации нацисты создали широкую систему мест принудительного содержания.

Следует отметить, что в советской историографии эта тема фактически не была предметом

серьезного научного исследования. По понятным причинам основное внимание уделялось вопросам истории партизанско-подпольного движения, боевым действиям на фронтах, героизму бойцов и командиров и самоотверженности тружеников тыла. Проблема же репрессивной политики оккупантов, в частности по отношению к гражданскому населению и советским военнопленным, не была в фокусе внимания по двум причинам. Во-первых, большинство архивных источников, свидетельствующих о нацистских преступлениях, находились в архивах под грифом «Секретно», соответственно, изучение их попросту не представлялось возможным. Во-вторых, с политической точки зрения исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы и т. п. В целом в научном изучении этой проблемы советский период оказался малопродуктивным. Некоторые сюже-

ты репрессивной политики оккупантов, причем весьма скудные, можно было почерпнуть из обобщающих работ исследователей, где речь шла об установлении «нового порядка» на оккупированных территориях или о создании и функционировании мест принудительного содержания, где последний аспект, например, был отражен мало содержательно (см. [2]).

В современных условиях задачи сохранения исторической памяти и недопущения переписывания истории Великой Отечественной войны стали толчком к глубокому и всестороннему анализу репрессивной политики оккупантов и всех ее составляющих. Актуализировалось расследование преступлений нацизма, где исключительно важную роль играет осуществляемый в настоящее время Федеральный проект «Без срока давности», в ходе реализации которого идет процесс рассекречивания архивных документов, которые свидетельствуют о нацистских преступлениях на оккупированных советских территориях¹. Историкам представляется уникальная возможность исследовать новые источники, анализ которых крайне необходим для воссоздания полной картины нацистского оккупационного режима и его преступлений, которые не имеют срока давности. Анализ работ, изучающих оккупационный режим в Крыму, позволяет выделить ряд исследований современных российских историков, в которых раскрываются сущность, содержание, инструменты и методы проведения нацистской репрессивной политики на полуострове, направленной на массовое уничтожение и истребление советского гражданского населения и военнопленных. Так, можно отметить исследования С. В. Аристова, В. А. Константинова, М. Б. Кизилова, В. В. Бобкова, О. В. Романько, С. Н. Ткаченко и И. Н. Верешкова [1], [5], [6], [7], [8], [12], [13], [15], [16], [18]. В целом, анализируя состояние историографии исследуемой темы, можно сделать вывод, что во многих аспектах данной проблемы еще предстоит разобраться, так как в существующих научных изысканиях эта картина представлена недостаточно полно.

Таким образом, целью данной статьи является анализ системы мест принудительного содержания для советского гражданского населения и военнопленных, созданных и функционировавших на территории Крыма в период нацистской оккупации, а также условия пребывания в нацистских лагерях как отдельный аспект в изучении целенаправленной политики геноцида по отношению к народам СССР.

Места принудительного содержания являлись важнейшим инструментом репрессивной

политики нацистов на оккупированных территориях. На Крымском полуострове их число было довольно значительным – около ста различных институций. Типология мест принудительного содержания выглядела следующим образом: лагеря военнопленных, концлагеря и тюрьмы для гражданского населения, сборные пункты (для евреев, крымчаков и цыган), трудовые лагеря и лагеря оstarбайтеров.

Нацистская оккупация Крыма начинается с ноября 1941 года. По мере продвижения 11-й полевой армии Э. фон Манштейна потребность в местах содержания оборонявшихся Перекоп пленными красноармейцами приняла исключительный характер. Первыми (с начала ноября) создаются лагеря для советских военнопленных. В Крыму они подразделялись на дулаги (от нем. *Durchgangslager*) – пересыльно-сортировочные (транзитные) лагеря, шталагы (от нем. *Stammanschaftslager*) – стационарные для рядового и сержантского состава и так называемые лагеря-госпитали (лазареты) для военнопленных. Все они находились в подчинении командования вермахта в Крыму, в отличие от концлагерей и тюрем для гражданского населения, которые подчинялись полицейской администрации и начали создаваться практически одновременно [1: 109].

Наиболее многочисленные – дулаги – были транзитными лагерями, здесь происходила «сортировка» пленных с целью выявления особо важных лиц (командиров и др.), чьи показания могли быть полезными. Разумеется, такие офицеры подвергались тщательным допросам и жесточайшим пыткам. Однако дулаг не являлся первоначальным местом сортировки пленных на офицерский и рядовой состав. Изначально эта процедура проходила на самом месте пленения (на поле боя), где разоружали и отправляли на сборный пункт для первоначальной сортировки. После этой процедуры группу пленных направляли в дулаг. Основной задачей дулагов являлась разгрузка фронта от военнопленных и перевод их в тыловые районы для использования в качестве рабочей силы. В большинстве же случаев местом их последующего пребывания становились лагеря для военнопленных как на оккупированных нацистами территориях, так и на территории самой Германии, однако отмечались и случаи долговременного пребывания военнопленных в дулаге.

Дислокация лагерей военнопленных в оперативных районах изменялась по мере продвижения фронта на юг. Обычно местом расположения дулагов становились близлежащие от железнодорожных узлов территории, это было удобно для их дальнейшей транспортировки. В основном такие лагеря ограждались забором из колю-

чей проволоки высотой до трех метров с караульными вышками и будкой для лагерной охраны. Структура подобных лагерей представляется крайне нечеткой, однако из показаний свидетелей известно, что в лагере был комендант, но зачастую имени его никто не помнил. Контроль над соблюдением строгого порядка несла лагерная охрана, которая была вооружена. При некоторых лагерях были лазареты, однако больных там не лечили. Так, согласно архивным источникам, в лазаретах при Дулаге 241 и на территории 1-й Советской больницы (ныне больница им. Н. А. Семашко) в Симферополе немецкими врачами производились опыты над живыми советскими военнопленными².

Лагерь для советских военнопленных являлся частью нацистской репрессивной системы. Однако их узники – это несколько другая категория жертв, чем гражданское население. Здесь применялись довольно жестокие, даже по нацистским стандартам, условия пребывания и меры наказания, так как именно среди бывших военнослужащих могли возникнуть очаги сопротивления, что нередко приводило к бегству или восстанию узников. Для оккупантов было очень важно подавить подобные стремления.

Условия содержания советских военнопленных в лагерях впечатляют своей бесчеловечностью. В большинстве случаев проживали они прямо под открытым небом или в сырых, холодных помещениях. Зачастую это были бывшие склады или подвалы, которые ранее служили хранилищем для какого-либо инвентаря, оборудования или сельскохозяйственной продукции. Разумеется, никакие санитарные нормы здесь не соблюдались, а условия пребывания раненых и обессиленных красноармейцев намеренно ужесточались. Над военнопленными издевались, они подвергались регулярным побоям, их морили голодом. Кормили в лучшем случае один раз в день, гоняли на тяжелые и изнурительные работы, а тех, кто от истощения падал, расстреливали на месте. Свидетели Н. К. Исаева и Д. Д. Харченко так рассказывали об условиях содержания военнопленных в Дулаге 241:

«Военнопленных заставляли работать на разных тяжелых работах по благоустройству города, причем впрягали в подводы, как лошадей. Кормить этих военнопленных почти не кормили, а давали питание, но его нельзя было назвать питанием. В лагере давали отруби, разбавленные водой <...>»³.

Изнурительный режим содержания в условиях полной антисанитарии и заболеваний кишечными инфекциями, чрезмерного трудоиспользова-

ния военнопленных приводил к беспрецедентной смертности.

Всего на территории Крыма в годы нацистской оккупации было создано более 50 лагерей военнопленных и пять лазаретов, которые располагались по всей территории полуострова и являлись местами физического уничтожения людей [11: 81–123]. Наиболее густая их сеть была сосредоточена на территории Севастополя, Симферополя, Керчи и Феодосии, где из наиболее крупных можно выделить следующие.

По городу Симферополю:

Дулаг 241 (постоянный лагерь на территории бывшего овощехранилища «Картофельный городок») [14: 96]. Лагерь для военнопленных располагался по ул. Ж. Жигалиной, 11–15 (современная нумерация – 17), действовал в течение всего периода нацистской оккупации Крыма и был самым крупным по численности военнопленных⁴. Архивные источники свидетельствуют, что через него прошло до 140 тыс. красноармейцев⁵. Одновременно в лагере могло находиться до 6 тыс. человек, а ежедневно умирало около 50. Согласно сведениям советских комиссий, в течение ноября 1941 – начала 1942 года в концлагере мучительной смертью от голода, тифа и побоев погибло до 6 тыс. советских военнопленных⁶.

Пересыльный лагерь для военнопленных по ул. Гоголя, который располагался в смежном квартале с лагерем Дулаг 241 по ул. Ж. Жигалиной, 1–7 до пересечения с ул. Гоголя, 100. В лагере одновременно содержалось до 3,5 тыс. человек, поступающих в основном из «Картофельного городка» с целью дальнейшей отправки в лагерь на территории Украины и Германии⁷.

Пересыльный лагерь в помещениях бывшей тюрьмы по ул. Дзюбанова, 2–4 в Железнодорожном районе в 500 м от железнодорожной станции. В первые дни оккупации в лагерь прибыло до 3 тыс. военнопленных, в целом же порядок его функционирования был полностью идентичен с лагерем по ул. Гоголя⁸.

Всего в Симферополе функционировало семь лагерей для военнопленных.

По городу Севастополю:

Постоянный лагерь Шталаг 370, который находился весь период оккупации на юго-западной окраине Севастополя, на пустыре горы Рудольфа (в послевоенное время – гора Матюшенко). Начиная с лета 1942 года в лагере постоянно содержались несколько тысяч военнопленных, которые жили прямо под открытым небом. Пленников не кормили по несколько дней, поэтому в сутки умирало до 50 человек. Узники исполь-

зовались для разминирования, и ежедневно около 30 человек становились жертвами этой процедуры⁹.

Лагерь на Корабельной стороне г. Севастополя, который располагался в полуразрушенных помещениях полуэкипажа (учебного отряда) Черноморского флота. В лагере постоянно находилось до 1 тыс. советских военнопленных, от полного истощения ежедневно умирали по 20–30 человек. Известно, что в этом лагере умерло свыше 2 тыс. узников¹⁰.

Лазарет для больных и раненых советских военнопленных в бывшей тюрьме г. Севастополя. Существовал с 1 июля 1942 года по февраль 1943 года. За это время в лагере умерло свыше 2 тыс. человек¹¹.

Всего в Севастополе функционировало семь лагерей для военнопленных.

По городу Феодосии:

Лагерь на северной окраине города на пустыре действовал с лета 1942 года. Содержалось в нем не менее 10 тыс. советских военнопленных, поступающих с Керченского полуострова¹².

Лагерь на территории бывшего военного городка. Он занимал участок местности, ограниченный улицами Военной, Бульварной, Р. Люксембург и пер. Циолковского. Количество военнопленных в лагере постоянно превышало 1 тыс. человек¹³.

Всего в Феодосии функционировало четыре лагеря для военнопленных.

По городу Керчи:

Лагерь военнопленных в районе Бочарного завода функционировал с 1942 года. За весь период существования здесь было расстреляно, замучено и сожжено до 15 тыс. советских военнопленных [11: 105–106].

Всего на территории г. Керчи функционировало семь лагерей для военнопленных.

Последним по времени создания в списке крупнейших лагерей военнопленных являлся *Дулаг «Толле» близ города Бахчисарай*. Лагерь был расположен на территории площадью 20 гектаров, где одновременно с июля по сентябрь 1942 года содержались более 40 тыс. плененных красноармейцев и местных жителей Севастополя. Согласно архивным источникам, через этот лагерь прошло примерно 80 тыс. человек, из них расстреляно и замучено около 5,5 тыс.¹⁴

Такие же лагеря военнопленных, но более мелкие функционировали на территории Джанкоя, Евпатории, Ялты, а также населенных пунктов Ленинского, Красногвардейского, Краснопереконского, Советского и Кировского районов.

Одновременно с созданием лагерей советских военнопленных в ходе процесса установления так называемого «нового порядка», для умиротворения, запугивания и наказания местного населения, а также уничтожения элементов, оказывающих сопротивление нацистам (партизаны, подпольщики, коммунисты), создаются тюрьмы и концлагеря для гражданского населения. На территории Крыма за весь период оккупации существовало более 20 таких лагерей и приблизительно столько же тюрем.

Концлагеря для гражданского населения отличались от лагерей для военнопленных исключительно типом жертв – это было мирное население, которое так же подвергалось пыткам, издевательствам, побоям, расстрелам и угону на территорию Германии. Узниками таких лагерей становились зачастую участники и подозреваемые в организации антифашистского сопротивления (так называемые идеологические враги), люди, находившиеся под следствием и потенциально нелояльные «новому порядку». Определенное количество лагерей создавалось с целью концентрации местного населения перед принудительной отправкой в Германию, они назывались пересыльными лагерями для гражданского населения. Они действовали в Феодосии, Евпатории, Симферополе, Севастополе, поселках Щёлкино и Октябрьское, на станции Семь Колодезей. Безусловно, одновременно функционировали и лагеря, где мирные граждане пребывали постоянно и использовались на тяжелых физических работах. Это лагеря в Симферополе, Саки, Евпатории, Бахчисарае, деревне Баксы (Глазовка) и поселке Багерovo¹⁵.

Крупнейшим в Крыму по количеству узников и масштабам их уничтожения был *концлагерь*, созданный летом 1942 года *на территории бывшей птицефермы совхоза «Красный»*, который функционировал до конца оккупации и стал местом массового уничтожения гражданского населения. Как показывал свидетель А. П. Черный, рабочий совхоза «Красный»: «Ни один, попавший сюда, не уходил живым»¹⁶. Количество заключенных постоянно колебалось. Обычно пригонялись группы от 400 до 2 тыс. человек, которые уничтожались, после чего поступали новые партии¹⁷. В результате искусственно созданных невыносимо тяжелых условий (голод, отсутствие медицинской помощи, жестокие избиения и истязания) в этом лагере ежедневно умирали сотни советских граждан. Их тела не предавали земле, а обливали зажигательной смесью и сжигали на костре-крематории прямо под открытым небом, о чем свидетельствуют много-

численные архивные источники¹⁸. Только 27 октября – 2 ноября 1943 года в концлагере оккупанты уничтожили около 3 тыс. человек, а трупы расстрелянных сожгли. Это было первое массовое уничтожение узников. В ночь с 10 на 11 апреля 1944 года, при отходе немцев из города, была осуществлена полная ликвидация заключенных: уничтожено более 2 тыс. человек. Поодиночке и мелкими группами их расстреливали, сжигали, живыми сбрасывали в колодезь¹⁹. Когда закончилась последняя страшная ночь существования лагеря и он остался без охраны, выжившие заключенные (около 100 человек) свободно ушли. Всего за весь период существования концлагеря «Красный» нацисты уничтожили здесь свыше 15 тыс. узников, однако в связи с активизацией в настоящее время процесса рассекречивания архивных документов число жертв данного места репрессивной политики оккупантов неуклонно увеличивается [8: 383].

К одному из крупных мест принудительного содержания также следует отнести *концлагерь в районе Бахчисарая*, который располагался на северо-западной окраине дер. Эски-Юрт на территории бывшего скотного двора. Здесь содержались жители Бахчисарайского и Куйбышевского районов, и они также подверглись полному уничтожению при отходе немцев к Севастополю [4: 12–13].

Особой жестокостью известен *концлагерь для гражданского населения в дер. Баксы* (Глазовка), в котором содержалось более 300 женщин. Узницы, в отношении которых практиковались пытки и издевательства, были согнаны из Крыма, Кубани и Украины. Женщин принуждали к тяжелым физическим работам и физическому насилию, что привело к высокой смертности среди заключенных.

Что касается трудовых лагерей для гражданского населения, то они функционировали несколько по-иному. Здесь происходила сортировка заключенных и отбор трудоспособных для отправки на принудительные работы в Германию. Всего на территории Крыма существовало два лагеря подобного назначения и девять сборных пунктов:

Лагерь в Симферополе, который находился в районе железнодорожного вокзала станции «Симферополь». Известно, что с мая 1942 по апрель 1944 года из него было отправлено в Германию более 40 тыс. человек.

Лагерь для гражданского населения в Севастополе (Константиновский равелин) – еще одно крупное место концентрации и содержания гражданских лиц перед отправкой в Германию. Из-

вестно, что существовал он с 1942 по апрель 1944 года и одновременно в нем содержалось более 3 тыс. заключенных. На протяжении всего периода из лагеря производилась отправка оstarбайтеров.

Сборные пункты оstarбайтеров также находились в Севастополе, Симферополе, Черноморском, Феодосии, Ялте, Евпатории, Саках и поселке Октябрьское²⁰. Всего же за период с 1941 по апрель 1944 год с территории Крыма на принудительные работы в Германию было вывезено более 85 тыс. человек²¹.

Наряду с концлагерями местом заключения гражданского населения являлись тюрьмы как временного содержания (в течение следствия), так и длительного пребывания заключенных, где зачастую следующим пунктом становился концлагерь «Красный» или места массовых казней. Специальные органы (полиция безопасности и СД, охранная полиция и жандармерия), которые уже начали обустраиваться и функционировать с первых дней оккупации полуострова, систематически проводили облавы и обыски с целью выявления «подозрительных элементов», которые приводили к тюремному заключению. Как уже отмечалось выше, нацистами в годы оккупации было создано около 20 различных тюрем, где гражданские лица подвергались допросам и пыткам, унижению и издевательствам²².

Тюрьмы находились практически во всех крупных городах и районах Крыма. Из них наиболее значительными были следующие.

Тюрьма в Симферополе на улице Студенческой, 12 в здании бывшего педагогического института, где располагался карательный орган оккупационных властей – зондеркоманда 10-а полиции безопасности и СД. Тюрьма являлась центральным местом заключения, куда поступали арестованные граждане со всего Крымского полуострова, прежде всего партизаны и подпольщики. Об условиях пребывания в застенках главной тюрьмы свидетель Т. М. Трофименко, побывав там в качестве подозреваемой в участии в молодежной подпольной организации, рассказывала следующее:

«<...> Вместе со мной в 20-й камере содержалось около 25 женщин, арестованных немцами. Многих из этих женщин брали на допрос и по возвращении в камеру они были неузнаваемы от пыток и побоев. Их били во время допроса резиновыми плетками с металлическими наконечниками. Потом уводили их в камеры, о дальнейшей судьбе которых ничего не известно. Находясь в камере, я наблюдала в окно через решетку, как расправлялись немцы с арестованными, когда вели их с допроса в камеру, били их са-

погами, они падали, их поднимали и снова били. <...> Мы также видели в скважину двери, когда по коридору тюрьмы немцы выводили арестованных с завязанными сзади руками металлической проволокой, садили их на грузовые крытые машины и куда-то отправляли. Некоторых заключенных, в том числе и меня, немцы вывезли из СД в концлагерь, расположенный в совхозе “Красный”, там нас использовали на черновых работах и постепенно группами вывозили и расстреливали <...>»²³.

Тюрьма в Севастополе – тюрьма СД, которая располагалась в полуразрушенном здании НКВД. Являлась местом заключения и проведения предварительного следствия. В случае установления фактов сотрудничества с партизанами или участия в подпольной деятельности, узники уничтожались или переводились для доследования в центральную тюрьму Крыма в г. Симферополь, о которой говорилось выше.

Из показаний свидетелей С. В. Арифова и У. Т. Боснаева:

«Все советские граждане, содержащиеся в тюрьмах гор. Симферополя <...> из тюрьмы выпущены не были, а за несколько дней перед отступлением немцев из города все они были расстреляны <...>»²⁴.

По мере установления оккупации на любой территории нацисты начинали уничтожение так называемых «расово неполноценных элементов», к которым, согласно их расовой теории, относились евреи и цыгане. Эти этнические группы подлежали полному уничтожению [17: 219]. В Крыму к евреям и цыганам нацисты добавили крымчаков – тюркизированных иудеев, которые проживали на полуострове начиная со Средневековья. С середины ноября 1941 года во всех городах Крыма была проведена регистрация евреев и крымчаков. С конца ноября 1941 года в Симферополе, Керчи, Евпатории, Джанкое, Феодосии и Ялте были выпущены приказы об их обязательной явке на сборные пункты. За неявку полагался расстрел. Всего на территории Крыма было открыто семь таких сборных пунктов. В Симферополе – три места сбора еврейского населения, крымчаков и цыган: в помещениях медицинского института по бульвару Ленина, по ул. Студенческой, 10 и по ул. Гоголя, 14. В Керчи, Евпатории, Джанкое и Феодосии – по одному. В Ялте появилось единственное в Крыму еврейское гетто – место принудительного содержания и одновременно временного пребывания конкретно этой этнической группы. В начале ноября 1941 года Ялта была оккупирована, а уже 5 декабря все евреи города переселились в гетто, которое было создано на территории бывших Массандровских казарм по ул. Караимской, 6 (ныне пер. Свердлова, 6).

18 декабря 1941 года всех евреев вывезли оттуда на 4-ю балку и расстреляли. По архивным данным, были уничтожены около 1,5 тыс. человек [9: 64, 67].

В целом массовые расправы над евреями, крымчаками и цыганами начались уже в конце ноября 1941 года и продолжались до августа 1942 года, в результате чего примерно из 40 тыс. евреев, 7 тыс. крымчаков и более 2 тыс. цыган, оставшихся в Крыму на момент начала оккупации, были уничтожены практически все [3: 117], [10: 287].

В сентябре 1945 года, уже после окончания оккупации Крыма, республиканская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков выпустила итоговый доклад, где подводились итоги нацистской репрессивной политики. В частности, там указывалось, что за годы оккупации нацисты расстреляли и замучили в Крыму около 72 тыс. мирных жителей, примерно 18 тыс. убили в тюрьмах и концлагерях, уничтожили разными способами около 45 тыс. советских военнопленных, а более 85 тыс. человек сделали остарбайтерами. Таким образом, это более 219 тыс. человек, подавляющее большинство которых прошли через систему мест принудительного содержания²⁵.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно констатировать, что созданная нацистами система являлась одним из главных инструментов оккупационной политики, что позволяло немецким властям решать одновременно комплекс задач, став обязательным элементом аппарата насилия после первого этапа оккупации. Входившие в нее тюрьмы и лагеря всех типов выполняли двоякую функцию. Они одновременно позволяли эксплуатировать и уничтожать гражданское население и военнопленных, бороться с подпольно-партизанским движением и служить предостережением для нелояльных, которые потенциально могли выступить против нацистского «нового порядка».

С течением времени и по мере отдаленности от событий Великой Отечественной войны эта трагедия стала предаваться забвению. Поэтому работа, начатая на современном этапе историками и архивистами по публикации ранее засекреченных документов о нацистских злодеяниях и введению их в научный оборот, важна и востребована в целях сохранения исторической памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Проект «Без срока давности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://безсрокадавности.рф/> (дата обращения 05.03.2024).
- ² Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 4. Л. 163–170.
- ³ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Л. 72–75.
- ⁴ Память... Интерактивная карта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://память.su/map> (дата обращения 19.03.2024).
- ⁵ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Л. 49; Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁶ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 8. Л. 187–189.
- ⁷ Там же. Л. 189.
- ⁸ Там же. Л. 190.
- ⁹ Там же. Л. 192–193.
- ¹⁰ Там же. Л. 193–194.
- ¹¹ Там же. Л. 195.
- ¹² Там же. Л. 197.
- ¹³ Там же. Л. 198.
- ¹⁴ Слава труду. 2015. № 31–33. 27 марта. С. 3.
- ¹⁵ Память... Интерактивная карта...
- ¹⁶ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2а. Л. 1.
- ¹⁷ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Симферополь: Доля, 2010. Т. 2. С. 369.
- ¹⁸ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 1. Л. 50, 55; Д. 2. Л. 1–2; Д. 4. Л. 65.
- ¹⁹ Архив города Севастополя. Ф. Р-632. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
- ²⁰ Память... Интерактивная карта...
- ²¹ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
- ²² Там же. Д. 65. Л. 43.
- ²³ Нацистские лагеря смерти... С. 325–326.
- ²⁴ Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Л. 50.
- ²⁵ ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристов С. В. TERRA INCOGNITA: система нацистских концлагерей на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Яуза-каталог, 2022. 432 с.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Город Севастополь: Сб. архивных документов / Отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева. Белгород: Белгородская областная типография, 2021. 384 с.
3. Берлин Б. Г. История Крымской трагедии. К вопросу о холокосте в Крыму // Крымский архив. 2015. № 4 (19). С. 114–127.
4. Борисов В. Н. Заметки о Бахчисарае периода немецко-румынской оккупации 1941–1944 годов (первая редакция). Бахчисарай, 2019. 31 с.
5. Верешков И. Н., Романько О. В. Фонд 100 архива УФСБ по Республике Крым и г. Севастополь как источник по истории нацистской репрессивной политики на территории Крыма: обзор документов и материалов // Вестник архивистов Крыма. Симферополь: Антиква, 2022. Т. 6. С. 73–76.
6. Верешков И. Н. Расследование военных преступлений немецко-фашистских оккупантов в Крыму органами безопасности // Историческое наследие Крыма. Симферополь: Антиква, 2021. С. 13–23.
7. Кикнадзе В. Г., Романько О. В., Саенко А. С. [и др.]. Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. М.: Прометей, 2024. 990 с.
8. Константинов В. А., Кизилев М. Б., Бобков В. В. «Красный». История нацистского лагеря смерти. Симферополь: АРИАЛ, 2021. 412 с.
9. Круглов А. И. Хроника Холокоста в Украине. Запорожье: Премьер, 2004. 208 с.
10. Крым. Страницы истории с древнейших времен и до наших дней / Под ред. В. Н. Рудакова. М., 2019. 424 с.
11. Лагерь смерти: совхоз «Красный» / Сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь: Антиква, 2015. 224 с.
12. Места массовых репрессий советских граждан и военнослужащих немецко-румынскими оккупантами в 1941–1944 гг. на территории Крымского полуострова: Пояснительная записка к обзорной карте / Сост. С. Н. Ткаченко, О. Н. Шеремет, В. Н. Борисов. Симферополь, 2022. 114 с.

13. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.
14. Савченко А. С. Дулаг 241 в нацистской системе «мест принудительного содержания» на территории Крыма (1941–1944 гг.) // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 240-летию включения Крыма в состав Российской империи: Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. С. Б. Филимонова. Симферополь, 2023. С. 94–100.
15. Ткаченко С. Н. Известные факты геноцида жителей Крымской АССР и военнопленных немецко-румынскими оккупантами // Историческое наследие Крыма. Симферополь: Антика, 2023. С. 140–151.
16. Ткаченко С. Н., Верешков И. Н. Победа и трагедия. Освобождение Старого Крыма в апреле 1944 г.: известные факты и новейшие данные. Симферополь: Антика, 2023. 106 с.
17. Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. СПб.: Питер, 2021. 570 с.
18. Яковлев Е. Н. Нацистский геноцид народов СССР. Известные страницы. М.: ИД «Комсомольская правда», 2024. 400 с.

Поступила в редакцию 03.06.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Anastasia S. Savchenko, Postgraduate Student, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
nastya.pecherskaya.88@mail.ru

PLACES OF FORCED DETENTION IN CRIMEA DURING THE NAZI OCCUPATION

Abstract. The article explores the system of forced detention facilities in occupied Crimea and its role within the Nazi regime from 1941 to 1944. Drawing on a wide range of literature and sources, it highlights that this subject has not yet received significant scholarly attention. The research identifies approximately 100 distinct institutions serving as places of forced detention in Crimea, which can be categorized into five main types: prisoner of war camps, prisons and concentration camps of the police apparatus, collection centers for Jewish and Romani populations, labor camps, and transit camps for civilians. Notably, prisoner of war camps constituted the largest category. Within these camps, as well as in prisons and concentration camps of the police apparatus, the occupiers executed the majority of those who fell victim to Nazi repressive policies in Crimea. Most of these forced detention sites operated under extremely harsh conditions, effectively rendering them “death camps” (as exemplified by the concentration camp at the Krasny state-owned farm). This research ultimately reveals that the Nazi system of forced detention facilities served a dual purpose in Crimea: the exploitation of Soviet citizens and prisoners of war, as well as their extermination, all part of Nazi Germany’s colonial policy.

Key words: Crimea, Nazi occupation, places of forced detention, genocide, prisoners of war, Holocaust, Ostarbeiter

For citation: Savchenko, A. S. Places of forced detention in Crimea during the Nazi occupation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):79–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1113

REFERENCES

1. Aristov, S. V. TERRA INCOGNITA: the system of Nazi concentration camps in the occupied territory of the USSR (1941–1944). Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
2. No statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. The city of Sevastopol: Collection of archival documents. (E. P. Malyshev, E. M. Tsunaeva, Eds.). Belgorod, 2021. 384 p. (In Russ.)
3. Berlin, B. G. History of the Crimean tragedy. Holocaust. *Crimean Archive*. 2015;4(19):114–127. (In Russ.)
4. Borisov, V. N. Notes on Bakhchisaray during the German-Romanian occupation of 1941–1944 (first edition). Bakhchisaray, 2019. 31 p. (In Russ.)
5. Vereshkov, I. N., Romanko, O. V. Collection 100 of the archives of the Federal Security Service Directorate for the Republic of Crimea and Sevastopol as a historical source for studying the Nazi repressive policy in the territory of Crimea: review of documents and materials. *Bulletin of Crimean archivists*. Simferopol, 2022. Vol. 6. P. 73–76. (In Russ.)

6. Vereshkov, I. N. Security agencies' investigation of war crimes committed by German fascist occupiers in Crimea. *Historical heritage of Crimea*. Simferopol, 2021. P. 13–23. (In Russ.)
7. Kiknadze, V. G., Romanko, O. V., Saenko, A. S. [et al.]. Genocide of the peoples of Russia. Crimes against Soviet civilians and prisoners of war during the Great Patriotic War. Moscow, 2024. 990 p. (In Russ.)
8. Konstantinov, V. A., Kizilov, M. B., Bobkov, V. V. Krasny. The history of the Nazi death camp. Simferopol, 2021. 412 p. (In Russ.)
9. Kruglov, A. I. The chronicle of the Holocaust in Ukraine. Zaporozhye, 2004. 208 p. (In Russ.)
10. Crimea. Pages of history from ancient times to the present day. (V. N. Rudakov, Ed.). Moscow, 2019. 424 p. (In Russ.)
11. Death camp at the Krasny state-owned farm. (G. N. Grzhibovskaya, Comp.). Simferopol, 2015. 224 p. (In Russ.)
12. Places of mass repressions of Soviet citizens and military personnel by the German-Romanian occupiers in 1941–1944 in the territory of the Crimean Peninsula: Explanatory note to the overview map. (S. N. Tkachenko, O. N. Sheremet, V. N. Borisov, Eds.). Simferopol, 2022. 114 p. (In Russ.)
13. Romanko, O. V. Crimea during the German occupation. National relations, collaboration, and the Partisan movement. 1941–1944. Moscow, 2014. 414 p. (In Russ.)
14. Savchenko, A. S. Dulag 241 in the Nazi system of “places of forced detention” in the territory of Crimea (1941–1944). *Current issues of history, historiography, and source studies of the South of Russia: celebrating the 240th anniversary of incorporating Crimea into the Russian Empire: Proceedings of the regional research conference*. (S. B. Filimonov, Ed.). Simferopol, 2023. P. 94–100. (In Russ.)
15. Tkachenko, S. N. Unknown facts about the genocide of residents of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic and prisoners of war by German-Romanian occupiers. *Historical heritage of Crimea*. Simferopol, 2023. P. 140–151. (In Russ.)
16. Tkachenko, S. N., Vereshkov, I. N. Victory and tragedy. Liberation of Stary Krym in April 1944: known facts and latest data. Simferopol, 2023. 106 p. (In Russ.)
17. Yakovlev, E. N. The war of extermination. The Third Reich and the genocide of Soviet people. St. Petersburg, 2021. 570 p. (In Russ.)
18. Yakovlev, E. N. Nazi genocide of the peoples of the USSR. Unknown pages. Moscow, 2024. 400 p. (In Russ.)

Received: 3 June 2024; accepted: 30 September 2024

ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ ЧУНИН

аспирант кафедры новейшей истории России
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0009-0003-1900-9531; pomor1996@gmail.com

«ОЛЕНЕМАНИЯ» В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ МУРМАНСКОГО ОКРУГА НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х ГОДОВ

А н н о т а ц и я . Процесс коллективизации оленеводческих хозяйств в «туземных районах» Мурманского округа Ленинградской области на рубеже 1920–1930-х годов на сегодняшний день описан преимущественно с позиций советской исторической науки. По этой причине проблемные вопросы, связанные с организацией коллективных хозяйств в этот период, долгое время оставались в тени идеологических оценок и на сегодняшний день нуждаются в более тщательном историческом анализе. Цель исследования – раскрыть сущность так называемой «оленемании» в руководстве Мурманского округа в первые годы коллективизации и выявить проблемы системного характера, оказывавшие существенное влияние на проведение политики коллективизации. Сохраняющееся на территории региона современное крупнотабунное оленеводство во многом является результатом советских преобразований в тундре. Вызовы, связанные с трансформациями рубежа XX–XXI столетий, и испытываемые по сегодняшний день в оленеводческих хозяйствах кризисные явления актуализируют обращение к опыту формирования системы оленеводства, основы которой были заложены в 1930-е годы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : оленеводство, коллективизация, совхоз, «туземный район», Мурманский округ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Чунин П. А. «Оленемания» в аппарате управления Мурманского округа на рубеже 1920–1930-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 88–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1114

ВВЕДЕНИЕ

«Оленемания» – термин, употребленный в конфиденциальном письме¹ за январь 1931 года, которое было адресовано Первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирову партийным работником, командированным из областного центра в Мурманский округ. Отчасти именно так можно охарактеризовать попытки руководства Окружного исполнительного комитета (Окрисполкома) и окружного комитета ВКП(б) обеспечить форсированные темпы коллективизации в отдаленных районах с преобладающим оленеводческим населением.

Понятие «туземный район», вошедшее в официальный язык государственного делопроизводства в 1920-е годы, являлось прямым отражением национальной политики советской власти, проводимой на Крайнем Севере, которая включала в себя не только «культурные мероприятия»², но и создание новой системы управления отдаленными территориями с кочевым населением. В этом контексте коллективизация за полярным кругом стала одной из наиболее болезнен-

ных трансформаций для традиционных обществ северных народов СССР в XX веке.

Процесс коллективизации оленеводческих хозяйств в Мурманском округе Ленинградской области в работах советского периода историографии претерпевал эволюцию в соответствии с идеологической линией. Несомненно, в трудах советских авторов [5], [8] содержался значительный фактографический материал, позволяющий воспроизвести обобщенную картину преобразований в «советской тундре». Но в целом коллективизация представлялась исключительно как череда «побед» над «отсталостью» и «кулачеством», которые лишь в начальный период сопровождались определенными «перегибами и извращениями». Так, в работе А. А. Киселева, опубликованной в годы перестройки, можно встретить тезисы о классовой борьбе [5: 70], которые в целом соотносятся с аналогичными оценками в кандидатской диссертации В. К. Гудзенко 1954 года³.

Сегодня тема коллективизации и непосредственно процесса организации колхозов в 1930-х годах на территории Мурманского округа прак-

тически не переосмыслена концептуально [11: 51]. Стоит отметить, что в работе Ю. Н. Константинова [15] была выдвинута теория о влиянии колхозной системы на повседневную жизнь оленеводов Кольского полуострова, в рамках которой происходило инкорпорирование элементов частного хозяйства оленеводов в колхозную систему и использование обобществленного имущества в личных целях. Поднималась проблема отождествления «кооперативного» (относящего к эпохе НЭПа) и «совхоистского» этапа истории саамов [15: 112], периода, когда оленеводческое население тундры активно применяло практику эксплуатации и манипулирования обобществленной собственностью для укрепления благосостояния отдельных хозяйств. Однако в исследовании акцент был сделан на социально-антропологических аспектах, значительное внимание уделялось бытовым сюжетам жизни оленеводов в 1980–1990-е годы.

Опубликованные в последние три десятилетия работы преимущественно касались области этнографии [4], социальной антропологии [14], затрагивали тему политических репрессий [10] в отношении коренных малочисленных народов. Коллективизация не являлась в них центральной исследовательской проблемой, а присутствовала лишь в качестве контекста эпохи.

На современном этапе оленеводство на территории Мурманской области продолжает испытывать кризисные явления [6: 24] после распада прежней хозяйственной системы, одновременно демонстрируя некоторые тенденции к стабилизации [3: 31]. По этой причине важно актуализировать опыт хозяйственной деятельности в тундре в момент формирования советской системы оленеводства в условиях, когда в регионе по-прежнему сохраняются сельскохозяйственные производственные кооперативы, фактически являющиеся правопреемниками советских совхозов и колхозов.

При рассмотрении процесса коллективизации в округе был использован системный подход, позволивший проанализировать мероприятия государственной политики в отношении оленеводческого населения. В качестве основы данного исследования были избраны принцип историзма и историко-сравнительный метод, использовавшийся при описании деятельности аппарата управления в «туземных районах» Мурманского округа.

Источниковой базой работы стали преимущественно архивные фонды Государственного архива Мурманской области: Ф. П-2 (Мурманский окружной комитет ВКП(б)), Ф. Р-162 (Мур-

манский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и рыбацких депутатов), Ф. Р-170 (Отдел рабоче-крестьянской инспекции), Ф. Р-177 (Мурманское окружное земельное управление), Ф. Р-213 (Окружная плановая комиссия).

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОМ НАСЕЛЕНИИ В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ ОКРУГА

В советской концепции коллективизации одними из господствующих оставались тезисы о целенаправленном вредительстве со стороны «контрреволюционных сил»⁴ и упорном сопротивлении кулачества [5: 69]. Наряду с этим упоминались и сложности в управлении колхозной системой, связанные с «кабинетным руководством» [8: 151], формальным подходом со стороны органов исполнительной власти и партийного аппарата округа. Однако одним из первостепенных для марксистско-ленинского подхода являлся все же идеологический фактор. Соответственно, проблемные вопросы, связанные с организацией и первыми годами деятельности оленеводческих коллективных хозяйств и не укладывавшиеся в идеологические рамки, не становились предметом подробного исторического анализа. К числу таких вопросов следует отнести идею об ускоренном характере коллективизации среди оленеводческого населения, имевшую распространение среди окружного и районного руководства и базировавшуюся на упрощенных этнографических представлениях, а также на сохранявшихся элементах архаичных социальных и хозяйственных отношений после распада территориально-семейной общины [7: 103]. Идея о традициях коллективного труда, которые могут способствовать ускоренному процессу коллективизации, фигурировала в документах данного периода в среде областного⁵ и окружного аппарата управления. При этом, как и в других районах [12: 148] Крайнего Севера с кочевым населением, при проведении данной политики игнорировались сохранявшиеся «пережитки религиозных воззрений и суеверий»⁶, к примеру культ оленя, его место в картине мира жителей тундры [2: 88]. Так, в рамках отчетного доклада, составленного в 1928 году руководителем Мурманского Комитета Севера В. К. Алымовым для Окрисполкома, в заключительных положениях фигурировал вывод о том, что необходимость организации коллективных хозяйств «вытекает из сущности лопарского быта»⁷. В проекте плана коллективизации рыболовецких и оленеводческих хозяйств Мурманского округа от 1929 года, также

составленного В. К. Алымовым, значился следующий тезис:

«Строительство оленеводческих колхозов возможно вести темпом более быстрым, чем рыбацких и сельскохозяйственных <...> этому способствует сохранившаяся у лопарей общность труда»⁸.

В дальнейшем это же заключение⁹ отразилось уже в документах Мурманского окружного союза смешанных (интегральных) кооперативов (Интегралсоюза), в записке «Об организации оленеводческих хозяйств в Мурманском округе в 1928/29–1932/33 гг.», которая фактически являлась копией упомянутого плана. Схожие оценки о предрасположенности оленеводческого населения к коллективному труду можно встретить в письме Е. Г. Байнера, который был врачом в с. Ловозеро – райцентре одного из «туземных районов». Опираясь на свои наблюдения, он указывал на наличие формы «первобытной коллективизации оленеводческого хозяйства у лопарей»¹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что в действительности присущее саамам чувство коллективизма [4: 42], неоднократно описанное этнографами, имело определенные рамки. К началу XX века у кочевого населения тундры уже сформировалось представление «о своих землях» и своеобразное «чувство собственности»¹¹, в связи с этим традиции коллективного труда необходимо рассматривать в контексте существовавших отношений, когда система хозяйствования была тесно связана с природным циклом, то есть до активного внешнего вмешательства в традиционную жизнь населения тундры. Поэтому на сегодняшний день рассмотренная точка зрения представляется как минимум дискуссионной. Однако на рубеже 1920–1930-х годов, учитывая тесное взаимодействие Комитета Севера с Окружным земельным управлением (Окрземом), а также дальнейшую реорганизацию этого органа – фактическое включение его в состав плановой комиссии [9: 15], перечисленные документы, вероятно, не оставались без внимания со стороны руководства округа и могли, помимо общесоюзной политики и директив областного центра, влиять на проведение кампаний по коллективизации в «туземных районах»¹².

«ОЛЕНЕМАНИЯ» В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Характерным примером этих убеждений может служить динамика коллективизации оленеводческих районов в начале 1930-х годов, неоднократно описанная в работах советских [8: 150] и современных исследователей [13: 65]. Типичным образчиком «оленемания» в отношении тундровых погостов округа выступают также данные

1930 года, содержащиеся в информполитсводке о ходе коллективизации. В частности, в документе отмечалось, что из 252 хозяйств Ловозерского района по состоянию на 20 февраля коллективизировано восемь, или 3,1 %, одновременно подчеркивалось, что приведенные данные «не соответствуют сегодняшнему дню»¹³ и оленеводческие хозяйства указанного района на момент составления сводки коллективизированы уже на 100 %.

В качестве следующего примера можно указать доклад 1931 года «Перспективы развития хозяйства Мурманского округа»: в тексте документа, с учетом общесоюзной конъюнктуры, допускалась возможность довести общую численность поголовья оленей до 150 000 к концу десятилетия и в перспективе увеличить эту цифру еще в полтора раза¹⁴. Современные оценки предельной допустимой численности поголовья домашнего оленя определяются примерно в 80 000 голов – это связывается с серьезной нагрузкой на экосистему тундры и риском истощения пастбищных земель при крупнотабунном оленеводстве [6: 23]. Одним из итогов данного подхода в первые годы проведения коллективизации в округе стало временное снижение поголовья домашнего оленя. К этому привел целый ряд обстоятельств объективного характера, связанных с отсутствием материальной базы, зоотехнической части и кадрового обеспечения в оленеводческих колхозах, наряду с политическими кампаниями в тундре. Так, в колхозной системе округа и созданном оленеводческом совхозе число оленей сократилось с 61 700 голов в 1931 году до 52 500 к 1932 году, что было отмечено в Постановлении коллегии Народного комиссариата земледелия РСФСР от 9 апреля 1933 года¹⁵.

Необходимо подчеркнуть, что упомянутая в письме на имя С. М. Кирова «оленемания» во многом касалась деятельности оленеводческого совхоза, учрежденного Ленинградским областным отделением Госторга в январе 1930 года. Процесс его организации и деятельность первых лет описаны довольно кратко [5: 73]. Однако данное хозяйство представляло значимость для областного и окружного руководства, так как его продукция, в первую очередь шкура оленя, поставлялась на внешний рынок, из стада олене-совхоза выделялся «экспортный контингент»¹⁶. Параллельно с этим в тех же целях совхоз занимался разведением пушного зверя в других районах округа.

Совхоз был расположен относительно близко к окружному центру: восточная его граница проходила фактически по берегу Кольского залива, летние кочевья располагались на п-ове Рыбачий и в районе р. Западная Лица, зимние кочевья про-

стирались до предгорий Хибин – района Чуна-Тундры¹⁷. С точки зрения «ягелеустройства» этот обширный район к 1929 году был изучен довольно слабо. Запасы ягеля определялись по упрощенной формуле и оценивались в 32,5 млн тонн, а примерная площадь кормовой базы исчислялась путем исключения из территории округа «болот, прибрежной и прижелезнодорожной полосы»¹⁸ и на основании показаний оленеводов. Спустя полтора года после организации совхоза в протоколе совещания при Мурманском Окрземе за 1931 год отмечалось, что ягелеустройство в районах, относящихся к совхозу, планируется начать в текущем году и продолжить в следующем¹⁹. Соответственно, процесс, связанный с исследованием кормовой базы, растянулся на несколько лет, что приводило в неверным прогнозам по увеличению поголовья стада. Здесь, как и в случае с коллективными хозяйствами, созданными в «туземных районах», отчетливо прослеживается попытка резко увеличить поголовье оленей, несмотря на слабую изученность зоотехнического и ветеринарного аспекта, а также фрагментарную информацию о кормовой базе. Перечисленные факты неоднократно фиксировались в документах органов исполнительной власти округа в начале 1930-х годов²⁰.

Говоря о динамике организации совхоза, подчеркнем, что только за первые несколько месяцев с момента его учреждения количество планируемого поголовья оленьего стада увеличивалось трижды. В январе 1930 года речь шла о 1000–1200 оленях²¹, в феврале цифра возросла до 3000²², в апреле Мурманский окрисполком разрешал закупку уже «до 6000 оленей в текущем году»²³. При этом еще в конце 1929 года в письме Мурманскому окрисполкому представители Госторга подчеркивали, что

«трудность организации оленных хозяйств прежде всего заключается в создании первого звена, вследствие стремления нового стада разбегаться к старым пастбищам, даже при хороших пастухах»²⁴.

Это опасение полностью подтвердилось через год, когда крупные стада, приобретенные в восточных районах округа и изъятые у «кулаков», «разбредались на старые пастбища»²⁵.

Летом 1931 года поголовье оленсовхоза Госторга достигло 10 500 оленей. В этот период хозяйство продолжало испытывать системные трудности²⁶, в том числе проблемы в борьбе с эпизоотиями, в частности так называемой копыткой (некробациллезом), ощущался дефицит ветеринарных кадров, не был достроен ветеринарный пункт, требовалась усиленная борьба с хищниками. Перечисленные факты привели к снижению

поголовья стада оленсовхоза к концу 1932 года на 4000 голов²⁷.

В то же самое время в Окрземе и Мурманском молочно-животноводческом союзе зрела идея о возможности использования оленьего молока для «выработки из него сыра, масла и других продуктов»²⁸. Согласно данным протокола заседания при Окрземе от 29 июня 1931 года, предполагалось включить в производственные планы совхозов и колхозов на 1932 год выработку указанных продуктов и выделить на дойку молока не менее 1000 важенок²⁹. Это предложение в конечном счете было ограничено рамками эксперимента с выделением 20 важенок, «рентабельность мероприятия»³⁰ была поставлена под сомнение. Проследить дальнейшую судьбу данного сельскохозяйственного опыта на сегодняшний день не удалось. Рассмотренная попытка перейти к массовому производству оленьей молочной продукции на фоне системных трудностей при организации совхоза являлась очередной иллюстрацией «оленемании» со стороны аппарата управления округа.

КАДРОВО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Обращаясь к проблемным вопросам коллективизации «туземных районов», необходимо выделить проблему управления со стороны органов исполнительной власти в начале 1930-х годов, а также проблему кадрового обеспечения, которые в рамках советской концепции коллективизации неизменно оставались в тени «грубейших извращений политики партии на Крайнем Севере»³¹. Так, комиссия Рабоче-крестьянской инспекции, посетившая в январе – феврале 1930 года оленеводческие Ловозерский и Понойский районы, отмечала целый ряд фактов, свидетельствующих о слабой степени управляемости отдаленными территориями.

В Понойском районе председатель районного исполнительного комитета (РИК) после получения директивы Окрисполкома «О коллективизации Мурманского округа» от 21 октября 1929 года по причине отсутствия должной связи, дошедшей лишь к концу декабря, ограничился тем, что ознакомился с документом лично, не доведя его содержание до населения района. Представителям окружного центра председатель «тов. Долгих откровенно заявил, что в колхоз не пойдет, т. к. не желает работать вместе с лодырями»³². Комиссия отмечала также, что работа по коллективизации «рыбачко-оленеводческих хозяйств» не проводилась в принципе, ни на уровне сельсоветов района, ни РИКом³³.

Существенной проблемой в рассматриваемый период стоит признать уровень грамотности мест-

ного звена советского аппарата управления в «туземных районах», а также административного состава колхозов. В Понойском районе из четырех председателей сельсоветов один был «совершенно неграмотным»³⁴, остальные относились к категории малограмотных. Так, в протоколе по чистке советского аппарата в погосте Йоканьга фиксировалось, что председатель местного сельсовета, исполнявший одновременно и функции секретаря, саам Е. Е. Матрехин, 1911 г. р., фактически не имевший опыта руководящей работы, «в день приезда комиссии был в пьяном состоянии – праздновал Новый год»³⁵.

В Ловозерском районе комиссией по проверке и чистке советских учреждений отмечалось, что председатель РИКа, ижемец-оленовод М. Тереньтев имел «низшее» образование, не обладал авторитетом³⁶ в момент создания коллективных хозяйств, взаимодействуя с кооперативными организациями и оленеводческим опорным пунктом. До начала коллективизации основой экономической жизни райцентра выступало районное промышленно-потребительское общество (ППО), в котором население имело возможность реализовывать продукцию через имевшийся «замшевый завод» и пайщиками которого являлись 100 % жителей с. Ловозеро (369 человек). Отмечалось, что председатель ППО не желал выстраивать коммуникацию с председателем РИКа и «послал его не в литературную область слов»³⁷.

Трудности, связанные с уровнем грамотности административного аппарата оленеводческих колхозов, отражены и в документах за 1931 год. Подчеркивалось, что председатели колхозов малограмотные³⁸; в одной из информполитсводок отмечалось, что во многих колхозах округа отсутствует статистический и финансовый учет, в отдельных случаях грамотных счетоводов нет в принципе, и «особенно тяжело это отражается на национальных отсталых лопарских районах»³⁹. По данным Округного союза оленеводческо-животноводческих колхозов из 13 коллективных хозяйств, входивших в систему союза, семь не имели счетного аппарата и не вели учет трудней⁴⁰. К примеру, в Кольско-Лопарском районе протокол заседания Пулозерского сельсовета от 23 декабря 1931 года фиксировал, что председатель местного органа власти не состоит в колхозе, в самом же коллективном хозяйстве «почти все неграмотные»⁴¹, а имеющиеся культармейцы работы по ликбезу не проводят.

По всей видимости, до начала первых кампаний по борьбе «с перегибами» в соответствии с проводившейся общесоюзной политикой представители руководства округа, посещавшие «туземные районы», во многом руководствовались критериями политической лояльности, а также национальной и классовой принадлежно-

стью местных кадров. Как отмечалось в докладе В. К. Алымова за 1928 год, среди председателей сельсоветов, направленных на курсы в Мурманск, были «люди совершенно неграмотные, но в курсе советской политики»⁴².

К числу проблемных вопросов стоит также отнести рост межэтнической напряженности в тундре в начальный период коллективизации. В работах прошлого века внимание, как правило, акцентировалось на взаимоотношениях саамских и коми-ижемских хозяйств, перекочевывавших на Кольский полуостров в последней четверти XIX века [6: 22]. Однако в это же время, после мероприятий по обобществлению подавляющего большинства оленей и административного давления⁴³, в отдельных районах обострились межнациональные отношения между жителями тундры и русским населением в лице командированных партийных работников, сотрудников местного аппарата управления. Важно подчеркнуть, что конфликтные ситуации, происходившие ранее, возникали преимущественно на хозяйственно-экономической почве, в частности были связаны с распределением промысловых тоновых участков в Териберском районе. Так, в 1928 году один из представителей окружного аппарата управления фиксировал «некоторую степень недовольства» в вопросе распределения территорий – «получается, что русское население против лопарского»⁴⁴, отмечал секретарь Окрисполкома Семенихин.

Однако коллективизация, охватившая округ, по всей видимости, в ряде саамских и ижемских погостов сместила акцент с бытовых конфликтов в политическую плоскость. Организационный отдел Мурманского окрисполкома, рассматривая в 1930 году «факты искривления классовой линии», сообщал, что при организации колхоза в с. Ловозеро в период выборов председателя некоторые колхозники, в частности член местной партийной организации, заявляли: «...не надо русского в председатели, нужен ижемец или лопарь»⁴⁵. Кроме того, в протоколе Ивановского сельсовета Ловозерского района от 7 июля 1931 года при рассмотрении вопроса о «непрекращающихся кулацких выступлениях» были отмечены следующие факты. По мнению руководства сельсовета, «наличие русских работников на руководящей работе»⁴⁶ являлось одним из аргументов «кулака» против советской власти. Отдельные члены правления сельсовета сохраняли тесные контакты с «кулаками», и в момент совместного проведения досуга «заявляли членам колхоза, что они продались русским»⁴⁷. Приводилась также цитата, приписываемая одному из оленеводов, не вступивших в колхоз: «...русские нами командуют, от нас выкачивают

огромное количество денег, товаров... и скоро нас совсем отсюда выживут»⁴⁸. По словам председателя сельсовета, представители зажиточной части деревни, в частности «кулак» Артиев, угрожали ему физической расправой при помощи охотничьего оружия, заявляя: «...а много ли вас здесь собралось европейцев и долго ли вы здесь просуществуете»⁴⁹. Судьба автора документа является характерным отражением проходивших политических кампаний: в конце 1931 года председатель Ивановского сельсовета был снят с должности из-за «допущенных перегибов» после обнаружения «большой недостачи»⁵⁰ вещей, изъятых у раскулаченных жителей погоста.

Вполне возможно, что указанные настроения среди части оленеводческого населения Мурманского округа в первые годы коллективизации могли служить мотивом к конкретным действиям с их стороны, трактовавшимся в официальных документах как «кулацкая агитация» и «упорное сопротивление кулачества». К числу таких действий можно отнести пассивное сопротивление коллективизации со стороны отдельных оленеводческих хозяйств [1: 125], в советский период рассматривавшееся исключительно с идеологических позиций. Так, ряд рассекреченных документов свидетельствуют о фактах перекочевывания оленеводческих хозяйств, отнесенных к «кулацким», из Ловозерского района в Полярный, где они получали возможность вступать в колхоз, относя себя к категории «середняков», и уклоняться от административного и финансового давления со стороны советских органов⁵¹.

Кроме того, в 1931 году в Понойском районе население погоста Йоканьга и с. Поной, а также погоста Семиостровье в Ловозерском районе отказывалось вступать в оленеводческие колхозы и выходить из уже образованных рыбацких колхозов. Организованные в данных населенных пунктах рыбацкие колхозы позволяли фактиче-

ски совмещать прежние формы хозяйственных отношений с практикой «колхозного строительства». Выполняя план по сдаче рыбы, жители погостов получали возможность одновременно вести оленеводческое хозяйство⁵². В силу особенностей округа в соответствии с постановлениями ЦИК и СНК СССР от 1928 года они не облагались при этом сельскохозяйственным налогом⁵³.

ВЫВОДЫ

Процесс организации оленеводческих коллективных хозяйств на территории Мурманского округа Ленинградской области в начале 1930-х годов отразил мероприятия общесоюзной политики в контексте местных специфических условий. Первые годы коллективизации были отмечены попытками со стороны окружного руководства добиться в отдельных районах массового обобществления кочевых хозяйств и высокой динамики прироста поголовья домашнего оленя. На проводившуюся политику, в частности, оказывала влияние сформировавшаяся в аппарате управления округа идея о близости хозяйственного быта саамов к «первобытной коллективизации». При этом зачастую игнорировались существовавшие системные трудности в сфере управления «туземными районами» и этнические особенности местного населения.

В дальнейшем при работе над комплексным исследованием коллективизации в Мурманском округе предстоит установить роль местного отделения Комитета Севера и существовавших кооперативных организаций в этом процессе, выявить отношение населения национальных районов к коллективизации в тундре на протяжении 1930-х годов, а также проследить путь формирования оленеводческих совхозов. Учитывая роль оленеводства в сельском хозяйстве современной Мурманской области, проблема организации и первых лет деятельности оленеводческих колхозов и совхозов сохраняет свою значимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАМО (Государственный архив Мурманской области). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 437. Л. 4.

² Гудзенко В. К. Социалистическая коллективизация сельского хозяйства в национальных районах Кольского полуострова: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. С. 112.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 324.

⁵ ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 257. Л. 10.

⁶ Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. Л.: Гос. рус. геогр. о-во, 1930. С. 11.

⁷ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 204. Л. 27.

⁸ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

⁹ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 390.

¹⁰ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 19. Л. 119.

¹¹ Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей... С. 109.

¹² ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 38.

- ¹³ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 53.
- ¹⁴ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 36. Л. 289.
- ¹⁵ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 359. Л. 11.
- ¹⁶ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 183.
- ¹⁷ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 29.
- ¹⁸ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 96. Л. 34.
- ¹⁹ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.
- ²⁰ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 14. Л. 24–26.
- ²¹ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 29.
- ²² ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 142.
- ²³ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 181.
- ²⁴ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 29.
- ²⁵ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 14. Л. 78.
- ²⁶ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 327. Л. 45.
- ²⁷ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 359. Л. 11.
- ²⁸ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
- ²⁹ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
- ³⁰ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.
- ³¹ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 483. Л. 88.
- ³² ГАМО. Ф. Р-170. Оп. 1. Д. 51. Л. 15.
- ³³ ГАМО. Ф. Р-170. Оп. 1. Д. 51. Л. 14.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ГАМО. Ф. Р-170. Оп. 1. Д. 51. Л. 50.
- ³⁶ ГАМО. Ф. Р-170. Оп. 1. Д. 67. Л. 21.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 36. Л. 188.
- ³⁹ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 4. Л. 2.
- ⁴⁰ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 36. Л. 187.
- ⁴¹ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 19. Л. 60.
- ⁴² ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 204. Л. 22.
- ⁴³ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 312. Л. 60.
- ⁴⁴ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 181. Л. 43.
- ⁴⁵ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 230. Л. 79.
- ⁴⁶ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 19. Л. 106.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 19. Л. 107.
- ⁵⁰ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 437. Л. 21.
- ⁵¹ ГАМО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 3.
- ⁵² ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 36. Л. 176.
- ⁵³ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 437. Л. 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / [Пер с англ. А. В. Бардина]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 367 с.
2. Зайцев О. А. Личный архив В. В. Чарнолуского как источник по истории этнорелигиозных процессов в среде кольских саамов в 1920–1930-х гг. (на материалах из фондов Мурманского областного краеведческого музея) // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 7-14 (9). С. 84–96.
3. Калинин Р. Р. Современное состояние, проблемы северного домашнего оленеводства и пути их решения // Российская Арктика. 2021. № 15. С. 28–39.
4. Керт Г. М. Саамы. Общие сведения // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 39–146.
5. Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 206 с.
6. Кольские саамы в меняющемся мире: [Монография] / А. И. Козлов и др.; Под ред. А. И. Козлова, Д. В. Лисицына, М. А. Козловой; Российский науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Инновационная лаб. «АрктАн-С». М.: Ин-т наследия, 2008. 95 с.
7. Куропятник М. С. Социальная организация саамов // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 101–107.
8. Пятковский В. П. Преображенный Север. Ленинская программа производительных сил Европейского Севера СССР в действии. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 416 с.
9. Сорокажердьев В. В. Алымов и Комитет Севера // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 2. С. 12–16.
10. Степаненко А. М. Расстрелянная семья: Исторические очерки о кольских саамах. Мурманск, 2002. 283 с.
11. Федоров П. В. Спорные вопросы в истории Мурмана: 1917–1997: Концепции, суждения, гипотезы / Мурман. гос. пед. ин-т. Каф. отечеств. истории, Ломоносов. фонд. Мурман. отд-ние. Мурманск, 1998. 126 с.

12. Хаховская Л. Н. Первоначальная коллективизация в оленеводстве на Чукотке (1931–1933 гг.) // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 145–152.
13. Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск, 2004. 317 с.
14. Alleman L. The Sami of the Kola Peninsula: about the life of an ethnic minority in the Soviet Union. Rovaniemi: University of Lapland Printing Centre, 2013. 151 p.
15. Konstantinov Yu. Conversations with power: Soviet and post-Soviet developments in the reindeer husbandry part of the Kola Peninsula. Uppsala: Uppsala Universitet, 2015. 417 p.

Поступила в редакцию 12.07.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Pavel A. Chunin, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0009-0003-1900-9531; pomor1996@gmail.com

“REINDEER MANIA” AMONG THE ADMINISTRATION OF THE MURMANSK DISTRICT AT THE TURN OF THE 1930s

Abstract. This paper examines the collectivization of reindeer herding farms in the “indigenous areas” of the Murmansk District of the Leningrad Region during the 1930s, a process primarily viewed through the lens of Soviet historical scholarship. Consequently, a number of problematic issues surrounding the organization of collective farms during this period for a long time have remained overlooked due to ideological biases and require a more comprehensive historical analysis. The aim of this study was to uncover the true nature of the so-called “reindeer mania” among the district leadership in the early years of collectivization and to identify systemic issues that significantly affected the implementation of the collectivization policy. The large-scale reindeer herding practices that exist in the region today are largely a result of the Soviet transformations that took place in the tundra. The challenges facing reindeer herding farms at the turn of the XXI century, alongside ongoing crises in this area, underscore the importance of revisiting the foundational experiences of the reindeer herding system established in the 1930s.

Key words: reindeer husbandry, collectivization, collective farm, “indigenous region”, Murmansk District

For citation: Chunin, P. A. “Reindeer mania” among the administration of the Murmansk District at the turn of the 1930s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):88–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1114

REFERENCES

1. Viola, L. Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance. Moscow, 2010. 366 p. (In Russ.)
2. Zaytsev, O. A. Personal archives of V. V. Charnolusky as a source on the history of ethnoreligious processes among the Kola Sami in the 1920 – the 1930s (on the materials from the funds of the Murmansk Regional Local History Museum. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS*. 2018;7-14(9):84–96. (In Russ.)
3. Kalitin, R. R. Current state, problems of northern domestic reindeer husbandry and ways to solve them. *Russian Arctic*. 2021;15:28–39. (In Russ.)
4. Kert, G. M. The Sami. General information. *The Baltic-Finnish peoples of Russia*. (E. I. Klementyev, N. V. Shlygina, Eds.). Moscow, 2003. P. 39–146. (In Russ.)
5. Kiselev, A. A., Kiselyova, T. A. Soviet Sami: history, economy, culture. Murmansk, 1987. 206 p. (In Russ.)
6. Kola Sami in a changing world: [Monograph]. (A. I. Kozlov, D. V. Lisitsyn, M. A. Kozlova, Eds.). Moscow, 2008. 95 p. (In Russ.)
7. Kuropyatnik, M. S. Social organization of the Sami. *The Baltic-Finnish peoples of Russia*. Moscow, 2003. P. 101–107. (In Russ.)
8. Pyatovsky, V. P. The transformed North. Implementation of Lenin’s program for the productive forces of the European North of the USSR. Murmansk, 1974. 416 p. (In Russ.)
9. Sorokazherdyev, V. V. Alymov and the Committee of the North. *Science and Business on Murman*. 2004;2:12–16. (In Russ.)
10. Stepanenko, A. An executed family: Historical essays on the Kola Sami. Murmansk, 2002. 283 p. (In Russ.)
11. Fedorov, P. V. Controversial issues in the history of Murmansk: 1917–1997: Concepts, judgments, hypotheses. Murmansk, 1998. 126 p. (In Russ.)
12. Khakhovskaya, L. N. Initial collectivization of reindeer breeding in Chukotka (1931–1933 years). *Voprosy istorii*. 2017;7:145–152. (In Russ.)
13. Shashkov, V. Ya. Forced settlers in the history of the Murmansk Region. Murmansk, 2004. 317 p. (In Russ.)
14. Alleman, L. The Sami of the Kola Peninsula: about the life of an ethnic minority in the Soviet Union. Rovaniemi, 2013. 151 p.
15. Konstantinov, Yu. Conversations with power: Soviet and post-Soviet developments in the reindeer husbandry part of the Kola Peninsula. Uppsala, 2015. 417 p.

Received: 12 July 2024; accepted: 30 September 2024

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор
Московский гуманитарный университет
заместитель главного редактора общенационального
научно-политического журнала «Власть»
(Москва, Российская Федерация)
vasyural@mail.ru

КАРЕЛЬСКАЯ СТРАНИЦА «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»

А н н о т а ц и я . Документальную основу данной публикации составляют материалы Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ), в первую очередь стенограмма V пленума ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР 27–28 февраля 1950 года, организация и проведение которого по поручению из Москвы осуществлялись лично Ю. В. Андроповым. Автор статьи имел возможность ознакомиться с данным документальным источником в полном объеме. Изучены также десятки личных дел молодых комсомольских руководителей, многие из которых впоследствии стали известными государственными деятелями страны и Карелии. В публикации освещается роль Ю. В. Андропова, второго секретаря ЦК компартии Карело-Финской республики, в мероприятиях, связанных с «Ленинградским делом» и его последствиями в шестнадцатой союзной республике.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Ю. В. Андропов, «Ленинградское дело», поздний сталинизм, Карело-Финская ССР, пленум ВКП(б), комсомол

Д л я ц и т и р о в а н и я : Васильев Ю. А. Карельская страница «Ленинградского дела» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 96–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1115

ВВЕДЕНИЕ

Волна «Ленинградского дела» (1949–1953) прокатилась по многим регионам СССР, но особенно болезненным был ее карельский отголосок в 1949–1950 годах. Этот исторический сюжет раскрывает трагический аспект механизма функционирования партийной системы в СССР в условиях позднего сталинизма. Понимание проблематики представленной темы предполагает использование ломоносовской методологической установки – «уловить дух русской истории». Это позволяет дать научную интерпретацию и осмысление нарратива персональной истории, мотивации «истинных дел» (по терминологии М. В. Ломоносова) исторических персонажей, их мировоззренческой идентичности в контексте послевоенной советской эпохи (см.: [3: 141–142]).

Историография «Ленинградского дела» в последнее десятилетие пополнилась аналитическими публикациями, освещающими различные аспекты проблематики, связанные непосредственно с Ленинградом [1], [2], [5]. Однако до сих пор остаются неизвестными многие страницы этого «дела» регионального характера, в частности в отношении Карело-Финской союзной республики. Между тем сценарий событий в Петрозаводске в начале 1950 года в полной мере

соответствовал тому, что происходило в Ленинграде в 1949 году: после разгромного партийного пленума следовал аналогичный комсомольский пленум. Через месяц после III карельского партийного пленума 24–25 января 1950 года, на котором снимали ленинградского партийного выдвиженца Г. Н. Куприянова, на V пленуме ЦК ЛКСМ КФССР 27–28 февраля 1950 года прозвучала критика «крупных недостатков и ошибок» в работе бюро и секретарей ЦК комсомола республики.

35-летний второй секретарь ЦК компартии Карело-Финской ССР Ю. В. Андропов получил непростое персональное задание из Москвы. Ему поручалось провести V пленум ЦК комсомола республики, аналогичный ленинградскому пленуму 12 августа 1949 года, которым руководил секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин. Андропов, как и Шелепин, выступил на пленуме с докладом. Однако, в отличие от разгромного ленинградского пленума, его установка была иная. Она выражалась в позитивной позиции, высказанной Андроповым участникам пленума ЦК комсомола республики: «Имеет смысл договориться о том, чтобы решение пленума было капитальным документом, которое будут обсуждать комсомольские организации»¹.

* * *

Несомненно, Ю. В. Андропов получил четкие инструкции из Москвы. Объяснение можно найти в сталинской установке в отношении комсомола как общественной организации: на ВЛКСМ возлагалась функция пополнения партийного резерва, а также государственных кадров для различных отраслей управления. Главный сценарист «Ленинградского дела» И. В. Сталин рассматривал руководящих комсомольских работников как подготовленное кадровое пополнение. Кроме того, комсомол воспринимался в качестве проводника партийного влияния в отношении молодежи и в этом смысле важного инструмента в руках партии. Для нового поколения молодых партийцев – комсомольских руководителей, воспитанных советской системой, воля власти и антитеза социализма и капитализма воспринимались в качестве обязательного воплощения государственной и общественной скрепы, вера в идеи социализма являлась основой мировоззрения [4: 4–5].

Для Андропова ситуация осложнялась тем, что в руководстве ЦК комсомола республики, руководителем которого он был в 1940–1944 годах, находились его воспитанники. Преемник Андропова в должности руководителя карельского комсомола В. И. Голубев работал шестой год в должности первого секретаря ЦК ЛКСМ республики. В числе выдвиженцев были второй секретарь С. П. Татаурщиков, секретарь ЦК по кадрам М. В. Комиссарова, зав. отделом П. И. Удальцов. Бывший второй секретарь Н. С. Тихонов уже более 10 месяцев работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. Все они представляли комсомольское поколение военного времени. Обвинения в адрес каждого из них косвенным образом могли затронуть Андропова, являвшегося, по выражению Марии Комиссаровой, «судьбоносной личностью», поддержка и участие которого во многом определили судьбу каждого².

Политическая казуистика проявилась в следующем обстоятельстве. На втором пленуме ЦК ВЛКСМ 29 ноября – 2 декабря 1949 года ни в одном выступлении не прозвучали какие-либо комментарии о событиях в Ленинграде в 1949 году. Не упоминалось само название – «Ленинградское дело». Информация не афишировалась в СМИ.

На V пленуме ЦК ЛКСМ Андропов внес предложение об освобождении от должности первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР В. И. Голубева, однако именно он защитил Голубева от предлагавшихся радикальных формулировок в постановлении пленума, которые имели бы гораздо более серьезные последствия для последующей судь-

бы комсомольского руководителя. Андропов внес также предложение и убедил пленум избрать новым первым секретарем ЦК комсомола республики своего представителя Сергея Татаурщикова³.

Следует отметить важное обстоятельство: отправленный в отставку на пленуме преемник Андропова опальный Василий Голубев давал письменные объяснения не следователям из группы московских чекистов, приехавших проводить проверку в Карелии, даже не сотрудникам Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. Фамилия Андропова в показаниях Голубева не встречается. В решении бюро ЦК ВЛКСМ в отношении Голубева зафиксирована формулировка «освободить», а не «снять» (эти формулировки имели разное значение относительно последующей судьбы политического деятеля). О незавидной перспективе опальных деятелей в истории «Ленинградского дела» (аналогичное могло произойти и в отношении Голубева) свидетельствует книга воспоминаний одного из верных соратников А. Н. Шелепина по политической группировке «шелепинцев» («комсомольцев») в партийном и государственном руководстве страны в 1960–1970-х годах Н. Н. Месяцева⁴. В 1953 году в числе нескольких комсомольских выдвиженцев он получил назначение на должность помощника начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Им были выявлены многочисленные фальсификации Ленинградских дел [6: 270].

Следует констатировать существенные отличия в кадровых последствиях ленинградского пленума от 12 августа 1949 года и V пленума ЦК ЛКСМ КФССР в феврале 1950 года. В Ленинграде последствия не ограничились снятием с должностей руководителей ленинградского комсомола. Всеволод Иванов погиб в тюремных застенках, его преемник в руководстве ленинградским комсомолом Всеволод Чернецов был осужден на 15 лет по трем пунктам статьи 58, в том числе по обвинению в измене родине. Многие были исключены из партии⁵. В Петрозаводске в отношении комсомольских руководителей республики не было судебных дел и серьезных партийных взысканий. Представляется, что во многом это заслуга Ю. В. Андропова, имевшего поддержку маленковской партийной группировки, противостоявшей ленинградской партийной группе. После смерти А. А. Жданова Г. М. Маленков вернул свои прежние позиции в ЦК ВКП(б). Решение всех кадровых вопросов в карельском руководстве согласовывалось с «прикрепленным»

представителем Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) С. И. Колесниковым, который получал инструкции из Москвы. В годы войны Колесников был руководителем Челябинского обкома комсомола. Примечательно, что совместная работа Андропова и Колесникова впоследствии имела продолжение (когда в 1957 году Андропов возглавил отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, Колесников был утвержден в этом отделе заведующим сектором).

Сохранившиеся в РГАСПИ архивные документальные свидетельства подтверждают, что материал для открытия дела в карельском комсомоле собирался заранее. Особенно это касалось материалов о поездке и пребывании второго секретаря ЦК ВЛКСМ ленинградца В. Н. Иванова и ленинградской делегации во главе со вторым секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ А. Г. Ситниковым на II съезде комсомола Карелии в апреле 1947 года, то есть почти за три года до представленных событий. Внутренняя пружина «дела Голубева» непосредственно связана с «Ленинградским делом». Причем речь идет отнюдь не о формальных биографических совпадениях: родина Василия Голубева – Ленинградская область (деревня Старина Тихвинского района), он закончил сельхозтехникум в Ораниенбауме. В августе 1944 года Голубев стал вторым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии, после ухода Ю. В. Андропова на партийную работу его избрали первым секретарем. В 1948 году В. И. Голубев был награжден двумя орденами: орденом «Знак Почета» (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.07.1948 года в связи с 25-летием республики) и орденом Ленина 28.10.1948 года в связи с 30-летием ВЛКСМ. В апреле 1949 года он был делегатом XI съезда ВЛКСМ, выступал на этом съезде, избран членом ЦК ВЛКСМ, в январе 1950 года на III пленуме ЦК компартии КФССР стал членом бюро ЦК. И вдруг произошел стремительный разворот: орденосца, члена ЦК ВЛКСМ, члена бюро ЦК компартии республики неожиданно для всех снимают с должности и отправляют в Олонецкий район на работу заведующим сельскохозяйственным отделом райсовета.

С чего все началось? 18 февраля 1950 года в ЦК компартии Карело-Финской ССР была получена докладная записка, адресованная вновь избранному партийному руководителю республики А. А. Кондакову. Автор записки Петр Иванович Мартынов с сентября 1949 года работал инструктором орготдела ЦК компартии, до этого был заведующим отделом ЦК комсомола Карелии. Ленинградский след являлся главным

обвинением в указанном документе. Все другие факты звучали на этом фоне как второстепенные. По замыслу организаторов пленума, Мартынов должен был задать острый критический настрой работе пленума, основанный на материалах докладной записки. Мартынов был записан на V пленуме в числе первых среди участников прений. Ключевой фразой в его выступлении прозвучало: «Голубев – это маленький Куприянов в комсомоле, он копировал последнего...»⁶ Опальный бывший первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянов, выдвигенец ленинградской партийной организации, в тот период после отставки находился в Москве «в распоряжении ЦК ВКП(б)».

История с докладной запиской Мартынова в партийный орган Карело-Финской республики повторила аналогичный сценарий для активизации дела, который использовался в Ленинграде в 1949 году, – донос второго секретаря обкома ВЛКСМ М. Р. Васьковского на своих коллег. В обоих случаях автором подобного «сигнала» являлся фронтовик, орденосец, член партии, однако имевший определенные «грехи» в собственном поведении, которые не позволяли отказать от предложенной сверху функции осведомителя. Петр Иванович Мартынов прошел всю войну, участвовал в Сталинградской битве, имел орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды, медали. При освобождении Донбасса в боях за г. Иловайск совершил подвиг, водрузив под огнем врага красный флаг на вершине господствующей горы. Его именем назвали улицу в Иловайске. Однако заслуженный фронтовик имел нарекания за аморальные поступки в быту.

В условиях инициированной И. В. Сталиным кампании по развитию критики и самокритики поощрялось доноительство: для партийцев данная установка воспринималась как партийный долг, обязанность, для простых граждан – как средство борьбы за интересы страны, республики, области. Отказ от сообщения в партийные органы информации, компрометирующей руководящих работников, или несвоевременное информирование рассматривались как проявления партийной беспринципности и наказуемыми проступками. От органов власти любого уровня требовалась активизация работы с заявлениями, письмами и «сигналами» граждан. Однако нередко обращения граждан в руководящие партийные инстанции по своему содержанию преследовали личную прагматическую цель – наказать (устранить, унижить) неприятелей (конкурентов, соперников, оппонентов).

Данный сюжет описан в воспоминаниях участника пленума С. П. Татаурщикова, избран-

ного первым секретарем ЦК ЛКСМ после отставки Голубева:

«...нашу республику не обошло стороной знаменитое “Ленинградское дело”... Как всегда, нашлись люди, которые хотят погреть руки на таких “жареных” вещах. Нашелся один такой и у нас... Написал докладную записку, по-народному говоря – донос, на Голубева, первого секретаря ЦК комсомола республики. Хотя оснований для обвинений не было. Голубев честно трудился, может, уровень немного не дотягивал, но дело ведь не в этом... Вся тяжесть вынужденных кадровых перемещений легла на Андропова»⁷.

Эмоциональное выступление на пленуме секретаря по кадрам Марии Комиссаровой (она выступила в первый день пленума после перерыва) нарушило запланированный андроповский сценарий пленума. Она обрушилась с резкой критикой в адрес недавнего своего коллеги по работе в аппарате ЦК ЛКСМ Петра Мартынова:

«Я его знаю давно как комсомольского работника и скажу, что я раньше не представляла его таким. Меня удивило его выступление. Приведенные им факты мне не известны. Я никак не могу простить Мартынову, что он знал об этих фактах и молчал, будучи секретарем партийной организации. Я должна сказать, что он был подхалимом и продолжает занимать такую же позицию... Сегодня я тебя вижу критикующим в тот момент, когда ты чувствуешь поддержку в ЦК партии, и я уверена, что ты не вылез бы на трибуну с критикой, если бы не чувствовал поддержку со стороны ЦК партии. Все это методы достижения высокой карьеры, я просто прозрела после твоего выступления»⁸.

Выступление Марии Комиссаровой было бескомпромиссным и смелым. Более того, оно не соответствовало неписаным номенклатурным правилам. Она заявила о недостатках партийного руководства со стороны ЦК компартии республики:

«Я всю свою жизнь после окончания средней школы работала в комсомоле. Начала работать, когда нашу работу возглавлял тов[ариш] Андропов. Партия учит, что комсомол должен работать под руководством партии. По-моему, ошибки, которые допустило бюро ЦК комсомола, могут объясняться тем, что партийная организация не помогла вовремя вскрыть эти недостатки. Почему тов[ариш] Голубев возглавлял нашу организацию, учил нас, а на 6-й год ему говорят: ты не способен работать. Это для меня не понятно. Я считаю, что партийные органы не совсем правильно вели себя по отношению к нам, не помогли вовремя разобраться в ошибках и недостатках»⁹.

Вероятно, со времени учебы в Центральной комсомольской школе (ЦКШ)¹⁰ в сознании Марии было сформировано убеждение, что критика и самокритика лишь тогда представляют собой эффективное средство воспитания кадров, когда они проводятся не от случая к случаю, а постоянно, систематически. Комиссарова напомнила,

как Мартынов на каждом бюро ЦК говорил Голубеву: «Василий Иванович, правильно, я так и думал»¹¹. Поэтому она считала правомерным, чтобы пленум потребовал объяснений от Мартынова, почему он не вскрыл раньше все факты в отношении Голубева. Мария Комиссарова обратилась и к Андропову:

«Я считаю, что он и у Вас, товарищ Андропов, допустил подлость, не дал возможности вскрыть эти ошибки и недостатки на пленуме ЦК партии... стоило ли Голубева вводить в состав бюро ЦК партии? Очевидно, Мартынов не информировал ЦК партии, и мы сейчас в заблуждении, что оказались перед таким фактом. Я затрудняюсь расценивать это явление, мне не понятно...»¹².

Огонь критики со стороны секретаря ЦК по кадрам обрушился также в сторону моральных качеств Мартынова:

«Ты сегодня не сказал, что думал сделать, чтобы воспитать ребенка у тебя, который появился на свет. На бюро Мартынов вел себя неправильно, заявив, что он не уверен, что это его ребенок. Это нечестное отношение к ребенку – это я бы сказала как член бюро»¹³.

После речи Комиссаровой практически каждый участник прений критически оценивал Мартынова – его работу в комсомоле, личные качества. Апофеозом стало яркое выступление члена ЦК ЛКСМ Екатерины Варфоломеевой. Она потребовала от Мартынова оказать помощь ребенку: «Мартынов пытается отказаться, что это ребенок не его. Товарищ Мартынов, есть живые свидетели, что ребенок ваш. Несмотря на то, что ребенку только 10 месяцев, говорят, что и характер у него ваш»¹⁴. Варфоломеева заявила, что Мартынов «по-хамски относится к девушкам», «без интимной связи между девушкой и юношей он не представляет отношений», «девушкам, которые отказывались удовлетворить его требования “дружбы”, Мартынов прямо заявлял: нечего и время тратить и кровь портить»¹⁵. Екатерина публично призналась, что подобное

«хамское заявление сделал он в отношении меня, когда на практике ему не удалось проверить, возможны ли чистые, дружеские отношения с девушками. Он сказал, мне стыдно говорить при всех: “Во имя чего ты себя бережешь? Чем я плохой парень?”»¹⁶.

Ю. В. Андропов оказался в неожиданной ситуации. Его доклад состоялся в завершение пленума 28 февраля 1950 года. Больше всех досталось Марии Комиссаровой, поскольку она фактически сломала запланированный андроповский сценарий пленума. Андропов заявил:

«Комиссарова выступала с явной позиции заглушить критику на пленуме... Комиссарова говорила,

что она считает поведение Мартынова непартийным, некомсомольским и пыталась со всех позиций зайти в адрес Мартынова. Она говорит, что выступает как коммунист, как секретарь ЦК комсомола и просто как человек. Со всех сторон заходит, чтобы отстрелить Мартынова. Только с одной стороны не дошла. Если бы она как коммунист отнеслась к выступлению Мартынова, то она сказала бы, что он совершенно правильно поставил ряд острых вопросов, показал деятельность ЦК комсомола, его бюро и его секретарей»¹⁷.

По мнению Андропова,

«Комиссарова выступала неправильно. Это можно расценивать, как попытку заглушить критику, ослабить постановку вопроса со стороны Мартынова»¹⁸.

«Комиссарова не дошла до постановки вопросов, как это сделал Мартынов теперь, и пытается тем самым увести пленум от критики своих недостатков. Поэтому я считаю, что и сегодня на пленуме мы не имели нужной критики, мы имеем товарищей из ЦК комсомола, которые старались заглушить критику»¹⁹.

Одновременно Андропов был вынужден признать, что Мартынов действительно допустил «непартийное поведение» в быту, при этом уточнил, что с Мартыновым по этому поводу была проведена беседа, это его «слабое место и за это его правильно щелкали»²⁰, и дело пленума разобраться с Мартыновым в отношении обвинений, которые ему предъявлялись. Фраза «он у меня на записке давно по этим делам» не могла не вызвать улыбки у участников пленума. В результате общего голосования, несмотря на поддержку Андропова, инструктор орготдела ЦК компартии республики Петр Мартынов был исключен из состава ЦК комсомола республики «за аморальное поведение в быту»²¹.

В истории республики ни до, ни после не было подобного пленума. Руководители комсомола Карело-Финской ССР критически оценивали не только собственную работу и деятельность своих коллег по ЦК комсомола республики, но и открыто критиковали партийных руководителей, включая Андропова, для многих из которых он был наставником и учителем. Татаурщиков высказал свое мнение: «Много мыслей исходило от вас. Разве сейчас вы утратили эту способность? Вы можете для нас многое сделать»²². Андропов ответил: «Товарищ Татаурщиков обижался на меня, что я должен был оказывать помощь ЦК комсомола, но не оказывал ее, принимая эту критику, так как это вполне справедливо»²³. В данном случае он принял критику, хотя мог бы этого не делать. Дело в том, что согласно распределению обязанностей в ЦК КП(б) республики вопросами комсомола ведал первый секретарь. Второй секретарь Ю. В. Андропов персонально отвечал за работу промышленно-

сти. Тем не менее он, как бывший руководитель комсомола республики, внимательно воспринял критику комсомольских руководителей в свой адрес и отреагировал на нее. Позднее по его инициативе в повестку IV партийного пленума ЦК (30–31 мая 1950 года) был включен вопрос «О состоянии и мерах по улучшению работы республиканской комсомольской организации». Андропов выступил с докладом.

В один день, 17 марта 1950 года, произошли три события, связанные с Карело-Финской республикой. Первое – был арестован Г. Н. Куприянов. В 1950–1956 годах он находился в лагерях и тюрьмах по «Ленинградскому делу». В этот же день состоялось бюро ЦК ВЛКСМ, на котором рассматривался вопрос «О крупных недостатках в работе бюро и секретарей ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР». Комсомольский руководитель Карелии Василий Голубев лишился должности и был отправлен на работу в район. Но его не постигла трагическая судьба ленинградца Всеволода Иванова. Можно предположить, что Василий Голубев получил совет старших коллег, как правильно вести себя в этой ситуации, которая могла оказаться для него роковой (вероятно, это были рекомендации в первую очередь от Андропова: внимательное прочтение докладной записки Голубева позволяет заметить, что в тексте явно прослеживается андроповская стилистическая правка). За внешне сумбурным изложением в записке Голубева множества конкретных деталей поведения хлебосольного карельского руководителя, встречавшего ленинградских гостей комсомольского съезда в 1947 году, заслонялись поводы для предъявления ему обвинений в осознанном стремлении к сотрудничеству с ленинградцами, после взлета оказавшимися в опале. Что удивительно, никаких резолюций для сотрудников аппарата ЦК ВЛКСМ руководитель комсомола страны Н. А. Михайлов не оставил.

Наконец, 17 марта 1950 года секретариат ЦК ВЛКСМ освободил от должности ответственного организатора ЦК ВЛКСМ Н. С. Тихонова. Данное решение ограничилось формулировкой об освобождении без указания каких-либо причин, что было необычным явлением в практике того времени. Николаю Тихонову, более 10 месяцев отработавшему в аппарате ЦК ВЛКСМ (с мая 1949 года), не были предъявлены обвинения. Он стал жертвой обстоятельств. Старшие товарищи из аппарата ЦК ВЛКСМ, участники тех событий, получили более мягкие взыскания – выговоры. В их числе оказались В. И. Васильев (заворг ЦК ВЛКСМ), И. С. Федоров (зам. зав. особым сектором), А. А. Жихорь (зам. зав. от-

делом комсомольских органов), Г. Н. Захаренков (ответорг).

Что же было причиной этих событий? На V пленуме ЦК ЛКСМ КФССР 27–28 февраля 1950 года отдельные члены ЦК неожиданно вспомнили о бывшем втором секретаре ЦК комсомола республики Н. Тихонове. Несомненно, это не было случайностью, акция была задумана и спланирована заранее. Н. Тихонов являлся одним из наиболее близких воспитанников Андропова (по свидетельству современников – любимым). Инициатором критики выступила зав. отделом комсомольской жизни газеты «Молодой большевик» Зинаида Павлова, которая до ноября 1948 года работала в аппарате ЦК ЛКСМ. Она неожиданно припомнила некоторые факты из военного и послевоенного времени (1942–1948), когда Тихонов работал сначала инструктором ЦК по работе с молодежью партизанских отрядов, затем секретарем по военной работе, секретарем по кадрам, вторым секретарем ЦК комсомола республики. В ряде случаев Павлова никак не могла быть ни свидетелем, ни очевидцем событий прошлого. Не стесняясь в выражениях, она заявила: «Чем занимался Тихонов, когда работал инструктором ЦК комсомола? Он вместе с тов. Андроповым ездил по отрядам, частям и прислуживал тов. Андропову»²⁴. Подобное утверждение было откровенной клеветой. Вероятно, партийному руководителю Ю. В. Андропову было неприятно услышать подобные нелцеприятные и безосновательные суждения. Летом 1942 года 20-летний помощник комиссара первой партизанской бригады по комсомольской работе Николай Тихонов участвовал в известном трагическом 57-дневной рейде бригады по тылам противника, был дважды ранен, выжил, получил заслуженную награду – орден Красной Звезды. В ЦК комсомола республики успешно работал с молодежью партизанских отрядов.

К критике Зинаиды Павловой подключились бывший первый секретарь Петрозаводского горкома комсомола Петр Сорокин и бывший секретарь ЦК ЛКСМ по пропаганде и агитации Петр Соколов. Они добавили еще несколько обвинений в отношении Тихонова. Почему мы называем их «бывшими»? Сорокин еще в июне 1949 года был освобожден от руководящей должности «за поведение, недостойное комсомольского работника» – аморальные проступки²⁵. По каким-то причинам из состава ЦК комсомола его не исключили, поэтому он принимал участие в V пленуме ЦК ЛКСМ. Соколов же был снят с должности (не освобожден, а именно снят)

решением секретариата ЦК ВЛКСМ 30 января 1950 года за «недостойное поведение»²⁶. Это было просто вопиющее событие («позор» для Карелии, по словам Андропова), случившееся буквально через несколько дней после разгромного III пленума ЦК компартии республики, на котором снимали партийного руководителя Куприянова. Дело в том, что осенью 1949 года во время 9-месячных курсов в ЦКШ при ЦК ВЛКСМ Соколов систематически пьянствовал, запутался в долгах, растратил членские партийные взносы, собранные им со слушателей курсов. 26 декабря 1949 года он потребовал у сожительницы (в Москве встретил землячку) тысячу рублей для внесения в партийную кассу школы, предлагая ей в залог партийный билет. Угрожал ей, что если она не даст деньги, то пустит себе пулю в лоб. Умудрился взять в долг и не вернул деньги даже секретарю ЦК Союза рабочей молодежи Румынии²⁷. Поскольку Соколов не был исключен из состава ЦК комсомола республики, он так же, как и Сорокин, участвовал в V пленуме ЦК ЛКСМ. В подобной ситуации работа пленума должна была начаться с решения организационных вопросов об исключении из состава ЦК проштрафившихся бывших руководителей, однако этого не произошло. На то были свои причины.

От ЦК ВЛКСМ на пленуме присутствовал зам. зав. отделом В. М. Беляков. Он заявил: «Я думаю, что надо разобраться детально в отношении Тихонова. Нельзя решать вопрос о его работе. Никто укрывать его не будет»²⁸. После пленума в ситуации, сложившейся в Карело-Финской ССР, разбирались работники ЦК ВЛКСМ во главе с А. Н. Шелепиным (буквально за неделю до пленума в Петрозаводске 21 февраля 1950 года он был утвержден вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, до Шелепина эту должность занимал ленинградец В. Н. Иванов в 1945–1949 годах). В 1950 году 15 сотрудников ЦК ВЛКСМ находились в командировках в Карелии в общей сложности 284 дня, в том числе Шелепин – 13 дней, Беляков приезжал трижды (18 дней, 10 дней, 21 день). Ответорг по Карело-Финской ССР Поленов дважды побывал в республике²⁹. В отношении Н. Тихонова была подготовлена записка с обвинениями, прозвучавшими на V пленуме. Из четырех пунктов ключевым был сюжет, связанный с приездом ленинградской делегации на II съезд ЛКСМ КФССР в апреле 1947 года. По распоряжению Н. А. Михайлова Тихоновым была подготовлена объяснительная записка. Николай Тихонов вернулся в Карелию, пришел за советом к Андропову. По словам Станислава Николаевича Тихоно-

ва, сына Н. С. Тихонова, Юрий Владимирович сказал: «Надо начинать все сначала!» Тихонов отправился работать в Питкярантский район зав. сельхозотделом райисполкома (до войны он окончил сельхозтехникум). Совет Андропова был реализован сполна. В 1967 году Н. С. Тихонов стал секретарем Карельского обкома партии и около двух десятилетий успешно работал в этой должности. Награжден, помимо военных орденов Красной Звезды и Отечественной войны I степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почета».

Для сотрудников А. Н. Шелепина – В. М. Белякова и Ю. А. Поленова – работа в Карело-Финской республике стала своеобразной школой для будущей важной государственной деятельности. В ЦК ВЛКСМ Беляков работал помощником первого секретаря, зав. особым сектором, зав. общим отделом. В период шелепинского руководства госбезопасностью Владимир Михайлович Беляков был начальником Секретариата КГБ при СМ СССР (23 марта 1959 – 9 ноября 1961 года). Когда Шелепин возглавил влиятельный орган – Комитет партийно-государственного контроля СССР, Юрий Алексеевич Поленов был утвержден зам. председателя (до мая 1975 года он занимал должность зам. председателя Комитета народного контроля СССР).

Для Ю. В. Андропова на комсомольском пленуме возникла еще одна весьма деликатная и щекотливая ситуация, связанная с обязанностью поддержки отдельных так называемых национальных кадров в союзной республике. Полностью признавший персональную критику со стороны Андропова Василий Голубев в заключительном слове на пленуме обратился к нему:

«Товарищ Андропов, Соколова выдвигали по инициативе ЦК партии, по вашей лично инициативе и насильно меня перед съездом в кабинете Куприянова. Были Куприянов, вы и Логинов. Мне приписали недооценку выдвижения национальных кадров на руководящую работу. Я заявлял, что мы не знаем Соколова, что я лично возражаю против выдвижения Соколова. Я на себя этого не принимаю, примите вы на себя, товарищ Андропов»³⁰.

Не только Соколов подвел своих партийных руководителей, но также секретарь ЦК комсомола по работе со школьной молодежью и пионерами Ольга Терво, которую Андропову пришлось защищать от резкой критики на пленуме. Ее анкетные данные для работы в аппарате ЦК ЛКСМ подходили идеально: этническая финка, член ВКП(б), имела высшее образование (закончила МГПИИ им. Ленина), была делегатом

XI съезда ВЛКСМ. Ранее, на пленуме в апреле 1949 года, Андропову с большим трудом удалось убедить его участников дать возможность Терво для исправления недостатков в работе. Однако через несколько месяцев, 10 июля 1950 года, она была освобождена как «не справившаяся с работой». Чтобы сохранить статус союзной республики, партийным руководителям приходилось проводить подобную официальную линию. Именно этим обстоятельством объяснялась, по сути, вынужденная и незаслуженная поддержка Андроповым карела Соколова и финки Терво.

Кроме национального фактора было еще одно серьезное обстоятельство. Образовательный уровень комсомольских кадров республики в послевоенные годы был крайне низким. Из секретарей райкомов, горкомов ВЛКСМ республики лишь 5 % имели высшее и незаконченное высшее образование, 95 % – среднее и неполное среднее. В составе 258 руководящих комсомольских работников 151 человек не имел среднего образования³¹.

За кулисами V пленума ЦК ЛКСМ КФССР скрывалась внутренняя тайная интрига. Помимо второго секретаря ЦК компартии республики Ю. В. Андропова в нем принимал участие еще один партийный руководитель республики – член бюро ЦК КП(б), зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов М. Ф. Королев. Можно высказать вполне обоснованное предположение, что выступления отдельных участников на комсомольском пленуме против Андропова объяснялись его личной поддержкой. Сорокин, Соколов, Павлова могли получить обещания, связанные с решением их жизненных ситуаций. Для этого у руководителя ключевого отдела главного партийного органа республики, ведавшего кадровыми вопросами, были немалые возможности. Критика указанных участников пленума была обеспечена подборкой конкретных компрометирующих фактов за несколько лет, на составление которой требовалось время и наличие документальных материалов с конфиденциальной аппаратной информацией. Примечательно также использование в их выступлениях отдельных фраз и речевых оборотов, характерных и любимых партийным функционером Королевым.

Примечательно также, что через несколько дней после V комсомольского пленума, 4 марта 1950 года, в ЦК ВКП(б) из Петрозаводска был отправлен донос анонимного «т. Петрова» на Андропова. Как выяснилось в ходе нашего расследования, автором «сигнала» являлся именно Королев³². 21 апреля 1950 года на заседание

Секретариата ЦК ВКП(б) был вынесен вопрос: «Заявление т. Петрова о секретаре ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Андропове».

В аппарате ЦК КП(б) КФСР Королев, будучи секретарем партбюро, распространял информацию «об избиении руководящих работников». Эта кампания была направлена в первую очередь против второго секретаря Ю. В. Андропова. На бюро ЦК КП(б) 27 апреля 1950 года было принято решение об освобождении Королева от обязанностей заворга ЦК компартии Карелии. Одним из поводов послужила информация о том, что он скрыл факты личной связи с Куприяновым после отставки бывшего партийного руководителя.

В мае 1950 года на IV пленуме ЦК КП(б) КФСР прозвучали обвинения в адрес Ю. В. Андропова со стороны некоторых его партийных коллег. По воспоминаниям его современников – молодых партийных работников – время было «тяжелое»:

«Иногда нам казалось: “Все! Добили Юрия Владимировича...”. Но стоило ему подняться на трибуну, и хотя он не касался критикующих, их прямых обвинений, эти критические замечания отлетали от него как горох от стенки. Мы, молодые партработники, улыбались. Смотрели друг другу в глаза, радовались...»³³.

Как свидетельствуют архивные документы, главными обвинителями Андропова на партийном пленуме в мае 1950 года выступили члены ЦК компартии республики: М. Ф. Королев (освобожденный от должности зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК) и И. С. Яковлев (бывший зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б), ректор Карело-Финского государственного университета). Главное их требование в отношении Андропова сводилось к тому, что он должен понести большую ответственность, обвинители считали невозможной его работу вторым секретарем ЦК КП(б). Многие факты, предъявленные в качестве вины Андропова, звучали ранее на V пленуме ЦК ЛКСМ.

Изучение дела продолжалось до осени 1950 года. На V пленуме ЦК КП(б) республики 26–27 сентября 1950 года были доложены результаты проверки, проведенной специально созданной комиссией под руководством секретаря ЦК КП(б) И. И. Цветкова. В постановлении пленума указано, что материалы проверки, проведенной комиссией, уполномоченной IV пленумом, по поводу конкретных обвинений в адрес Ю. В. Андропова, «не вносят каких-либо существенных дополнений к тому, что было известно и подвергнуто обсуждению...»³⁴

По итогам проведенного отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) в течение пяти с половиной месяцев расследования 7 октября 1950 года секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову была представлена итоговая докладная записка. Обвинения в отношении Андропова не подтвердились. Рассмотрение вопроса закрыли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа Ю. В. Андропова в Карелии не только обусловила его формирование как перспективного политического деятеля, дала уникальный опыт руководящей работы, но и олицетворяла собой школу выживания в суровые годы позднего сталинизма, в условиях непримиримого противоборства партийных группировок в политической системе. В качестве одного из партийных руководителей Карело-Финской республики Андропов оказался в фокусе противостояния политических элит в 1949–1950 годах и сыграл в нем отведенную ему роль. Он выполнил задание, которое было ему поручено в Москве: на партийном и комсомольском пленумах продемонстрировать единодушное одобрение решений, принятых центральными органами партии. При этом никто из руководителей комсомола республики не только не был репрессирован, но и не получил партийного взыскания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 385.

² Шлейкин Ю. В. Андропов. Карелия, 1940–1951...: Биографическая хроника. Петрозаводск, 2014. С. 73.

³ В 1946 году Сергея Татаурщикова направили в Москву на учебу в Центральную комсомольскую школу (ЦКШ) при ЦК ВЛКСМ – элитное учебное заведение. Общий контингент слушателей второго набора составлял 213 человек. Мандатная комиссия ЦК ВЛКСМ строго подходила к отбору слушателей, ее председателем был секретарь ЦК комсомола А. Н. Шелепин. В период второго набора на двухгодичную подготовку на отделение комсомольской работы было рекомендовано обкомами, крайкомами, ЦК ЛКСМ 316 кандидатов, из них допущено к приемным испытаниям 187 человек, к зачислению же на данное отделение было рекомендовано и принято 105 человек. В 1948 году в числе 15 выпускников из 194 слушателей второго набора ЦКШ Татаурщиков получил диплом с отличием (РГАСПИ. Ф. М–24. Оп. 1. Д. 16. Л. 149).

Выпускник ЦКШ собрался ехать домой, но возникло препятствие. Под конец учебы Московский горком партии выделил для ЦКШ ставку освобожденного секретаря партбюро школы. На эту должность избрали Татаурщикова. Но он был решительно настроен вернуться в Карелию. Пошел на прием к первому секретарю ЦК

ВЛКСМ Н. А. Михайлову, к секретарю ЦК комсомола А. Н. Шелепину. Позвонил в Петрозаводск Ю. В. Андропову. Поехал в Петрозаводск, вместе с Андроповым пришел к Г. Н. Куприянову, партийному руководителю республики. Куприянов позвонил по «вертушке» Шелепину. После напряженного разговора сказал: «Все, завтра мы утверждаем вас секретарем ЦК ЛКСМ по кадрам» (Шлейкин Ю. В. Указ. соч. С. 240). По словам Татаурщикова, он был несказанно рад, но в Москве его не поняли. Шелепин выговаривал, не стесняясь в выражениях: «Какого черта нужна тебе эта Карелия?» (Там же).

Описание данной жизненной коллизии, основанное на воспоминаниях С. П. Татаурщикова, подтверждается документально: в РГАСПИ удалось обнаружить свидетельства этой истории. Еще в апреле 1945 года Шелепин направил ходатайство секретарю МК ВКП(б) Б. Н. Черноусову о выделении ставки освобожденного парторга в ЦКШ, которая определялась как «школа специального назначения» (РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 6. Д. 357. Л. 29–30). Сергей Татаурщиков в его планах значился в качестве приоритетной кандидатуры на освобожденного секретаря. Со временем вопрос о выделении ставки был решен положительно. Другой документ – правительственная телеграмма из Петрозаводска в ЦК ВЛКСМ от 14 июля 1948 года. В ней говорится: «Просим откомандировать товарища Татаурщикова, окончившего Высшую школу комсомольских работников, для работы секретарем Цемаола республики по кадрам... Секретарь Цемакомпарт Карело-Финской ССР Г. Куприянов». На документе резолюция, написанная четким и узнаваемым почерком Шелепина: «Я об этом говорил с т. Куприяновым и т. Андроповым» (РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 58. Д. 437. Л. 25). Секретариат ЦК ВЛКСМ своим решением от 8 сентября 1948 года постановил направить Татаурщикова в распоряжение ЦК ЛКСМ КФССР. В характеристике, адресованной в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), подписанной Шелепиным, отмечалось: «Успешно совмещал хорошую учебу с работой секретаря партийной организации школы. Глубоко вникал в содержание учебно-воспитательного процесса, умело направлял работу партийного бюро», «опытный, принципиальный и добросовестный работник» (РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 58. Д. 437. Л. 11). В ЦК ЛКСМ Карело-Финской республики С. П. Татаурщиков работал секретарем ЦК по кадрам (1948–1949), вторым секретарем (1949–1950), первым секретарем ЦК комсомола (3 марта – 7 июля 1950 года).

⁴ Николай Николаевич Месяцев в 1946–1948 годах работал инструктором, ответственным за оргинструкторском отделе ЦК комсомола, в 1950–1952 годах – заместителем заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ (его непосредственным начальником был Шелепин). В 1955–1959 годах Месяцев являлся секретарем ЦК ВЛКСМ. Во второй половине 1960-х годов работал в должности председателя Гостелерадио СССР.

⁵ См.: Исторический архив. 2018. № 5. С. 70–94.

⁶ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 143.

⁷ Шлейкин Ю. В. Указ. соч. С. 240.

⁸ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 207–208.

⁹ Там же. Л. 210.

¹⁰ В 1944–1946 годах Мария Комиссарова училась в Москве, в первом наборе Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Данный набор в составе 260 слушателей – «цекашцев», как себя с гордостью они называли, был уникален по качественной характеристике. По подсчету автора и сделанной на основании личных дел выборке, 82 слушателя являлись фронтовиками. Более трети слушателей из общего набора воевали на фронтах Великой Отечественной войны в самое трудное время – 1941, 1942, 1943 годах, были награждены боевыми орденами и медалями в период войны, когда высокие боевые награды вручались нечасто. Первый выпуск слушателей в количестве 238 человек состоялся в сентябре 1946 года. Выпускникам ЦКШ выдавался диплом образца высших учебных заведений на правах учительского института, они получали незаконченное высшее образование. После окончания ЦКШ Мария Комиссарова работала в ЦК ЛКСМ КФССР зав. отделом рабочей молодежи (1946–1949). С 17 июня 1949 до 10 июля 1950 года была секретарем ЦК комсомола республики по кадрам.

¹¹ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 208.

¹² Там же. Л. 209.

¹³ Там же. Л. 208–209.

¹⁴ Там же. Л. 313.

¹⁵ Там же. Л. 314.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 354.

¹⁸ Там же. Л. 355.

¹⁹ Там же. Л. 356.

²⁰ Там же.

²¹ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 407. В будущем П. И. Мартынов работал в партийных органах Карелии, с 1966 года в аппарате ЦК КПСС, затем в Министерстве иностранных дел СССР.

²² Там же. Л. 302.

²³ Там же. Л. 365.

²⁴ Там же. Л. 173.

²⁵ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П–1229. Оп. 3. Д. 1744. Л. 1.

²⁶ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 58. Д. 3817. Л. 3.

²⁷ Там же. Д. 3817. Л. 11–12.

²⁸ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 389.

²⁹ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 6. Д. 693. Л. 4, 8, 10, 15.

- ³⁰ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 14. Д. 853. Л. 381.
³¹ Там же. Л. 63, 65.
³² См.: Исторический архив. 2017. № 6. С. 104–121.
³³ Шлейкин Ю. В. Указ. соч. С. 242.
³⁴ НА РК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 3942. Л. 159.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова А. А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 94–112.
2. Ваксер А. З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб.: Европейский Дом, 2012. 48 с.
3. Васильев Ю. А. Идеи М. В. Ломоносова в русской исторической школе // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 141–148.
4. Васильев Ю. А. Очень странный российский капитализм // Власть. 2011. № 9. С. 4–6.
5. Гижов В. А. «Ленинградское дело» в отечественной историографии // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций XX–XXI вв. Саратов: Амирит, 2016. С. 55–58.
6. Месяцев Н. Н. Горизонты и лабиринты моей жизни. М.: Вагриус. 2005. 624 с.

Поступила в редакцию 28.08.2024; принята к публикации 28.10.2024

Original article

Yuri A. Vasiliev, Dr. Sc. (History), Professor, Moscow University for the Humanities, Deputy Editor, Journal “Vlast’ (Authority)” (Moscow, Russian Federation)
vasyural@mail.ru

KARELIAN PAGE OF THE “LENINGRAD CASE”

Abstract. The foundation of this publication is derived from materials housed in the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Central to the study is the transcript from the 5th Plenum of the Central Committee of the Leninist Communist League of Youth of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, which took place on 27–28 February, 1950. The organization and execution of this event were conducted personally by Yu. V. Andropov, following directives from Moscow. The author had the opportunity to examine this documentary source in its entirety, as well as to explore numerous personal files of young Komsomol leaders from that period, many of whom later emerged as notable statesmen in both the country and Karelia. This publication sheds light on the significant role played by Yu. V. Andropov, the Second Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Karelo-Finnish Republic, in the events surrounding the “Leningrad case” and its repercussions within the sixteenth union republic.
Key words: Yu. V. Andropov, “Leningrad case”, late Stalinism, Karelo-Finnish SSR, plenum of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks), Komsomol

For citation: Vasiliev, Yu. A. Karelian page of the “Leningrad case”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):96–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1115

REFERENCES

1. Amosova, A. A., Brandenberger, D. The modern approaches to the study of “Leningrad affair” of the late 1940s – early 1950s in the Russian semi-scholarly literature. *Modern History of Russia*. 2017;1:94–112. (In Russ.)
2. Vakser, A. Z. The “Leningrad case”. Results of the study and new aspects. St. Petersburg, 2012. 48 p. (In Russ.)
3. Vasiliev, Yu. A. The ideas of M. V. Lomonosov in the Russian historical school. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2014;2:141–148. (In Russ.)
4. Vasiliev, Yu. A. Very strange Russian capitalism. *Vlast’ (Authority)*. 2011;9:4–6. (In Russ.)
5. Gizhov, V. A. The “Leningrad case” in Russian historiography. *Russia – USSR – RF during reforms and revolutions of the XX and the XXI centuries*. Saratov, 2016. P. 55–58. (In Russ.)
6. Mesyatsev, N. N. Horizons and labyrinths of my life. Moscow, 2005. 624 p. (In Russ.)

Received: 28 August 2024; accepted: 28 October 2024

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

verigin@petrsu.ru

ЛИЧНОСТЬ Ю. В. АНДРОПОВА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КП(б) Г. Н. КУПРИЯНОВА

А н н о т а ц и я . Статья подготовлена на основе как опубликованных, так и неопубликованных воспоминаний первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова. Неопубликованные материалы в виде монографий, брошюр, статей были переданы им в Национальный архив Республики Карелия и составили отдельный авторский фонд. До последнего времени эти обширные и интересные документы не становились предметом специальных исследований. На основе анализа исторического наследия Куприянова выявлены причины того, почему положительный образ Андропова в опубликованных мемуарах Куприянова меняется на негативный в его неопубликованных работах. В исследовании развенчиваются некоторые мифы об Андропове, которые продолжают вбрасываться в медийное пространство России. Статья вносит вклад в российскую историографию жизни и деятельности государственного и политического деятеля СССР Ю. В. Андропова.

Ключевые слова: Ю. В. Андропов, Г. Н. Куприянов, Великая Отечественная война, Карелия, Карельский фронт

Для цитирования: Веригин С. Г. Личность Ю. В. Андропова в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б) Г. Н. Куприянова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 106–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1116

ВВЕДЕНИЕ

Биография государственного и партийного деятеля СССР Ю. В. Андропова (1914–1984), председателя КГБ СССР (1967–1982), Генерального секретаря ЦК КПСС (1982–1984), связана с Карелией. В июне 1940 года он был направлен из Ярославля, где руководил областной комсомольской организацией, в только что образованную Карело-Финскую ССР (КФССР) на должность первого секретаря ЦК ЛКСМ республики. За одиннадцать лет проживания в Карелии Андропов прошел путь от первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР до второго секретаря ЦК КП(б) КФССР и в июне 1951 года был переведен на работу в Москву в аппарат ЦК КПСС. Именно в Карелии в тяжелый военный и послевоенный периоды происходило формирование личности Андропова как государственного и политического деятеля.

В официальной биографии Ю. В. Андропова указывается, что за большую организаторскую работу по мобилизации молодежи республики в годы войны и восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, участие в органи-

зации партизанского движения в Карелии Юрий Андропов был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Избирался депутатом Верховного Совета КФССР (1947–1955).

Из одиннадцати лет пребывания на карельской земле десять лет Ю. В. Андропов работал под руководством первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова, в том числе и в самый тяжелый для страны и республики период – в годы Великой Отечественной войны. В этой связи рассмотрим вопрос о том, как личность Ю. В. Андропова описывается в воспоминаниях главного партийного руководителя республики.

В 1936–1937 годах практически все руководители Карельской АССР, большинство из которых были финскими коммунистами, эмигрировавшими из Финляндии в Советскую Россию в начале 1920-х годов после поражения финской революции, подверглись репрессиям. Встала задача обновить руководство республи-

ки «сталинскими выдвиженцами». В 1938 году из Ленинграда в Карелию на партийную работу был направлен бывший первый секретарь Куйбышевского райкома партии Г. Н. Куприянов, избранный первым секретарем Карельского обкома ВКП(б).

В 1940 году после окончания Советско-финляндской войны (1939–1940) и создания КФССР он стал первым секретарем ЦК КП(б) КФССР. Двенадцать лет Г. Н. Куприянов возглавлял партийную организацию республики. В годы войны он был членом Военного Совета Карельского фронта. В 1950 году Г. Н. Куприянов был арестован и осужден по «Ленинградскому делу», а освобожден лишь в 1956 году. Полностью реабилитирован в 1957 году.

После реабилитации он жил в г. Пушкине Ленинградской области и был директором Пушкинских дворцов и парков. После выхода на пенсию и до смерти в 1979 году Г. Н. Куприянов практически все свое время посвятил встречам с участниками Великой Отечественной войны на Севере, изучению архивных документов и написанию воспоминаний. В 1960–1970-е годы им были опубликованы многочисленные статьи в газетах и журналах, а также две книги [2], [3].

Однако многие его работы так и не были изданы. Как показывают архивные документы, в 1960–1970-е годы они неоднократно включались в планы издательства «Карелия», но затем снимались из них. На наш взгляд, это объясняется тем, что в воспоминаниях Г. Н. Куприянова давалась нелицеприятная оценка поведения в годы войны некоторых руководителей республики 1960–1970-х годов: первого секретаря Карельского обкома КПСС И. И. Сенькина и Председателя Президиума Верховного Совета Карельской АССР П. С. Прокконена, которые и оказывали противодействие этим публикациям в Карелии. В предисловии к рукописи «Война на Севере» Г. Н. Куприянов пишет:

«Для меня сейчас предельно ясно, что, если бы моя рукопись была написана идеально, она все равно не была бы издана в Карелии, пока Прокконен и Сенькин занимают руководящие посты»¹.

Личный архив Куприянова после его смерти был передан в Национальный архив Республики Карелия (НАРК) и оформлен в специальный фонд 3435². Он включает в себя рукописи неопубликованных книг: «Война на Севере», «Записки партийного работника», «Партизанское движение в Карелии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Чувство дистанции», «Пленные финны», многочисленные статьи, отправленные им в редакции газет и жур-

налов, обширную переписку с воинами Карельского фронта, партизанами и подпольщиками, воевавшими на территории Карелии, дневники, которые он вел в сталинских тюрьмах и на пересыльных пунктах после своего ареста, и другие документы.

Особенностью военных мемуаров Г. Н. Куприянова (как опубликованных, так и архивных) является детальное освещение событий, которые происходили с ним, а также характеристики большого количества людей, с которыми ему пришлось работать или просто сталкиваться в каких-либо ситуациях. Это были политические и государственные деятели страны, партийные и советские работники Карелии, партизаны и подпольщики ЦК КП(б) КФССР, разведчики Карельского фронта, труженики тыла республики. И конечно, Куприянов не мог обойти своим вниманием личность первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР, одного из организаторов партизанского и подпольного движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны Ю. В. Андропова. При этом следует подчеркнуть, что характеристика Андропова в опубликованных мемуарах Куприянова резко отличается от освещения его деятельности в неопубликованных воспоминаниях.

В опубликованных книгах, статьях, рецензиях Г. Н. Куприянов дает однозначно положительную оценку деятельности Андропова в Карелии. Так, в книге «От Баренцева моря до Ладоги», опубликованной в Ленинграде в 1972 году, рассказывая о первых днях Великой Отечественной войны, он подчеркивает организованность и собранность комсомольского руководителя. Куприянов пишет, что уже 22 июня 1941 года Ю. В. Андропов вместе с другими известными в республике людьми выступил на митинге трудящихся Петрозаводска, призывая к защите Родины от вторгшихся захватчиков. 12 июля 1941 года он принял активное участие в формировании 131-го полка из состава партийных, советских, комсомольских и профсоюзных работников [3: 25, 41].

Куприянов показывает большой вклад комсомола республики в победу в годы Великой Отечественной войны и работу Андропова в должности руководителя комсомола Карелии:

«Мне трудно сейчас говорить обо всем, что сделала молодежь республики в годы минувших сражений. Об этом хорошо рассказал Ю. В. Андропов в своей книге “Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне”... Секретари ЦК комсомола республики Ю. В. Андропов, И. М. Петров, И. И. Вахрамеев и Ф. Ф. Тимошайнен в тяжелые годы войны проявили незаурядные способности организаторов. Они много помогали пар-

тийным органам в мобилизации людских и материальных ресурсов Карелии на помощь фронту» [3: 241, 242].

Важно подчеркнуть, что, высоко оценивая организаторские способности Андропова, Куприянов часто советовался с ним по важнейшим вопросам, в частности по подбору и расстановке кадров:

«Ф. Ф. Тимоскайнен, финн по национальности, один из секретарей ЦК ЛКСМ Карелии, неоднократно просил отправить его в действующую армию. Но у нас с Андроповым были другие планы. Мы решили послать Тимоскайнена на подпольную работу в оккупированный Петрозаводск... В качестве секретаря Петрозаводского подпольного горкома Ф. Ф. Тимоскайнен работал четыре с половиной месяца... В конце 1943 г. охранка напала на след Ф. Ф. Тимоскайнена. Его арестовали и по приговору военно-полевого суда расстреляли. Мы потеряли еще одного верного сына Родины, бесстрашного бойца нашей партии» [3: 242, 243].

В своих воспоминаниях Куприянов отмечает, что в 1942 году секретари ЦК ЛКСМ Карелии либо перешли на партийную работу, либо ушли на фронт, и, таким образом, комсомольской организацией республики руководил по существу один Ю. В. Андропов с небольшим аппаратом. Но далее он пишет:

«Правда, к тому времени Юрий Владимирович имел уже большой опыт – до приезда в Карелию был первым секретарем Ярославского обкома комсомола. К нам прибыл в июне 1940 г., быстро “акклиматизировался”, установил хорошую связь с комсомольскими организациями полевых войск и войск пограничной охраны. В годы войны Андропов много сделал для развертывания подпольной работы в тылу врага... Мария Мелентьева и Анна Лисицына, Анастасия Звездина и Мария Бультекова, Мария Артемьева и Дарья Дудкова, Сильва Паасо и Павел Удадьцов, Федор Исаков и Татьяна Ананьина – всех этих комсомольцев рекомендовал на подпольную и разведывательную работу Ю. В. Андропов. Все они, как и сотни других комсомольцев, с честью выполняли задания в тылу врага» [3: 243].

Куприянов высоко оценивает личные качества Андропова. В книге «От Баренцева моря до Ладоги» он пишет:

«Я очень уважал Юрия Владимировича. С ним было легко работать, приятно беседовать. В любом, большом и малом, деле он находил что-то новое, всегда вносил живую струю в проведение любого мероприятия. Его любили не только комсомольцы, но и весь партийный актив» [3: 243, 244].

Неслучайно, когда в конце 1943 года секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов просил у Куприянова отпустить Андропова в Москву, предполагая затем рекомендовать его первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины, Куприянов выступил против такого решения, и Андропов остался в Карелии:

«За годы войны Ю. В. Андропов значительно вырос, обогатился опытом. Он принимал активное участие в работе партийной организации Карелии. В 1944 г. Юрий Владимирович по моему предложению был избран секретарем Петрозаводского горкома, в еще через два года – вторым секретарем ЦК Компартии республики. В 1946 г. он поступил учиться на заочное отделение исторического факультета Петрозаводского государственного университета, успешно его окончил и получил диплом о высшем образовании³. Вместе с Ю. В. Андроповым мы работали 10 лет – до января 1950 г.» [3: 244].

Большую роль Ю. В. Андропова в организации и развертывании партизанского и подпольного движения в тылу финских войск Г. Н. Куприянов отмечает и в других опубликованных воспоминаниях. Так, в мемуарах «За линией Карельского фронта» (Петрозаводск: Карелия, 1975) он пишет:

«В ноябре 1942 г. из комсомольцев Карелии, а также из комсомольцев, присланных по просьбе секретаря ЦК ЛКСМ республики Ю. В. Андропова из Иркутской области, Красноярского края и города Ташкента, был сформирован партизанский отряд “Комсомолец Карелии” численностью 98 человек» [2: 79].

В другом месте этих воспоминаний он отмечает, что

«Власов⁴ и Андропов довольно умело подбирали подпольщиков и хорошо знали их... они также довольно тщательно изучали обстановку в том или ином оккупированном районе, прежде чем перебросить туда подпольщиков. И надо сказать, что у нас было не так уж много случаев гибели людей в момент переброски их за линию фронта или арестов сразу после этого...» [2: 228].

Чем же можно объяснить, что в опубликованных воспоминаниях Куприянова дается исключительно положительная оценка личности Андропова и отсутствует какая-либо критика его деятельности? На наш взгляд, это было вызвано рядом причин. Во-первых, в 1960–1970-е годы, во время подготовки и публикации мемуаров, Ю. В. Андропов занимал ключевой пост в руководстве СССР – был Председателем КГБ СССР, а также кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Поэтому какая-либо критика или даже замечания в адрес такого человека в печати были невозможны. Во-вторых, высказанием предположение, которое подтверждается устными воспоминаниями ветеранов, что именно Председатель КГБ СССР Андропов в условиях противодействия публикаций работ Куприянова со стороны тогдашнего руководства Карелии (первого секретаря Карельского обкома КПСС И. И. Сенькина и Председателя Президиума Верховного Совета КАСР П. С. Прокконена) помог этим мемуарам выйти в свет.

Совсем по-другому выглядит личность Ю. В. Андропова в неопубликованных воспоминаниях Г. Н. Куприянова. Положительная характеристика Андропова, данная автором в опубликованных работах, меняется на описание его отрицательных качеств и недостатков. В первую очередь Куприянов ставит в вину Андропову отказ от личного участия в работе подпольного Петрозаводского горкома комсомола, а также отказ от заброски в тыл противника в составе партизанского отряда «Комсомолец Карелии». Причем к этим вопросам он обращался неоднократно как в крупных работах («Война на Севере», «Записки партийного работника», «Чувство дистанции»), так и в своих многочисленных статьях.

В книге «Война на Севере» Куприянов пишет:

«Юрий Владимирович сам не просился послать его на войну, в подполье или партизаны, как настойчиво просились многие работники старше его по возрасту. Больше того, он часто жаловался на больные почки. И вообще на слабое здоровье. Был у него и еще один довод для отказа отправить его в подполье или в партизанский отряд: в Беломорске у него жила жена, она только что родила ребенка. А его первая жена, жившая в Ярославле, забрасывала нас письмами с жалобой на то, что он мало помогает их детям, что они голодают и ходят без обуви, оборвались (и мы заставили Юрия Владимировича помогать своим детям от первой жены). <...> Все это, вместе взятое, не давало мне морального права... послать Ю. В. Андропова в партизаны, руководствуясь партийной дисциплиной. Как-то неудобно было сказать: “Не хочешь ли повоевать?” Человек прячется за свою номенклатурную бронь, за свою болезнь, за жену и ребенка»⁵.

В 1942 году заведующий орготделом ЦК КП(б) КФССР И. В. Власов предложил Куприянову послать Андропова в тыл противника для того, чтобы тот возглавил Петрозаводский подпольный горком комсомола, но Андропов, по словам Куприянова, отказался, сославшись на плохое физическое состояние (болезнь почек):

«Характерно, что в это же время, когда И. В. Власов поставил вопрос о посылке Ю. В. Андропова секретарем подпольного горкома комсомола в г. Петрозаводск, секретарь ЦК по кадрам А. С. Варламов предложил направить Ю. В. Андропова комиссаром партизанского отряда “Комсомолец Карелии”. А. С. Варламов мотивировал посылку Андропова тем, что Юрий Владимирович здоровый парень. Чего ему околачиваться в тылах. В ЦК комсомола хватит работников и без Андропова — пусть повоюет. И будет хорошо, если комсомольский партизанский отряд возглавит секретарь ЦК комсомола. Но и в данном случае Андропов отказался по указанной выше причине»⁶.

С чем связана столь негативная оценка деятельности Андропова в военный период в Карелии в неопубликованных воспоминаниях Куприянова? Ответ на этот непростой вопрос можно найти

в его рукописях. Куприянов считал, что Андропов не только не помог ему в сложный период, когда он привлекался по «Ленинградскому делу», но и поддержал позицию Москвы (необоснованный арест):

«В июле 1949 года, когда руководящие работники Ленинграда были уже арестованы, Маленков начал присылать к нам в Петрозаводск комиссию за комиссией, чтобы подбирать материал для ареста меня и других товарищей, ранее работавших в Ленинграде. Нас обвиняли в следующем: мы — работники ЦК КП(б) Куприянов и Власов, политически близорукие люди, носимся с подпольщиками и превозносим их работу, просим наградить их орденами. А на самом деле каждого из тех, кто работал в тылу врага, надо тщательно проверять и ни в коем случае не допускать на руководящую работу. Кое-кого и арестовать! Я сказал, что у меня нет никаких оснований не доверять людям, что все они честные и преданные партии, что свою преданность Родине они доказали на деле, работая в тяжелых условиях, рискуя жизнью. Весь этот разговор происходил в ЦК партии Карелии, в присутствии всех секретарей. Я сказал, ища поддержки у своих товарищей, что вот Юрий Владимирович Андропов, мой первый заместитель, хорошо знает всех этих людей, так как принимал участие в подборе, обучении и отправке их в тыл врага, когда работал первым секретарем ЦК комсомола, и может подтвердить правоту моих слов. И вот, к моему великому изумлению, Юрий Владимирович встал и заявил: “Никакого участия в организации подпольной работы я не принимал. Ничего о работе подпольщиков не знаю. И ни за кого из работавших в подполье ручаться не могу”»⁷.

Сам же Куприянов и разъясняет, почему Андропов занял такую позицию:

«Андропов, как умный человек, видел, куда клонится дело. Предвидел мою судьбу, может быть во много раз лучше, чем я сам, ибо был посвящен Шкирятовым⁸ и компаний во все, что готовилось против меня, и поспешил отмежеваться. Хотя до этого в течение 10 лет у нас не было с ним разногласий ни по одному вопросу»⁹.

И далее с горечью добавляет:

«Не легко и не совсем просто писать плохое о человеке, с которым проработал 10 лет, которого до 1949 г. я очень любил и уважал, защищал, когда возможно надо было наказывать. О человеке, который много раз в присутствии многих товарищей называл меня своим учителем. Не легко признавать свою ошибку в оценке этого человека в прошлом. И все это еще более усложняется тем, что он занимает сейчас большой руководящий пост в партии»¹⁰.

Как же оценивать такую негативную позицию Куприянова по отношению к Андропову в его неопубликованных работах и можно ли с ней согласиться? Следует, прежде всего, подчеркнуть, что данная оценка содержится только у Куприянова, причем исключительно в неопубликованных мемуарах. В воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны — партизан

и подпольщиков Карельского фронта, партийных и советских работников, трудившихся вместе с Андроповым в Карелии в военные и послевоенные годы, дается положительная характеристика его деятельности, подчеркивается огромный вклад, который он внес в организацию партизанского и подпольного движения в Карелии в военный период [1], [4], [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воспоминания Г. Н. Куприянова носят субъективный характер и отражают его собственную точку зрения на те или иные события. В неопубликованных воспоминаниях, на наш взгляд, звучит обида на то, что никто из его товарищей по ЦК КП(б) и Совету Министров КФССР (в том числе и Андропов) в тяжелый для него период конца 1949 – начала 1950 года, когда против него фабриковалось дело, а затем арест по «Ленинградскому делу», за него не заступился. Однако следует иметь в виду, что в условиях административно-командной системы и режима личной власти Сталина 1930-х – начала 1950-х годов любое указание из Москвы местным партийным и государственным органам требовало безусловного выполнения. Любой человек, который выступал против решений центра, тем более в таком деле, как «борьба с врагами народа» (а «Ленинградское дело» квалифицировалось именно так), сам мог оказаться в числе обвиняемых и пособников. В этом плане Андропов не стал исключением: он не мог в одиночку, как бы этого ни желал Куприянов, бороться против сложив-

шейся системы партийно-государственного руководства. Таковы были «правила игры», Куприянов это прекрасно знал и ранее сам поступал подобным образом. Решение Москвы было поддержано и другими руководителями Карелии: О. В. Куусиненом, П. С. Прокконеном и др.

Внимательное и глубокое изучение неопубликованных мемуаров Куприянова показывает, что в описании событий, в которых он пострадал (шесть лет отсидел по «Ленинградскому делу»), ему изменяет объективность и на страницы выплескиваются эмоции, которые искажают то, что происходило в действительности. В настоящий момент целый ряд авторов (С. Чертопруд [6: 51], А. И. Колпакиди [7: 439] и другие), ссылаясь на эти «утверждения» в неопубликованных воспоминаниях Куприянова, продолжают муссировать «мифы об Андропове»: он в армии не служил (снят с воинского учета в 1936 году), за линию фронта не забрасывался, в военных действиях не участвовал, в состав Штаба партизанского движения не входил и др. Их негативная оценка по отношению к Андропову, на мой взгляд, может объясняться двумя причинами: либо некритическим отношением к эмоциональным высказываниям Куприянова, либо сознательным передергиванием фактов.

Все это еще раз подтверждает необходимость для исследователей критического подхода к мемуарным источникам, оценки их с позиций сравнительного анализа в совокупности с другими документами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 3435. Оп. 3. Д. 1/2. Л. 48.

² НАРК. Ф. 3435 – Фонд Г. Н. Куприянова.

³ Здесь Куприянов допускает ошибку. До отъезда из Карелии в Москву в 1951 году Андропов с 1947 года успел закончить только четыре курса на заочном отделении историко-филологического факультета Петрозаводского госуниверситета, а закончил учебу и получил образование уже в Москве в Высшей партийной школе.

⁴ И. В. Власов – заведующий орготделом ЦК КП(б) КФССР.

⁵ НАРК. Ф. 3435. Оп. 2. Д. 188. Л. 204–206.

⁶ Там же. Л. 206–207.

⁷ Там же. Л. 209–211.

⁸ М. Ф. Шкирятов – советский государственный и партийный деятель. В описываемый Куприяновым период занимал должность заместителя Председателя партийного контроля при ЦК ВКП(б).

⁹ НАРК. Ф. 3435. Оп. 2. Д. 188. Л. 208–209.

¹⁰ Там же. Л. 209–211.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. За родную Карелию: Партизаны и подпольщики: Воспоминания, документы. Петрозаводск: Карелия, 1990. 328 с.
2. Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск: Карелия, 1975. 232 с.
3. Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л.: Лениздат, 1972. 374 с.
4. Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск: Карелия, 1974. 384 с.
5. Прокконен П. С. Героизм народа в дни войны: Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1974. 260 с.
6. Чертопруд С. В. Андропов и КГБ. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 539 с.
7. Энциклопедия секретных служб России / Авт.-сост. А. И. Колпакиди. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. 800 с.

Поступила в редакцию 29.08.2024; принята к публикации 28.10.2024

Original article

Sergei G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
verigin@petsu.ru

**Yu. V. ANDROPOV IN THE MEMOIRS OF G. N. KUPRIYANOV,
THE FIRST SECRETARY OF THE CENTRAL COMMITTEE
OF THE COMMUNIST PARTY (OF BOLSHEVIKS)
OF THE KARELO-FINNISH SOVIET SOCIALIST REPUBLIC**

Abstract. This article about Yu. V. Andropov draws on both published and unpublished memoirs by G. N. Kupriyanov, the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party (of Bolsheviks) of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. Kupriyanov's unpublished materials, including monographs, brochures, and articles, have been transferred to the National Archives of the Republic of Karelia and constitute a distinct authorial collection. Until recently, these extensive and interesting documents have not been the subject of special research. Through an analysis of Kupriyanov's historical heritage, the author of this article reveals why the portrayal of Andropov shifts from a positive image in Kupriyanov's published memoirs to a negative assessment in his unpublished works. This study debunks many enduring "myths" about Andropov that continue to circulate in the Russian media. Overall, this article makes a significant contribution to the Russian historiography of the life and work of Yu. V. Andropov, a prominent statesman and political figure in the USSR.

Key words: Yu. V. Andropov, G. N. Kupriyanov, Great Patriotic War, Karelia, Karelian Front

For citation: Verigin, S. G. Yu. V. Andropov in the memoirs of G. N. Kupriyanov, the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party (of Bolsheviks) of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):106–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1116

REFERENCES

1. For native Karelia: Partisans and underground fighters: Memories, documents. Petrozavodsk, 1990. 328 p. (In Russ.)
2. Kupriyanov, G. N. Behind the line of the Karelian Front. Petrozavodsk, 1975. 232 p. (In Russ.)
3. Kupriyanov, G. N. From the Barents Sea to Ladoga. Leningrad, 1972. 374 p. (In Russ.)
4. The unforgettable: Memories of the Great Patriotic War. Petrozavodsk, 1974. 384 p. (In Russ.)
5. Prokkonen, P. S. Heroism of the people during the war: Memories. Petrozavodsk, 1974. 260 p. (In Russ.)
6. Chertoprud, S. V. Andropov and the KGB. Moscow, 2004. 539 p. (In Russ.)
7. Encyclopedia of Russia's secret services. (A. I. Kolpakidi, Ed.). Moscow, 2003. 800 p. (In Russ.)

Received: 29 August 2024; accepted: 28 October 2024

ЖЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ПАРФЕНОВ

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
научный сотрудник
Национальный музей Республики Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
parfenov97@yandex.ru

Ю. В. АНДРОПОВ И Г. Н. КУПРИЯНОВ – КТО РУКОВОДИЛ ПОДПОЛЬЕМ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР?

А н н о т а ц и я . При изучении подполья Карело-Финской ССР важно обратить внимание на деятельность руководителей данного движения – первого секретаря комсомольской организации Карело-Финской ССР Ю. В. Андропова и первого секретаря партийной организации союзной республики Г. Н. Куприянова. Впервые в отечественной историографии рассматривается вопрос о том, кто из них реально занимался организацией сопротивления в тылу противника, а кто был руководителем подполья лишь формально. Особое внимание уделяется особенностям карельского подполья, которое имело ряд существенных отличий в сравнении с другими регионами СССР. На основе анализа мемуарной литературы, последних биографических исследований и ранее недоступных архивных документов партийного подполья Карело-Финской ССР, которые автор впервые вводит в научный оборот, устанавливается вклад руководства республики в организацию подполья на оккупированной территории Карелии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : партийное подполье, Карелия, Великая Отечественная война, коммунистическая партия, комсомол, спецшкола ЦК КП(б) КФССР, финская оккупация, Ю. В. Андропов, Г. Н. Куприянов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Парфенов Ж. П. Ю. В. Андропов и Г. Н. Куприянов – кто руководил подпольем Карело-Финской ССР? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 112–115.
DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1117

ВВЕДЕНИЕ

2024 год для Республики Карелия значимый – это год двух юбилеев, связанных с историей Великой Отечественной войны: 80-летия освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков и финских оккупантов и 110-летия со дня рождения Юрия Владимировича Андропова – руководителя карельского комсомола в годы войны.

Многие этапы жизненного пути видного советского руководителя изучены и представлены в научной и популярной литературе, в кинодокументалистике, в том числе и «карельский период» его деятельности [8]. В эпоху «застоя» Ю. В. Андропову стали приписывать и то, чем он в действительности не занимался, или преувеличивали его роль в принятии решений [3]. В биографических исследованиях последних тридцати лет, особенно при описании «карельского периода», будущий глава Советского государства нередко выступает противоположностью первого секретаря ЦК КП(б) Ка-

рело-Финской ССР Г. Н. Куприянова, с которым они совместно работали с 1940 по 1949 год, в том числе в период Великой Отечественной войны [1]. В этой связи встает вопрос о том, какова была роль каждого из руководителей – Ю. В. Андропова и Г. Н. Куприянова – в работе подполья на оккупированной территории Карело-Финской ССР.

29 июня 1941 года Совет народных комиссаров СССР совместно с ЦК ВКП(б) издали директиву о необходимости создания на оккупированной врагом территории организованного партизанского сопротивления, суть которого заключалась в формировании партизанских отрядов и организации подпольных групп. В своих воспоминаниях первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянов писал: «К партизанской борьбе и подпольной работе перед войной мы никак не готовились, ибо не допускали и мысли, что враг займет большую часть территории республики» [4: 13].

Такая ситуация, к сожалению, была и в других регионах страны. Многие зависело от того, как конкретный регион сможет перестроиться в условиях войны. Важную роль в реализации директивы занимали партийные органы.

На территории Карело-Финской ССР, где в условиях малонаселенной лесисто-болотистой местности боевые действия велись преимущественно против армии Финляндии, были сформированы партизанские отряды, участвующие активно в оборонительных боях лета – зимы 1941 года и после стабилизации линии Карельского фронта осуществляющие в дальнейшем рейды с советской неоккупированной территории региона в тыл финских войск. Партизанское движение Карелии, в сравнении с другими занятыми противником регионами СССР, не было столь массовым [6: 65–68]. Летом – зимой 1941 года внимание партийных и комсомольских органов было обращено на формирование и комплектацию истребительных батальонов и партизанских отрядов, со стабилизацией ситуации – в том числе на системную подпольную работу в Карело-Финской ССР [3].

В отличие от подпольной работы в других регионах СССР массового подпольного движения в Карелии не сложилось ввиду проводимой политики финляндских оккупационных властей по отношению к местному населению, малонаселенности территории и особых физико-географических условий (121 человек, 58 из которых погибли или пропали без вести)¹.

Системная работа по созданию подполья на оккупированной территории Карело-Финской ССР началась зимой 1941 – весной 1942 года. Подпольщики Карелии действовали преимущественно в малонаселенной сельской местности, где важнейшую роль играл наряду с агитацией и пропагандой сбор разведывательных сведений. Подпольные группы создавались на советской неоккупированной территории, заброска их в тыл врага осуществлялась самолетом, пешим или водным путем. Для отправки в оккупированные районы использовались кадры, знавшие местность и являющиеся «националами» (карелы и вепсы). Также отбирались лица, хорошо владевшие финским языком². Подпольные группы представляли как партийный, так и комсомольский подпольные комитеты, хотя значительную часть отобранных подпольных кадров составляли участники комсомольской организации³.

При изучении подполья Карело-Финской ССР мы должны учитывать, что партийные и комсомольские органы работали в тесном взаи-

модействии. В период активных боевых действий на территории региона из-за боязни выдачи партийных служащих местным неблагоденным населением для осуществления подпольной работы были оставлены преимущественно активисты из числа комсомольских сотрудников⁴. Попытка создания отдельной сети комсомольских подпольных групп в отрыве от партийных подпольных групп в условиях малонаселенной местности и жесткого финляндского оккупационного режима была невозможной. Поэтому создавались смешанные партийно-комсомольские районные подпольные группы, укомплектованные преимущественно комсомольскими кадрами⁵. Кого же в данной ситуации можно назвать руководителями подполья республики?

В своих мемуарах Г. Н. Куприянов отмечал, что, находясь на должности первого секретаря ЦК КП(б), осуществлял общее руководство партизанским движением и подпольной работой в тылу врага, вместе с этим занимаясь и рядом других вопросов, не касавшихся борьбы на оккупированной территории Карело-Финской ССР [4: 193].

Какую же роль в работе подполья играл первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянов? Можно указать лишь следующее: разработка общих указаний об организации работы на оккупированной территории с дальнейшим исполнением работы И. В. Власовым и Ю. В. Андроповым; встречи первого секретаря ЦК КП(б) с отдельными подпольщиками перед выполнением задания или по его завершении, что подтверждается рядом свидетельств⁷. Рассекреченные документы позволяют сделать заключение, что в своих мемуарах Г. Н. Куприянов допустил как автор множество фактических ошибок, сформировав определенный набор мифов о партийном подполье Карелии, с которыми приходится работать современным исследователям. Свою конкретную роль первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР при организации подполья, в отличие от организации партизанской борьбы, четко не обозначил [4: 182–231].

С конца 1941 года в г. Беломорске начинает работу специальная школа ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. С активизацией по созданию партийного подполья на территории Карелии в 1942 году спецшкола ЦК была передана из отдела кадров в ведение организационно-инструкторского отдела, которым руководил Иван Владимирович Власов. Именно И. В. Власов отвечал за организацию партийного подполья на оккупированной территории региона как заместитель Г. Н. Куприянова⁶. Участники комсомольской организации республики были тем резервом, который после учебы

в спецшколе ЦК и отбора отправлялся на работу в тыл врага [1: 47]. Примечательно, что учебная программа курсантов спецшколы утверждалась на заседаниях бюро ЦК КП(б), большая часть часов была отдана на преподавание истории партии и других гуманитарных дисциплин, а не дисциплин военных [1: 74].

Ю. В. Андропов, получивший во время организационной подпольной работы позывной Могикан, осуществлял подбор кандидатов для обучения в спецшколе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и в дальнейшем отвечал за отбор из числа курсантов кадров для подпольной работы. Одной из подпольщиц-радисток была Сильва Карловна Удальцова (Паасо). Она родилась в Финляндии в 1924 году в семье финского коммуниста, которая в 1931 году приехала в СССР. В 1937 году ее отец был репрессирован. Несмотря на это, в 1942 году «дочь врага народа» С. К. Паасо была направлена в спецшколу ЦК. Получив от руководства нелестную характеристику об общей успеваемости и отметку «дочь репрессированного», но вместе с этим имея хорошую спортивную подготовку и отличное знание финского языка, в 1943 году С. К. Паасо была направлена на подпольную работу в оккупированный Шелтозерский район. Спустя многие годы радистка Шелтозерского подпольного райкома вспоминала, что только благодаря вмешательству Ю. В. Андропова она получила возможность отправки на столь ответственную работу [4: 59].

Отобраным на подпольную работу необходимо было создавать легенды на случай попадания к противнику. За создание таких легенд вместе с Ю. В. Андроповым отвечал заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) И. В. Власов. Они же занимались вопросами получения от центрального аппарата в Москве дополнительных средств для снабжения подпольных групп радиостанциями «Север» и другими средствами [2: 201].

Для того чтобы одиночные подпольщики связные-ходоки или подпольные группы вызывали меньше подозрения у оккупационных войск Финляндии, на нелегальную работу в тыл врага

направляли девушек-комсомолок карельского и вепского происхождения, которые хорошо знали местность еще по довоенному периоду.

Стараниями партийного и комсомольского руководства Карело-Финской ССР в 1943 году была развернута кампания по популяризации подвига комсомолок-подпольщиц вепянки Анны Михайловны Лисицыной и карелки Марии Владимировны Мелентьевой. За авторством Ю. В. Андропова, лично знавшего героинь, была написана и издана серия газетных статей о подпольщицах, дан материал для повести Г. Фиша «Карельские девушки»⁸. Вскоре каждая из девушек была представлена к званию Героя Советского Союза и награждена (посмертно).

Ответственность за гибель подпольщиков была на партийном руководстве Карело-Финской ССР, которое пыталось навязать опыт других регионов СССР в осуществлении подпольной борьбы. Доля ответственности лежит и на комсомольском руководителе, который не смог уберечь жизни, в том числе таких молодых комсомолок, как А. М. Звездина, А. М. Лисицына, М. В. Мелентьева, Л. А. Туманова и других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль организаторов подполья Карело-Финской ССР: формальных – Г. Н. Куприянова и реальных – И. В. Власова и Ю. В. Андропова вызывает неподдельный интерес и требует дальнейшего изучения не только для нахождения основ формирования личности главы Советского государства, но и для поиска истоков складывания образа Могикана – лидера карельского комсомола, затмившего других организаторов подполья на территории Карелии. Примечательно, что в последние годы деятельность Ю. В. Андропова по организации партизанского и подпольного движения противопоставляется деятельности Г. Н. Куприянова и И. В. Власова [1]. Происходит не всегда оправданное историческое противопоставление личностей, которые тесно работали друг с другом, решали общие проблемы, приближая общую Победу каждый на своей должности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За родную Карелию: партизаны и подпольщики: Воспоминания, документы / [Отв. ред. К. А. Морозов]. Петрозаводск, 1990. 327 с.

² Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 541. Л. 19.

³ НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁴ НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁵ НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

⁶ Национальный музей Республики Карелия. КГМ-63118.

⁷ НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 214. Л. 139.

⁸ Фиш Г. С. Карельские девушки: [Очерк о партизанках Анне Лисицыной и Марии Мелентьевой]. М.: Молодая гвардия, 1943. 29 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Ю. А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2017. 413 с.
2. Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 447 с.
3. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк / [А. И. Бабин, И. М. Ананьев, А. С. Желтов и др.]; Отв. ред. А. И. Бабин. М.: Наука, 1984. 358 с.
4. Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск: Карелия, 1975. 262 с.
5. Парфенов Ж. П. Особенности подпольного движения на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: Материалы 72-й всерос. (с междунар. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых: Научное электронное издание. Петрозаводск, 2020. С. 101–103.
6. «Север» – наш позывной: [Сборник] / [Авт.-сост.: Л. В. Нифантьева]. Петрозаводск, 2010. 188 с.
7. Чумаков Г. В., Ремизов А. Н. Бригада: история 1-й партизанской бригады Карельского фронта / Военно-ист. о-во Респ. Карелия. Петрозаводск: Компания РИФ, 2007. 358 с.
8. Шлейкин Ю. В. Андропов, Карелия, 1940–1951...: Биографическая хроника. Петрозаводск, 2014. 285 с.

Поступила в редакцию 31.10.2024; принята к публикации 08.11.2024

Original article

Zhenii P. Parfenov, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University, Research Associate, National Museum of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
parfenov97@yandex.ru

WHO LED THE RESISTANCE MOVEMENT IN THE KARELO-FINNISH SOVIET SOCIALIST REPUBLIC – YURY ANDROPOV OR GENNADY KUPRIYANOV?

Abstract. When studying the resistance movement in the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic (SSR), it is important to focus on the role of its key leaders: Yu. V. Andropov, the First Secretary of the Komsomol organization of the Karelo-Finnish SSR, and G. N. Kupriyanov, the First Secretary of the party organization of the union republic. This study is the first in Russian historiography to address the question of who actively organized resistance efforts behind enemy lines and who held a leadership position in the underground movement in name only. Particular attention is given to the unique characteristics of the Karelian underground, which exhibited several notable differences compared to similar movements in other regions of the USSR. Utilizing an analysis of memoirs, recent biographical studies, and previously inaccessible archival documents related to the party underground of the Karelo-Finnish SSR – which the author presents for the first time – this research establishes the contributions of the republic's leadership to the organization of resistance activities in the occupied territories of Karelia.

Key words: party resistance movement, Karelia, Great Patriotic War, Communist Party, Komsomol, special school of the Central Committee of the Communist Party, Karelo-Finnish SSR, Finnish occupation, Yu. V. Andropov, G. N. Kupriyanov

For citation: Parfenov, Zh. P. Who led the resistance movement in the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic – Yuri Andropov or Gennady Kupriyanov? *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1117

REFERENCES

1. Vasilyev, Yu. A. Yuri Andropov. On his way to power. Moscow, 2017. 413 p. (In Russ.)
2. Gordienko, A. A. Kupriyanov and his time. Petrozavodsk, 2010. 447 p. (In Russ.)
3. The Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945: Essay on military history. (A. I. Babin, Ed.). Moscow, 1984. 358 p. (In Russ.)
4. Kupriyanov, G. N. Behind the line of the Karelian Front. Petrozavodsk, 1975. 262 p. (In Russ.)
5. Parfenov, Zh. P. Features of the underground movement in Karelia during the Great Patriotic War. *Research work of students and young scientists: Proceedings of the 72nd all-Russian scientific conference of students and young scientists (with international participation)*. Petrozavodsk, 2020. P. 101–103. (In Russ.)
6. “North” is our call sign: Collection of papers. (L. V. Nifantseva, Comp.). Petrozavodsk, 2010. 188 p. (In Russ.)
7. Chumakov, G. V., Remizov, A. N. The brigade: the history of the 1st partisan brigade of the Karelian Front. Petrozavodsk, 2007. 358 p. (In Russ.)
8. Shleikin, Yu. V. Andropov, Karelia, 1940–1951...: Biographical chronicle. Petrozavodsk, 2014. 285 p. (In Russ.)

Received: 31 October 2024; accepted: 8 November 2024

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ

кандидат философских наук, доцент
(Петрозаводск, Российская Федерация)
assokolov@list.ru

Рец. на кн.: Признание : сборник статей / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; ответственные редакторы : А. В. Антощенко, С. Э. Яловицына. – Петрозаводск : Версо, 2024. – 240 с. – Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову.

Для цитирования: Соколов А. С. Рец. на кн.: Признание : сборник статей / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; ответственные редакторы : А. В. Антощенко, С. Э. Яловицына. – Петрозаводск : Версо, 2024. – 240 с. – Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 116–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1118

Быстротечна река времени, люди же обычно не склонны слишком часто оглядываться в прошлое. Лишь особый повод побуждает человека остановиться и открыться тому потоку ностальгических воспоминаний, который, дожидаясь часа вырваться наружу, живет в сердце каждого. 75-летие со дня рождения, совпавшее с печальной трехлетней годовщиной ухода из жизни, крупного петрозаводского ученого – историка и этносоциолога, организатора историко-архивоведческого образования в стенах Петрозаводского государственного университета А. А. Кожанова (1949–2021), стало таким поводом для многочисленных коллег, сподвижников, друзей и учеников Александра Алексеевича погрузиться в поток благодарственных воспоминаний о годах совместной работы и дружеского общения с выдающимся ученым, замечательным педагогом и прекрасным человеком. Воспоминания эти в виде сборника статей под красноречивым названием «Признание» недавно вышли в свет (под эгидой ИЯЛИ КарНЦ РАН по инициативе и финансовой поддержке коллектива его авторов) в издательстве «Версо» и были представлены читательской общественности на одноименном научно-практическом семинаре 6 сентября 2024 года в стенах ПетрГУ.

Сборник включает четыре раздела. В *первом* разделе «Коллега» собраны статьи авторов, которым посчастливилось учиться и работать с А. А. Кожановым. Пронзительными ностальгическими нотами пронизаны сопровождаемые фрагментами электронной переписки воспоминания о годах аспирантской юности, об общих друзьях и наставниках к. и. н. И. А. Субботиной, посвященные периоду становления Александра Алексеевича как ученого-этнолога, первым опы-

там совместных полевых экспедиций, а также его размышлениям о жизни и переживаниям последних лет. Статья к. и. н. В. Н. Бирина затрагивает годы научной деятельности А. А. Кожанова как сложившегося профессионального исследователя в стенах Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, где в 1970–1980-е годы сформировалось уникальное творческое содружество в лице Е. И. Клементьева, А. А. Кожанова и В. Н. Бирина, которые по передовой на то время научной методике проводили этносоциологические исследования разных групп населения Карелии.

О насыщенной деятельности Александра Алексеевича в качестве заведующего кафедрой истории дореволюционной истории России, о создании им в 1990–2000-х годах нового для карельского высшего образования архивоведческо-документоведческого направления подготовки студентов-историков, а затем и соответствующей университетской кафедры повествует статья к. и. н. Т. Н. Жуковской. Автор подробно рассказывает о бурном, полном творческой энергии времени формирования коллектива, поиска сотрудников и грантов, издания новых учебных пособий и хрестоматий, о разнообразной внеучебной творческой деятельности молодых преподавателей ПетрГУ и студентов-гуманитариев того времени, о заботливом отношении к своим сотрудникам со стороны Александра Алексеевича.

А. А. Кожанов как собиратель, общественный деятель и просветитель представлен в статье недавно ушедшего из жизни известного карельского библиографа, создателя и многолетнего руководителя сектора редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ С. В. Новожило-

вой. Автор представила читателю малоизвестные страницы гражданско-просветительской деятельности Александра Алексеевича на рубеже советской и постсоветской эпох отечественной истории, его огромную роль в формировании уникальной, хранящейся теперь в фондах университетской библиотеки коллекции книжных и рукописных изданий – библиотеке Историко-литературного клуба (БИЛК), одним из организаторов и активных участников которого был сам А. А. Кожанов.

Интересными деталями и подробностями совместной работы и повседневного общения с А. А. Кожановым изобилует статья воспоминаний к. и. н. И. В. Савицкого. В ней представлен не только живой, психологически яркий портрет Александра Алексеевича, но и портрет ставшего теперь уже почти легендарным «мобильного», наполненного страстями и поиском всего нового, незакоственного, живого «времени Кожанова», о котором с такой ностальгией и упоением вспоминают все, то время заставшие. Заставшие самого Александра Алексеевича.

Основные этапы истории кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, созданной усилиями А. А. Кожанова, ее кадровый состав, основные подходы к специализированному обучению особой студенческой группы историков – документоведов и архивоведов стали предметом статьи к. и. н. В. В. Волоховой, написанной по материалам личных воспоминаний и сохранившихся отчетных документов кафедры.

Любопытные детали многогранного взаимодействия Александра Алексеевича и возглавляемой им кафедры с Национальным архивом Республики Карелия, ставшим в итоге основной площадкой для архивных практик студентов, местом шлифовки их будущих профессиональных навыков и бесценным кладом необходимой для научной и преподавательской работы сотрудников кафедры информации, освещены в статье заместителя директора НА РК И. Г. Петуховой. Непосредственный, «живой» контакт архивистов, документоведов, преподавателей и студентов, участие в экспертных комиссиях по определению ценности документов, применение современных информационных систем архива в учебной деятельности стали воистину поучительным примером взаимно полезного сотрудничества и плодотворной коммуникации между образовательным и производственным (архивным) учреждениями.

Второй раздел сборника под названием «Учитель» представлен некоторыми, отобранными

редколлегией сборника из числа многих им подобных, статьями-воспоминаниями студентов исторического факультета ПетрГУ разных лет (К. В. Годунова, М. Р. Каюмовой, М. А. Мешкова, А. А. Симукова, А. В. Собисевича, А. А. Кальяновой (Гориной)), которым повезло учиться и осваивать профессиональные исследовательские навыки в контакте с А. А. Кожановым. Среди них выпускники, слушавшие его лекции, готовившие под руководством Александра Алексеевича курсовые работы и дипломные сочинения. Искренним уважением и неподдельной теплотой пронизаны собранные в данном разделе сборника статьи и небольшие мемуарные заметки. Пролито дополнительную информацию о жизни исторического факультета ПетрГУ того времени воспоминания о студенческой газете «Простые истины», созданию которой способствовал Александр Алексеевич. Немало поучительных штрихов к его психологическому портрету добавляет чудом сохранившаяся до наших дней запись интереснейшего интервью 2015 года, в котором (крайне немногословный обычно насчет подробностей собственной жизни) А. А. Кожанов раскрыл студентке-интервьюеру М. Р. Каюмовой любопытные детали своей насыщенной биографии, рассказал о годах молодости, выборе будущей профессии, поступлении на исторический факультет, работе по организации архивоведско-документоведческого профиля исторического образования в стенах Петрозаводского государственного университета.

С уважением к своему коллеге и идейному единомышленнику, всегда уделявшему перво-степенное значение работе с историческими первоисточниками и учившему этому профессиональному мастерству студентов созданного им в ПетрГУ особого специализированного направления исторического образования, вспоминают А. А. Кожанова и авторы пяти научных статей, из которых состоит *третий* раздел сборника «Вдохновитель».

Интересующийся проблемами отечественной истории читатель найдет в данном разделе новую источниковедческую работу известного российского историка и популяризатора исторических знаний д. и. н. И. Н. Данилевского, посвященную анализу летописных свидетельств одного из эпизодов напряженных взаимоотношений Москвы, Твери и Орды в XIV столетии. Глубоко погруженному, как в свое время и сам Александр Алексеевич, в размышления об исторических путях развития России и, в частности, интересующемуся теоретическими штудиями на данную тему яркой плеяды отечественных мыслителей, известных под именем «евразийцев», будет весьма любопытно ознакомиться со статьей д. и. н. А. В. Антощенко о жизни, творчестве и участии в революционной пропаганде одного из ярких представителей этого идейного течения русской общественной мысли – Г. П. Федотова.

Межнациональным отношениям и национальной политике в Карелии – теме, систематически привлекавшей А. А. Кожанова в качестве профессионального этнолога и этносоциолога, посвящены следующие статьи. Отдельные историографические аспекты данной темы, интерес к ней в различные периоды истории, различие в подходах к ее освещению в работах разных лет самого Александра Алексеевича и других исследователей рассмотрены в статье к. и. н. А. И. Бутвило. Ставшими уже классическими этносоциологическими исследованиями А. А. Кожанова (в многолетнем творческом содружестве с Е. И. Клементьевым) сельской социальной среды Карелии нескольких послевоенных десятилетий, ее демографического состава и социально-экономического положения навеяны результаты, полученные в ходе изучения материального положения и быта послевоенной карельской деревни 1940–1950-х годов к. и. н. Л. И. Вавулинской.

Опыту реализации одного из глобальных, начатых еще работами А. А. Кожанова и продолженных его коллегами, учениками и научными единомышленниками исследовательских проектов рубежа XX–XXI веков по сбору и публикации

документов истории национальных движений в Карелии посвящена статья к. и. н. З. И. Строгалыщиковой и к. и. н. С. Э. Яловицкой.

Чрезвычайно полезной будущим исследователям научного творчества Александра Алексеевича и соответствующего периода развития исторической и этносоциологической науки и высшего исторического образования в Карелии в целом, без сомнения, окажется публикация *библиографии* научных трудов А. А. Кожанова, а также ярко характеризующих многолетние исследовательские интересы и самый стиль научного письма Александра Алексеевича его историко-социологических статей 2005 и 2009 годов о развитии этноязыковой ситуации в Карелии с послевоенного периода по начало XXI века, выполненных на большом документальном материале, введенном им в научный обиход в содружестве с другими выдающимися карельскими исследователями.

Опубликованный сборник выполнен в лучших традициях научно-мемориальных изданий подобного рода. Он удачно выстроен: содержит предисловие от составителей с информацией о замысле работы над сборником, а также о его структуре, включает некоторые показательные для понимания научных интересов и высочайшего уровня исследовательского профессионализма работы самого А. А. Кожанова, а также новые статьи с благодарностью и уважением ссылающихся на него известных российских и карельских ученых по темам, перекликающимся с областями исследовательских интересов Александра Алексеевича. Содержатся в сборнике и глубоко личные воспоминания людей, хорошо знавших его: кто как опытного, требовательного и одновременно чрезвычайно заботливого и доброжелательного университетского наставника и руководителя, кто как коллегу по научному цеху, те же, кому улыбнулась судьба быть с Александром Алексеевичем знакомым более глубоко, – и как верного друга, чуткого и внимательного помощника, остроумного собеседника, жадного до всего нового, самобытного и талантливого, но незыблемо твердого в собственных фундаментальных гуманистических убеждениях, сильного, гордого и мудрого человека. Человека, всегда удивлявшего окружающих потрясающей тактичностью и скромностью в повседневном общении. Человека, перед обаянием личности которого невозможно было устоять никому, включая и автора этих строк. Человека, многое повидавшего и испытывавшего в жизни, знавшего о ней бесконечно много, а понимавшего в ней – абсолютно все.

Сборник достойно выполнен и полиграфически. Вошедшие в его состав текстовые и справочные материалы оформлены в соответствии с принятыми библиографическими правилами и сопровождаются явно украшающими и «оживляющими» повествование фотографиями из личных коллекций Александра Алексеевича, любезно предоставленными для данного издания его супругой Натальей Дмитриевной Гусаровой.

Рецензируемый сборник, ставший зримым подтверждением не угасшего еще до конца в современном российском научном сообществе духа братства, взаимного уважения и академической солидарности, без сомнения, окажется великолепным подарком не только для знавших Александра Алексеевича его друзей, коллег и учеников, но и для будущих исследователей того непростого и емкого периода в развитии отечественной науки и системы высшего образования, который связан в Карелии во многом именно с деятельностью А. А. Кожанова. Сборник будет интересен также для широкого круга читателей, готовых увлеченно погрузиться в изучение истории страны и родного края и жаждущих узнать как можно больше нового и поучи-

тельного о тех выдающихся людях, которые эту историю изучали и делали.

Как рецензент выражаю огромную благодарность ответственным редакторам сборника д. и. н. А. В. Антощенко и к. и. н. С. Э. Яловицкой, взявшим на себя хлопотную работу по организации данного издательского проекта. И, конечно же, большое спасибо всем принявшим участие в его реализации авторам, нашедшим в привычной сутолоке житейских дел и повседневных забот время и желание поделиться с читателем благодарными воспоминаниями и теплыми словами признания в адрес человека, сыгравшего некогда благородную и столь важную, как это все отчетливее становится видно с каждым следующим прожитым без него годом, роль в их собственной профессиональной и личной судьбе. Александр Алексеевич – право же – этих признательных слов достоин! Замечательно, что сборнику статей и воспоминаний, написанному с неподдельной любовью и уважением к прекрасному человеку, крупному ученому, организатору высшего исторического образования, наставнику и для многих знавших его людей настоящему другу, удалось вовремя выйти в свет! Как горько, что это время настало так рано...

Поступила в редакцию 14.09.2024; принята к публикации 28.10.2024

Review

Andrey S. Sokolov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor
(Petrozavodsk, Russian Federation)
assokolov@list.ru

The book review: Recognition: collection of articles. (A. V. Antoshchenko, S. E. Yalovitsyna, Eds.). Petrozavodsk, 2024. 240 p. Dedicated to Alexander Alekseevich Kozhanov.

For citation: Sokolov, A. S. The book review: Recognition: collection of articles. (A. V. Antoshchenko, S. E. Yalovitsyna, Eds.). Petrozavodsk, 2024. 240 p. Dedicated to Alexander Alekseevich Kozhanov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):116–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1118

Received: 14 September 2024; accepted: 28 October 2024

ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ (1917–1922): ОСМЫСЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

15 марта 2024 года в Москве в Доме Российского исторического общества (РИО) состоялся круглый стол по истории иностранной военной интервенции в России в годы Гражданской войны, который собрал ведущих специалистов по этой теме из разных городов страны, академиков РАН и РАО, руководителей науки и образования.

Заседание круглого стола открыл председатель РИО С. Е. Нарышкин. Он подчеркнул тесную взаимосвязь событий столетней давности и нашей современности, напомнив череду событий, которые привели к ослаблению и распаду страны, а в итоге к иностранной военной интервенции стран Четверного союза и Антанты. Под видом помощи в борьбе с большевиками или создавая марионеточные правительства интервенты стремились к реализации главным образом собственных интересов в ущерб интересам России. Были приведены многочисленные факты разграбления страны интервентами, все делалось для того, чтобы Гражданская война длилась как можно дольше. В выступлении прозвучала и северная тема – история Мудьюга и концлагеря, который был создан интервентами на территории этого острова в Белом море, указано на происходящее сегодня восстановление Мудьюгского мемориала жертвам интервенции. С. Е. Нарышкин призвал извлечь из истории иностранной военной интервенции уроки для современности, главный из которых заключается в том, что развитие России может быть обеспечено лишь при надежной защите ее суверенитета.

От Российской академии наук выступил научный руководитель Института всеобщей истории РАН, сопредседатель РИО, академик РАН А. О. Чубарьян. Он подробно рассмотрел процесс подготовки военной интервенции Антанты в России, в том числе дипломатической ее части. Характеризуя интервенцию, академик

подчеркнул, что война России не объявлялась, это было преступное вооруженное вмешательство, которое положило начало серии подобных акций стран Запада в XX веке. А. О. Чубарьян призвал оценивать события столетней давности с позиций большой геополитики, когда после окончания Первой мировой войны, в ходе Парижской мирной конференции шло формирование нового мирового порядка, а Россия оказалась изгоем в этом процессе. Характеризуя уроки, вытекающие из истории иностранной военной интервенции, А. О. Чубарьян отметил, в частности, важность консолидации страны и общества.

Президент Российской академии образования (РАО) О. Ю. Васильева подчеркнула в своем выступлении важность истории для формирования чувств гражданственности и воспитания подрастающего поколения и, в частности, значимость обсуждаемой темы и ее уроков как с точки зрения более глубокого понимания исторического опыта борьбы с захватчиками, так и для современности. Она поставила перед участниками круглого стола вопрос о необходимости помощи школе и учителям в изучении сложных проблем Гражданской войны и интервенции в России и важности подготовки специального пособия для учителей истории по этой теме. Это предложение получило поддержку участников круглого стола.

Председатель правления РИО, исполнительный директор фонда «История Отечества», доктор исторических наук Р. Г. Гагкуев указал на большой опыт в изучении иностранной военной интервенции в советский период и накопленный тогда фактический и документальный материал, хотя масштабы интервенции 14 стран в Россию, по его мнению, преувеличивались, а силы русской контрреволюции, по сути, лишались какой-либо самостоятельной роли. Но сегодня история иностранной военной интервен-

ции оказалась на периферии исследований. Ей уделяется минимум места и в общих работах по истории, и в учебной литературе. Р. Г. Гагкуев отметил, что сегодня не стоит ни преувеличивать роль интервенции, ни преуменьшать ее, ибо Гражданская война была прежде всего внутренним конфликтом, но вмешательство в него иностранных государств увеличило его продолжительность. Огромную роль играли поставки снабжения, современных вооружений (артиллерия, танки и самолеты) и боеприпасов. Эта помощь была далеко не бескорыстной, интервенты вывозили сырье и продовольствие, рассчитывая закрепить свое влияние в России после окончания Гражданской войны. Указав на отсутствие обобщающего труда по истории иностранной военной интервенции в России, Р. Г. Гагкуев отметил важность скорого выхода в свет 12-го тома «Гражданская война в России. 1917–1922» (в двух книгах) многотомной «Истории России». В заключение он подчеркнул, что сегодня изучение истории интервенции чрезвычайно важно для нашего общества.

Профессор В. И. Голдин, президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России и ответственный редактор названного 12-го тома, указал на сложность анализа феномена иностранной интервенции, так как она эволюционировала и качественно различалась во времени и в пространстве Гражданской войны по количеству и характеру действий ее участников и масштабам. В ней участвовали в разных форматах с общими и различающимися целями и интересами как военно-политические коалиции, так и отдельные государства. Был отмечен парадокс изучения этой темы в нашей стране, ибо в советское время именно с интервенцией связывали развязывание, ожесточенность и длительность Гражданской войны, а в постсоветский период, в условиях новой политической конъюнктуры, обо всем плохом во взаимоотношениях с Западом старались забыть, и тема интервенции ушла на периферию исследовательской повестки. Была подчеркнута необходимость системного анализа международной интервенции во всех ее формах – информационной, идеологической, дипломатической, политической, финансово-экономической, а не только самой острой – насильственного вооруженного вмешательства. Был указан комплекс факторов, которые делали иностранную интервенцию неизбежной, охарактеризованы причины, цели и мотивы интервенции, хронология и вехи интервенции Четверного союза, Антанты и отдельных государств, когда ослабевшую Россию делили на сферы влияния, поощряли сепаратист-

ские тенденции, мятежи и насильственно вторгались, оккупируя ее территории. Указывалось на значимость глубокого раскрытия истории интервенции в школьных и вузовских учебниках и курсах истории, восстановления органической взаимосвязи ее и Гражданской войны в России. Подчеркивалась важность формирования и сохранения корректной исторической памяти об истории интервенции, используя в полной мере потенциал исторических памятников и музейных экспозиций.

Директор Института российской истории РАН, профессор Ю. А. Петров указал на актуальность изучения истории интервенции в России в связи с современными вызовами и угрозами. Он отметил значение серии конференций о Гражданской войне и интервенции в России, проведенных в канун их столетия. Ю. А. Петров особо подчеркнул значение идущей под эгидой ИРИ РАН работы над 20-томной академической «Историей России» и тот факт, что сдан в издательство «Наука» и готовится к печати 12-й том, в котором большое внимание уделено истории иностранной военной интервенции в России.

В выступлении профессора Санкт-Петербургского государственного университета А. Ю. Павлова речь шла главным образом об эволюции причин и характера интервенции стран Антанты в Россию и действиях Франции, в которой он выделил два этапа: до окончания Первой мировой войны, когда, по его мнению, доминировала необходимость восстановления Восточного фронта, и в дальнейшем, когда ее главной целью стала поддержка антибольшевистских сил. А. Ю. Павлов указал на обращения различных политических сил и групп к представителям Антанты с просьбой послать их войска в Россию, отметив, что реалии интервенции стали в дальнейшем для них источником глубоких разочарований.

Кандидат исторических наук Ю. М. Галкина (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) обратилась в своем выступлении к анализу предпосылок интервенции Франции в Россию и к характеристике деятельности ее военной миссии и разведывательной службы. Последняя на протяжении 1917–1918 годов занималась проведением диверсионных операций, работой с агентами влияния, вербовкой национальных контингентов и др. По мере провала попыток дестабилизировать ситуацию в центре страны ставка была сделана на «откалывание» от России национальных окраин и южных областей в собственных интересах.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А. В. Ганин коснулся проблем, с которыми сталкиваются исследователи истории интервенции. Он указал на языковой барьер, затрудняющий работу с иностранными источниками и литературой, в особенности на редких языках, и значимость в связи с этим объединения усилий историков-русистов и специалистов-страноведов, а также необходимость перевода на русский язык наиболее важных зарубежных источников и исследований по различным аспектам истории интервенции. Он отметил сложность доступа ученых к зарубежным архивам, но большие перспективы, по его мнению, связаны с освоением документов российских архивов. Расширение научной базы и систематизация знаний по истории интервенции значимы для дальнейшего изучения истории Гражданской войны.

Директор Музея-заповедника «Сталинградская битва» А. В. Дементьев (Волгоград) и генеральный директор Музея политической истории С. Е. Рыбаков (Санкт-Петербург) рассказали в своих выступлениях, как в музейных экспозициях представлена тематика иностранной интервенции в России.

Итоги круглого стола подвел заместитель министра науки и высшего образования РФ, сопредседатель РИО К. И. Могилевский, напутствовавший специалистов на более полное раскрытие актуальной проблематики иностранной военной интервенции в России и ее исторических уроков в своих исследованиях и учебной литературе. Он подчеркнул важность работы по осмыслению исторического опыта и сохранению исторической памяти о Гражданской войне и интервенции в России.

*В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
v.i.goldin@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.04.2024; принята к публикации 30.09.2024

Scientific information

Vladislav I. Goldin, Dr. Sc. (History), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
v.i.goldin@yandex.ru

FOREIGN MILITARY INTERVENTION IN RUSSIA (1917–1922): CONCEPTUALIZATION IN THE CONTEXT OF MODERNITY

Received: 12 April 2024; accepted: 30 September 2024

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ЖЕНСКИЙ ТРУД В РОССИИ И В МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ, ОСОБЕННОСТИ»

12–15 февраля 2025 года

г. Москва

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»
Высшая школа экономики и бизнеса
Кафедра политической экономии и истории экономической науки

Проведение конференции, приуроченное к памятной дате – 11 февраля, Международному дню женщин в науке, определяет ее цели и задачи:

- обмен актуальной информацией в сфере изучения женского труда,
- привлечение внимания научной общественности к теме женского труда,
- коммеморация Дня женщин в науке.

На конференции предполагается обсуждение широкого спектра научных вопросов, связанных с трудовой деятельностью женщин:

1. Теоретические проблемы изучения женского труда в России и в мире.
2. Источниковая база для изучения женского труда в России и в мире: компаративный аспект.
3. «Женские профессии»: интерпретация термина и практическая реализация.
4. Законодательное регулирование труда женщин в России и в мире.
5. Женские профессиональные организации в России и в мире.
6. Динамика трудовой занятости женщин в России и в мире.
7. Женский труд в годы войн и революций.
8. Женский труд в науке: научные исследования, школы, открытия, академическая жизнь и карьера.
9. Женский труд в семье: домашняя экономика труда.

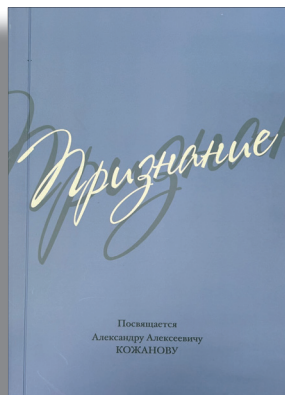
В рамках конференции будет организован круглый стол «Женщины на фронтах Великой Отечественной войны», посвященный Году 80-летия Победы, мира и единства в борьбе с нацизмом.

Для участия в конференции необходимо отправить заявку на адрес: Rudkovskaya.MM@rea.ru до 31 декабря 2024 г. включительно. Контактное лицо от РЭУ им. Г. В. Плеханова: Маргарита Михайловна Рудковская, +7 910 230 81 17

Более подробная информация на портале: www.kon-ferenc.ru

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Chentsov A. S.</i> FIGHTING THE ENEMY'S SABOTAGE AND TERRORIST UNDERGROUND IN EAST PRUSSIA ...	71
ARCHAEOLOGY			
<i>Zhulnikov A. M.</i> ASTRONOMICAL SIGNS IN THE ONEGA PETROGLYPHS: CLASSIFICATION AND CON- TEXT	8	<i>Savchenko A. S.</i> PLACES OF FORCED DETENTION IN CRIMEA DURING THE NAZI OCCUPATION	79
WORLD HISTORY			
<i>Bezrukov D. A.</i> IVAN ARKHIPOV'S VISIT TO CHINA IN 1984 (A STUDY OF CHINESE PRESS MATERIALS)	20	<i>Chunin P. A.</i> "REINDEER MANIA" AMONG THE ADMINIS- TRATION OF THE MURMANSK DISTRICT AT THE TURN OF THE 1930S.	88
<i>Minxiang Yan</i> ACQUISITION OF BOOKS BY RUSSIAN MIS- SIONARIES IN BEIJING DURING THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY	27	IX ANDROPOV READINGS	
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH		<i>Vasiliev Yu. A.</i> KARELIAN PAGE OF THE "LENINGRAD CASE" ...	96
<i>Barynkin A. V.</i> EVOLUTION IN PRE- AND POST-WWI PER- SPECTIVES ON ECONOMIC WARFARE	39	<i>Verigin S. G.</i> YU. V. ANDROPOV IN THE MEMOIRS OF G. N. KUPRIYANOV, THE FIRST SECRETARY OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COM- MUNIST PARTY (OF BOLSHEVIKS) OF THE KARELO-FINNISH SOVIET SOCIALIST RE- PUBLIC	106
RUSSIAN HISTORY		<i>Parfenov Zh. P.</i> WHO LED THE RESISTANCE MOVEMENT IN THE KARELO-FINNISH SOVIET SOCIAL- IST REPUBLIC – YURY ANDROPOV OR GEN- NADY KUPRIYANOV?	112
<i>Senyavskaya E. S.</i> THE IMAGE OF HUNGARY AS AN ENEMY IN THE MINDS OF SOVIET CITIZENS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	45	Reviews	
<i>Zykin I. V.</i> TRAINING OF TIMBER INDUSTRY MANA- GERS DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS.	55	<i>Sokolov A. S.</i> The book review: Recognition: collection of articles. ...	116
<i>Kozhevnikova Yu. N.</i> THE CLERGY OF THE KOLA DEANERY AC- CORDING TO THE CENSUS RECORDS OF 1816 ...	64	Scientific information	
		<i>Goldin V. I.</i> Foreign military intervention in Russia (1917– 1922): conceptualization in the context of modernity ...	120
		Scientific information	123

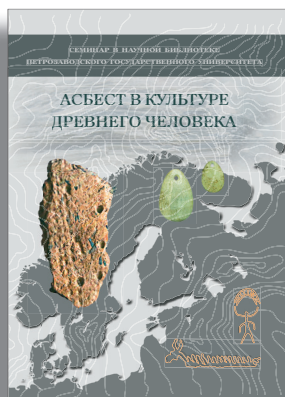
ПРИЗНАНИЕ

Посвящается Александру Алексеевичу КОЖАНОВУ

Сборник посвящен университетскому преподавателю, руководителю кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, этносоциологу, библиофилу и просветителю, кандидату исторических наук Александру Алексеевичу Кожанову (1.09.1949–29.05.2021). Сборник подготовлен коллегами и учениками Александра Алексеевича как дань уважения и признательности человеку, у которого посчастливилось учиться и (или) иметь удовольствие работать вместе. Тексты статей, включенные в него, в большинстве своем несут мемуарный характер, но некоторые из них подготовлены как специальные исследования. Их тематика не случайна и была «задана» сотрудничеством авторов с героем сборника. Разнообразие сюжетов, жанр исполнения той или иной статьи во многом отражают широкий кругозор и многогранность личности Александра Алексеевича Кожанова, которому авторы с искренней любовью и глубоким уважением посвящают настоящее издание.

Признание : сборник статей / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; ответственные редакторы: А. В. Антошенко, С. Э. Яловицкая. – Петрозаводск : Версо, 2024. – 240 с. – Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову.

Отзыв на книгу читайте в рубрике «Рецензии»

АСБЕСТ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

В настоящем сборнике публикуются статьи, составленные на основе докладов участников межрегионального научного семинара «Асбест в культуре древнего населения Северной Европы», проведенного в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета 13 декабря 2023 года. Публикуемые в сборнике материалы рассматриваются авторами статей в контексте межкультурного и социального взаимодействия древнего населения Северной Европы.

Материалы сборника представляют интерес для археологов, историков и широкого круга читателей, интересующихся историей первобытного общества.

Асбест в культуре древнего человека : сб. ст. / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т; сост. : А. М. Жульников, М. П. Отливанчик, Е. В. Сви́дерская. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – 230 с.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ

«Памятная книжка Кижской волости» представляет собой новый опыт создания провинциального справочника, который ежегодно издавался в XIX – начале XX в. в губерниях Российской империи. По старой традиции, в ней содержится историческая, этнографическая и краеведческая информация о конкретной территории. При этом здесь впервые реализована идея объединения истории деревень Кижской волости по письменным источникам и по воспоминаниям местных жителей. В народных мемуарах отражена динамика развития личных, семейных и общественных отношений большой группы жителей Заонежья. Хронологически это период с середины XVI в. и по настоящее время.

Памятная книжка Кижской волости / Министерство культуры Российской Федерации, ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»», Фонд поддержки и развития культуры «Преображение» ; сост., общ. ред.: С. В. Воробьева, В. А. Кирьянов. – Петрозаводск : Издательский дом ПИН, 2022. – 372 с.

СПАССКАЯ ГУБА

Взгляд через века

Сборник статей посвящен различным аспектам истории и современного состояния населенных пунктов Петровского сельского поселения Кондопожского района Республики Карелия. Книга знакомит с историей одного из красивейших уголков Карелии – Мунозерского края и его окрестностей. Герои книги – местные крестьяне, колхозники, лесорубы, священники, предприниматели и благотворители, а также путешественники, посещавшие этот край, включая императоров Петра I и Александра II. Книга расскажет, как изучать своих предков, свое родословие.

Сборник предназначен для историков, краеведов, преподавателей высших и средних учебных заведений, а также для всех, кто интересуется историей Карелии и Кондопожского района.

Спасская Губа: взгляд через века : материалы краеведческой конференции в рамках IV Фестиваля уснувших деревень (29 октября 2022 года, село Спасская Губа) / Проект «Фестиваль уснувших деревень» [и др.] ; сост., отв. ред. А. М. Пашков ; редкол.: А. А. Гуккин [и др.]. Петрозаводск : Periodika, 2023. 298 с.

